

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЛИНГВОДИАКТИКИ
ИНСТИТУТ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА

Сборник научных трудов

Выпуск пятый

Санкт-Петербург
2020

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ
ИНСТИТУТ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

**НОМО LOQUENS:
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА**
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА

Сборник научных трудов

Выпуск пятый

Санкт-Петербург
2020

Представлено к публикации оргкомитетом
Международной научно-практической конференции
«*Homo loquens: язык и культура.*
Диалог культур в условиях открытого мира»

Составители и редакторы выпуска:
Н. А. Трофимова, С. В. Киселёва, И. Б. Руберт

Редакционная коллегия серии:
Д. К. Богатырев, С. М. Капилупи, С. В. Киселева, И. Б. Руберт,
Н.А. Трофимова, А. А. Синицын

«*Homo loquens: язык и культура.* Диалог культур в условиях открытого мира». Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции. Электронное научное издание. Вып. 5 / сост. и ред. С. В. Киселёва, И. Б. Руберт, Н.А. Трофимова, А. А. Синицын. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2020. 272 с.

ISBN 978-5-907309-16-6

Сборник научных трудов составлен по материалам докладов, прозвучавших на Пятой международной научно-практической конференции «*Homo loquens: язык и культура*», состоявшейся 18 апреля 2020 г. (Санкт-Петербург, Русская христианская гуманитарная академия). Организаторами чтений выступили Факультет мировых языков и культур РХГА, Кафедра зарубежной филологии и лингводидактики РХГА и Институт итальянского языка и культуры. В сборнике представлены результаты научно-исследовательской работы преподавателей вузов, научных работников и начинающих исследователей в области филологии, культурологии, педагогики, психологии, истории, археологии и архитектуры, истории литературы и философии гуманитарного образования.

Сборник рассчитан на преподавателей, студентов и всех, кто интересуется проблемами истории и теории языка и культуры.

ISBN 978-5-907309-16-6

© Коллектив авторов, 2020
© Издательство РХГА, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОВОДНИК НОМО LOQUENS В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Бычков В.Н., Алтуфьев А. А.</i>	
ЛИНГВОФИЛОЛОГИКА В СИСТЕМЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ	8
<i>Иванова Б. Л.</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В АУДИТОРНОЙ И ВНЕАУДИТОРНОЙ ФОРМАХ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ...	16
<i>Руберт И.Б., Кононова И.В.</i>	
ФИЛОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА. НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	24
НОМО LOQUENS КАК ЯЗЫКОВАЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ	
<i>Гатаулина Н.А.</i>	
СИСТЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР ДЛЯ ПОНЯТИЯ <i>CONTRACT</i> В ТЕРМИНАХ СМИ США	42
<i>Миронова М.Ю., Киселева С.В.</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	33
<i>Песина С.А.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ «ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА»	39
<i>Пиоло Боил ди Путифигари Ч., Попова-Пле О.</i>	
РАЗВИТИЕ ПРАВИЛ ПУНКТУАЦИИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЛУИДЖИ ПИРАНДЕЛЛО).....	46

<i>Росянова Т.С.</i>	
РОЛЬ МИЛITAPНОЙ МЕТАФОРЫ В КОНЦЕПTУАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ МАРКЕТИНГА	53
<i>Смирнова Н.С.</i>	
НЕКОТОРЫЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО ПРОБЛЕМНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЦЕРКОВНО-БОГОСЛОВСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	60
<i>Трофимова Н.А.</i>	
ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ СМИ	69
<i>Ульяницкая Л.А., Шумков А.А.</i>	
ОСНОВНЫЕ РОМАНСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ ВАЛЛОНИИ	80
<i>Цыцаркина Н.Н., Саркисян Т.Г.</i>	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ	95
 НОМО LOQUENS КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЛИТЕРАТУРЕ	
<i>Бочегова Н.Н.</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ВНЕФАБУЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф. МАККОРТА «'TIS»	107
<i>Дашевская А.И..</i>	
FANFICTION КАК СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЖАНР: ЕГО ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	114
<i>Капилупи С.М., Обухович О.В.</i>	
РАЗВИТИЕ РОМАНА В РОССИИ И ИТАЛИИ В XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. МАНДЗОНИ, А.С. ПУШКИНА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)	119
<i>Филиппова Ю.В., Мирзоева С.Р.</i>	
МОТИВЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ РОМАНА Ф.С. ФИЦЖЕРАЛЬДА «НОЧЬ НЕЖНА»	137

<i>Sorella A.</i>	
LETTURE FIGURALI DELLA COMEDIA NELLA CASA DI DANTE IN ABRUZZO	144

**ЛОГОС. ЭТОС. МИФ:
ЛИКИ И ОТБЛИКИ КУЛЬТУР-В**

<i>Веселова С.Б.</i>	
ИГРЫ С МНЕМОСИНОЙ КАК УЗНАВАНИЕ НЕУЗНАВАЕМОГО (БЕРЛИНСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА НАБОКОВА)	159

<i>Печатнова Л.Г.</i>	
СПАРТАНСКИЙ ЦАРЬ ЛЕОНИД В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ ГЕРОДОТА И В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (ФИЛЬМ «300» РЕЖИССЕРА ЗАКА СНАЙДЕРА. 2006)	175

<i>Russel J.R.</i>	
LITERATURE AND COUNTERFACTUAL HISTORY OF THE JEWISH PEOPLE	181

НАЧИНАЮЩИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О НОМО LOQUENS

<i>Барышева Э.К.</i>	
ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ФИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СОДЕРЖАЩИХ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И ЧАСТЕЙ ТЕЛА)	209

<i>Елисеева Е.С.</i>	
RECEIVED PRONUNCIATION: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	214

<i>Макаров Д.С.</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «БАСКЕТБОЛ» (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	218

<i>Макарова М.Э.</i>	
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИГРОВОГО СЛЕНГА	224

<i>Мартинова А.Н.</i> МОТИВ ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	228
<i>Миклина Е.С.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»	234
<i>Потанькина Е.А.</i> МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ В РОМАНАХ ДЖ.К. РОУЛИНГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ	239
<i>Фомина Н.А.</i> УПРАВЛЕНИЕ ГЛАГОЛА В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ	244
<i>Чмыхало Т.Ф.</i> СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ И РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКАХ	247
<i>Штейнберг М.А.</i> СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМЕДИЙНЫХ СЕРИАЛАХ	250
<i>Эспозито Т.В.</i> ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ С ПОЗИЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ	255
P. S. POESIS ACADEMICA	
<i>Стефано Мария Капилупи</i> ПЕСНЬ ПОЭТА (стихи С.М. Капилупи в переводе автора)	264

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОВОДНИК НОМО LOQUENS В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 378.1

Бычков Валерий Николаевич
кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

Алтуфьева Александра Андреевна
кандидат филологических наук, доцент,
Русская христианская гуманитарная академия
a-lexy@mail.ru

ЛИНГВОФИЛОЛОГИКА В СИСТЕМЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ

В статье рассматривается целый ряд взаимосвязанных вопросов, решение которых актуально в современных информационных условиях. Новая информационная реальность требует введения ряда важных изменений в лингвистические и филологические исследования и их преподавание в высшей и средней школе. Одним из таких подходов может стать лингвофилология как важнейший логический инструмент в гуманитарных науках.

Ключевые слова: лингвофилология, образовательные технологии, киберпространство, символы и знаки, logos – слово – текст, лингвистика и филология.

*Bychkov Valery Nikolayevich
Altufieva Aleksandra Andreevna
Definition of Linguophilologics, its Place and Role in Translation
Technologies for their Linguistic and Philological Founding*

The article deals with some most essential questions of building up new educational approaches in Russian high and higher schooling under modern information conditions. The new reality demands some important changes in linguistic and philological researches and teaching. One of such initiatives involves linguophilologics as a principle logical instrument in human studies and humanitarian education.

Keywords: linguophilologics, educational technology, cyberspace, symbols and signs, logos – word – text, linguistics and philology

В современных экономико-политических и социологических науках стали регулярной практикой и нормой многие псевдо-логические «англо-

американизмы» в форме так называемых прецедентных отдельных терминов, понятий и целых утверждений без какого-либо их теоретического подтверждения или фактологического доказательства. В условиях толерантности и ничем неограниченной свободы слова это привело даже в сугубо научных изложениях к появлению самых неожиданных результатов, терминов, понятий, концепций и целых теорий, которые чаще всего стало практически невозможно адекватно интерпретировать в рамках другой научной парадигмы, хотя вербально обозначенной. «Поток сознания», о котором в 60-е годы прошлого столетия стали настоятельно и убедительно не только писать и говорить, но на основе которого стали сочинять свои произведения У. Фолкнер, другие известные в западном мире литераторы, в том числе нобелевские лауреаты, а позднее и наши отечественные коллеги, нашел литературное выражение действительно в потоке необычных образов. Такое положение вещей стало особенно четко осознаваться в переводческой работе, поскольку возникли реальные проблемы, ставящие под вопрос правомерность эквивалентности и адекватности не только самого полноценного перевода с одного языка на другой, но и проблемы для простого «межчеловеческого» понимания. Многое стало просто трудно читать.

Все перечисленное имеет непосредственное отношение к профессиональной подготовке начинающего, а также в практической работе уже «продвинутого» переводчика. Это важно и для понимания одного из основных принципов лингвофилологии. При более конкретной постановке вопроса речь здесь и далее идет об обязательности начала последовательной и систематической текстологической подготовки и практики работы уже на самом раннем этапе профессиональной ориентации студента, но сначала на родном языке. Этот момент приходится особо подчеркивать, учитывая тот «печальный» факт, что современный выпускник школы – это мало читающий человек, как правило, привыкший работать с исключительно малыми лингвистическими формами. При переходе же к работе на иностранном языке следует иметь в виду, что переводится не отдельное слово и даже не отдельное словосочетание, а текст как законченное целое. Для этого посредством специального тренинга необходимо научить и научиться «видеть» и воспринимать текст или его фрагмент целиком, а отдельные слова и выражения только как его составляющие единицы. При этом смысло-составляющими и смысло-различительными признаками выступают конкретные субъект-предикат-объектные грамматические отношения и их вербализация на уровне отдельного предложения, в сверхфразовом единстве и в тексте в целом. Такая академическая подготовка должна начинаться сначала на родном языке и затем продолжаться и углубляться в сопоставительном русско-иноязычном, а далее в иноязычно-русском режимах. Обобщая, можно констатировать следующее. Основной принцип лингвофилологии, который объединяет и развивает все

последующие, можно сформулировать как логостичность общей человеческой речемыслительной деятельности. То есть это принцип логоса, о котором исторически говорят уже с древнейших времен, но который в речи может по-разному проявляться в зависимости от позиции «активности или пассивности» субъекта. Данное положение вещей лучше всего иллюстрируются примерами из начертательной геометрии, где один и тот же объект в зависимости от проекции, то есть в зависимости от точки зрения наблюдающего субъекта, предстает в совершенно различных «образах», а в предельном случае – даже в форме отдельной точки. Еще более «очевидным» примером может послужить данный текст, который печатается в данный момент. Например, компьютерная программа, которая представляет собой в данном случае и своего читающего автора-субъекта, «видит» текст в целом – так уж специально составлена программа, – очень часто графически подчеркивает не только орфографически ошибочно написанные слова, но «нелогичные», с ее точки зрения, не согласующиеся друг с другом отдельные случаи (нелогичные фразы и целые отрезки текста). Тогда их приходится исправлять, как и исправлять один из вариантов перевода.

Наша эпоха – начало XXI века – характеризуется неравномерным развитием: не наблюдается резкий скачок технической цивилизации и слишком медленное развитие отечественных гуманитарных наук, основным предметом которых вновь должен стать «человек» в его делах и поступках, мыслях и устремлениях, фантазиях и эмоциях. Если технологическая цивилизация создала мощные средства эксплуатации человека и даже потенциального его уничтожения, то гуманитарные науки, которым потенциально по силам помешать это сделать, пока неспособны его спасти, ибо не обладают достаточными познаниями, чтобы понять человека в современном социуме и сделать более совершенным и оптимальным его поведение.

Очевидно, что без обновленного анализа содержания концепта «человек» невозможно его адекватное описание. Язык – самое человечное в человеке, он рождается в языке, который формирует его мировоззрение, его реакции на мир. Он является естественным средством его социализации и – и фактически единственным средством не просто и не только проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре или субкультуре.

В данной связи одной из актуальных задач становится описание некоторых средств и способов языковой категоризации концептов гуманитарных наук в их соотнесении с миром так называемых точных физико-технических дисциплин. Это в наше время стало актуально по целому ряду причин и обстоятельств. Во-первых, весь не только внешний мир человека стал totally искусственным и технизованным, все виды человеческой деятельности выполнены в технологических решениях, в частности, средствами искусственного

интеллекта и нейронных сетей. Во-вторых, практически все основные термины в точных науках в качестве вербальных форм выражения были в свое время «напрямую заимствованы» из естественных языков. В частности, это – определенность и неопределенность, информация, форма и информа как ее содержание, знак и признак, пространство и время и многие другие, но теперь они уже с новом семантическим содержанием вернулись и стали использоваться в некоем новом, более точном, терминологическом значении в таких, казалось бы, древних, уже давно «составившихся» науках, как лингвистика, филология и философия.

Современная семиотика как наука о знаковых системах, различая в знаке означающее и означаемое в качестве двух его сторон, практически исключает из структуры значений слова (акустического знака) тот элемент, который непосредственно связан с «предметом», отражением которого является представление. Этот сенсомоторный элемент речемыслительной деятельности человека предполагает, что осмысление словесного символа – словоформы именно так, а не иначе, происходит не как простое узнавание того или иного значения словарного слова в том или ином «звучании» или в его письменном отображении. Осмысление есть процесс узнавания и означивания самого предмета мысли, в качестве которого могут выступать сущности, явления, состояния, действия, качества, отношения. Этот процесс восприятия предмета мысли в конечном результате должен стать верbalным обозначением мыслимого предмета, без чего невозможно было бы говорить об акте речи. Иначе говоря, осмысление есть категория лингвофилологическая, а не просто лингвистическая и, тем более, не просто и только психологическая (психолингвистическая). Сущность названной операции осмысления, собственно «обозначения» на уровне бытового логического мышления составляет вербальную категоризацию предмета мысли, операционально понимаемую как абстрагирование памятью некоторых общих признаков, характерных особенностей непосредственно воспринимаемых предметов.

Не всякое обозначение равнозначно осмыслению в указанном его понимании. По крайней мере, когда речь идет об индивидуальном сознании. Это особенно четко проявляется в ходе подготовки лингвистов, филологов, переводчиков и осуществляемых ими переводов, которые делаются во многих случаях чисто механически. В свою очередь на интерсубъектном уровне в коммуникативных актах, как будет показано ниже, происходит своего рода усреднение индивидуальных «словоупотреблений», и применительно к речевым актам сделанная оговорка имеет смысл только до определенного момента, который и необходимо установить. На наш взгляд, через такое осознание предмета мысли и проводится грань, позволяющая рассматривать устную и письменную виды речемыслительной деятельности как два разнокачественных вида, подчиняющихся разным закономерностям

функционирования языка.

В плане изложения данной статьи соответствующий вопрос можно сформулировать следующим образом – сколько разных слов, терминов и, соответственно, обозначаемых ими семантических признаков «средний» человек в среднем способен воспринять, осознать, контекстуально понять, а самое главное – удержать в поле потока своего сознания в течение каждой условной, быстро текущей единицы времени? Очевидно, что речь здесь идет об информационной емкости человеческого сознания и отдельных вербальных речемыслительных единиц. При этом открываются весьма интересные и неожиданные результаты. В частности, средняя избыточность, то есть узнаваемость и осознание в потоке речи, прочтения текста, диалога и под, колеблется в пределах 40-65 %, или 0,4-65 исчисляемых единиц. Например, это стало важно учитывать в условиях динамичных человеко-компьютерных коммуникаций, но особенно – при подготовке и проведении так называемых дистанционных учебно-образовательных мероприятий – лекций, семинарских и практических занятий. Известно, что при работе с печатными учебными, а тем более с научным текстами, к ним можно возвращаться многократно для более полного и глубокого понимания и максимального запоминания. Но для восприятия, осознания и понимания субъектом динамичных аудио-визуальных кинокадров или бегущей строки на экране персонального компьютера или смартфона человеческое восприятие весьма строго ограничивается по количеству воспринимаемых вербализованных признаков в каждую единицу времени. Представляется, что в качестве условной единицы при таких вычислениях имеет смысл выбрать именно признаки, которыми выступают для субъекта в форме образов, представлений конкретных проявлений объектов, о которых идет речь, текстуально представленных в форме словесных названий этих признаков.

Представляется адекватной и уже достаточно обоснованной репрезентация базовых концептов и их производных через классическое, «фундаментальное» понятие образа. В нашем случае образ предстает как вербализованное, графическое или иное другое аудио-визуальное представление профессиональных, научно-образовательных и учебно-воспитательных выразительных элементов и коммуникативных форм в рамках заданного киберпространства. Саму идею киберпространства можно направленно совершенствовать посредством ряда более конкретных, менее умозрительных пространственных метафор, связывающих в единую среду многомерного сетевого обитания конкретного человека с его партнерами, их компьютеры, и опосредующие их серверные базы данных с автоматическими трансляторами в синхронном временном промежутке совместного существования.

Предложенное в данной работе изложение посвящено идее о

необходимости систематизации и унификации понятийно-терминологического оформления того, что представляют собой современные компьютерные коммуникации в приложении к учебно-образовательному процессу, прежде всего в области гуманитарных дисциплин. Общеметодологическая проблематика в данном аспекте осложняется целым рядом обстоятельств, но прежде всего тем терминологическим разнобоем, который наблюдается в настоящее время в современном отечественном и зарубежном научоведении, которое часто предлагается рассматривать в качестве однословного символического гипонима для самых различных направлений философии и социологии, естественных и гуманитарных наук.

Компьютерная учебно-образовательная коммуникация может рассматриваться как комплекс коммуникативных рационально организованных действий, шагов и поступков членов образовательного социума, связанных с обменом информацией и определением модуса поведения членов сообществ при их общении друг с другом посредством компьютера. Его главной специфической характеристикой является именно профессионально ориентированное взаимодействие: интеракция участников такой коммуникации происходит в специфической технологической среде создания, развития, совершенствования аппаратной части компьютера и его программного обеспечения. Здесь важным моментом выступает тезис о том, что реально эффективная полноценная коммуникация становится возможной только на уровне подготовленных к общению коммуникантов, что имеет существенный лингвифилологический смысл, в том числе в аспекте обучения переводчиков, которое требует создания новой системы подготовки, адекватной современным условиям обучения и социальному заказу [3, с. 26]. В данной связи необходимо воздать должное отечественному программируенному обучению 80-90 годов истекшего столетия. В те годы профессионалами-педагогами и программистами, несмотря на более чем скромный опыт по сравнению с современным технологическим совершенством, был накоплен значительный научно-методический и психолого-педагогический потенциал, практический опыт и профессиональные знания, которые резонно было бы использовать хотя бы для того, чтобы избежать старых ошибок.

Проблемам, связанным с определением специфических признаков сетевой компьютерной коммуникации, посвятили свои работы многие исследователи, опыт которых достаточно подробно и разносторонне освещен Е.Н. Галичкинй [1]. Ими выделяются целый ряд специфических признаков сетевой компьютерной коммуникации, отличающих ее от других коммуникационных сред: цифровой канал передачи сигнала; дистантность; анонимность; практическая непосредственность или сетевая структура; гипертекстуальность; мультимедийность; устно-письменный характер коммуникации. Другие специалисты особо подчеркивают также наличие следующих отличительных

признаков сетевых компьютерных коммуникаций, часто именуемых виртуальными и электронными: электронный сигнал; дистантность и опосредованный характер электронной коммуникации; использование гипертекста в электронной коммуникации; статусное равноправие участников и передача эмоций с помощью дополнительного набора знаков (смайликов); сочетание вербальной и невербальной информации; специфическая компьютерная этика; психологические особенности интернет-общения: анонимность; добровольность и желательность контактов; высокая эмоциональная насыщенность.

За истекшие два десятилетия общение при помощи компьютера стремительно набирало обороты и меняло свои формы – вначале от эпизодических случаев так удачно названной электронной почты до современных аудио-визуальных контактов по мобильным телефонам. Последние действительно стали теле-, видео- и звукопередающими и принимающими устройствами, они играют все возрастающую роль в современной жизни и радикальным образом меняют технику и стилистику прежде всего деловых и научных коммуникаций и различных, порой самых неожиданных форм личного общения. Понятно, что по своей информационной сути компьютерная коммуникация с самого начала стала органическим продолжением и развитием печатной письменности в ее разнообразных формах и проявлениях как особого канала общения, ознаменовавшего возникновение современной информационной цивилизации. Как известно из истории человеческой коммуникации создание письма, книгопечатания привело не просто к значительным изменениям в количественно-качественном характере языкового общения и как результат – к ускорению технологических и информационных преобразований общества в целом, но и самой структуры сознания конкретных людей. Существенно то, что широко и свободно доступная печатная письменность изменила сам рационально-эмоциональный мир человека, его интеллектуальный потенциал и информированность, осознанность поведения в природной и социальной средах. Книгопечатание не только обогатило лексический состав языка и способствовало его нормативно-стилистической регламентации, но и усложнило его синтаксические формы. Более того, все современные языки своими достоинствами обязаны именно письменности. Подробно и обоснованно, логико-методологически последовательно на разнообразном лингвистическом материале эти вопросы освещены в теоретической монографии Н.Л. Сухачева [2]. Отдавая должное «эпохе классики книгопечатания», необходимо готовиться к еще более революционным изменениям информатизации практически всех сторон человеческой деятельности в ближайшем будущем, которое уже стремительно наступает на наших глазах. Мы являемся свидетелями появления принципиально новых форм существования и проявления естественных языков

и речи. Одни из небольших шагов в этом направлении должна обеспечить та самая лингвофилологика, о которой явно или неявно между строк говорилось в данной весьма краткой, фактически поставившей целый ряд вопросов работе. Очевидно, что обсуждаемая проблематика требует более обстоятельного изложения с привлечением многих источников и примеров, что является задачей на будущее.

Литература

1. Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация. Лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. М.: ФЛИНТА, 2019. 332 с.
2. Сухачев Н.Л. Экскурсы в историю письма. Знак и значение. М., 2018. 1160 с.
3. Трофимова Н.А., Григорьев И.В. Стратегия развития языкового образования в университете сервиса и экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. СПб.: ГУСЭ, 2012. С. 25-31.

УДК 372.881.1

Иванова Бэлла Лазаревна

старший преподаватель,

Русская христианская гуманитарная академия

ivanova.bella@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В АУДИТОРНЫХ И ВНЕАУДИТОРНЫХ ФОРМАХ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В условиях глобализации обладание межкультурной коммуникативной компетентностью безусловно приобретает особую значимость для установления межнациональных и межкультурных контактов. Автор статьи рассматривает возможности формирования и развития межкультурной коммуникативной компетентности в процессе изучения иностранных языков в аудиторных и внеаудиторных формах работы и делится опытом, приобретенным в течение ряда лет.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетентность, деловой иностранный язык, деловые игры, социально-имитационные модели, клуб общения на иностранном языке.

Ivanova Bella Lazarevna

*The Formation and Development of Intercultural
Communicative Competence in Class Hours
and Out of Class Studies of Foreign Languages*

In the age of globalization, the possession of intercultural communicative competence increasingly gains in importance for setting up inter-national and inter-cultural links. The author considers possibilities to form and develop this competence in teaching and learning foreign languages both in in- and out of class studies and shares her experience gained in the course of years.

Key words: intercultural communicative competence, foreign business language, business games, simulations, English Speaking Club.

Актуальность тематики формирования межкультурной компетентности личности определяется тенденциями развития современного общества и гуманистически направленного образования, центральной задачей которого является всестороннее развитие человека, его общекультурного уровня, потенциала творчества и работоспособности.

Становление и развитие человеческой культуры неразрывно связано с процессами общения между людьми в ходе общественно-исторической практики, результатом чего является совокупность материальных и духовных

ценностей, созданных и создаваемых человечеством на определенной ступени развития общества.

Культура общества развивается в национальной форме (язык, национальные обычаи, традиции и т.д.), однако при этом постоянно происходит процесс взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур через обмен материальными и духовными ценностями, приобретающими интернациональный, мировой характер.

При этом в условиях глобализации и процесса гармонизации и сближения систем образования стран Европы особую значимость приобретает межкультурная коммуникативная компетентность, то есть «способность достигать взаимопонимание с представителями разных культур» [4, с. 3], которая «позволяет личности устанавливать взаимоотношения с представителями других культур – признавать их культурные ценности, толерантно относиться к выявляющимся различиям в манерах общения, стилях поведения, образе жизни, обычаях, традициях и т.д.» [4, с. 3].

В формировании межкультурной коммуникативной компетентности важное значение имеют гуманитарные науки, в частности, – иностранный язык. Язык как таковой выполняет двоякую роль, являясь одновременно инструментом человеческого познания и формирования национальной личности: «Язык – орудие познания, с помощью которого человек познает мир и культуру <...> это орудие культуры: он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию» [6, с. 134]. Он отражает мир и культуру носителей языка и таким образом способствует пониманию культуры нации.

Межкультурная компетенция контекстуальна, то есть требует определенных знаний в ситуации, подходящей мотивации и определенных действий, которые рассматриваются как приемлемые в данном контексте. Эффективность межкультурной коммуникации (МКК) определяется нормами поведения, которые должны быть подходящими и эффективными, то есть которые соответствуют ожиданиям представителей другой культуры и приводят к достижению желаемого результата. Межкультурная компетенция требует владения необходимыми специфическими знаниями о нормах, которые действуют в определенной культуре, например, о правилах и традициях большого количества культур. [5, с. 855].

Первостепенное значение иностранного языка заключается в том, что именно он способствует процессам такого понимания, являясь средством общения между нациями. «Язык <...> и сформированная с его помощью культура ... общества находятся в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии» [7, с. 19]. Человек, владеющий иностранным языком, несомненно, имеет более широкие возможности повышения своего

культурного уровня и межкультурной коммуникации за счет приобщения к иноязычной культуре через устные и письменные средства коммуникации.

При этом иностранный язык открывает такие возможности уже на начальных стадиях процесса обучения: любой иноязычный, пусть даже и учебный, текст несет в себе элемент страноведческого характера.

Согласно теории Р. Уивера, культуру можно представить в виде айсберга, меньшая, «надводная» часть которого охватывает «видимые» понятия культуры страны (традиционную одежду, национальную пищу, географические, политические и экономические особенности страны и пр.), тогда как «под водой» находится большая часть культуры: язык жестов, понятия этики, социальные и демографические изменения, литература, искусство и др. Преподаватели иностранного языка помогают учащимся узнать и понять как явные, так и невидимые составляющие «культурного айсberга», пытаясь вывести их за рамки денотатных аспектов языка и используя на занятиях не только материалы страноведческого характера, но и любые возможности осветить внутреннюю культуру и менталитет другой страны.

Культура в таком случае рассматривается не только как литературное и художественное наследие, но и как набор ценностей, позволяющий индивидууму успешно функционировать в данном обществе.

Одним из способов овладения особенностями культуры другой страны на занятиях по иностранному языку является перевод. Традиционно этот метод является средством контроля понимания иноязычного текста. Однако сегодня как никогда этот вид речевой деятельности требует не автоматического перевода слов, а глубокого осознания и анализа информации, заложенной в тексте, что заставляет студента постоянно находиться в состоянии принятия решений, причем не только на уровне языка, но в неменьшей степени и в сфере межнационального общения.

Перевод, даже если это всего лишь упражнение в процессе обучения иностранным языкам, помогает студенту на практике осознать различия во взглядах на мир и моделях культуры.

Однако перевод, равно как и чтение иноязычной литературы, никоим образом не заменяет «живое», индивидуальное устное общение с представителями другой культуры.

Являясь средством познания мировой культуры, язык в то же время представляет собой способ представления духовных ценностей своей страны. Иностранный язык позволяет представителям разных наций самовыражаться, находить понимание со стороны других и, в свою очередь, правильно реагировать на полученную информацию на межнациональном уровне. В процессе коммуникации постоянно осуществляется эволюция: накопление и сохранение, а также передача и обогащение своего собственного культурного наследия за счет прошлого и настоящего опыта других наций.

В сфере обучения иностранным языкам «основной целью учебного процесса становится развитие коммуникативной компетенции, которая помимо лингвистической компетенции включает овладение практическими навыками межкультурного общения» [1, с. 3]. Преподаватели иностранного языка стремятся к тому, чтобы обучающиеся осознали особенности речевого поведения различных «коммуникантов» в зависимости от особенностей их языковой культуры, а также времени и места общения. Представители разных стран имеют различные взгляды на то, что, по их мнению, звучит дружелюбно и вежливо, а что – грубо и обидно. К тому же люди иногда выражают одни и те же мысли по-разному в зависимости от партнера по коммуникации. Одно дело – общаться с зарубежным другом примерно своего возраста, и совсем другое – давать интервью иностранному репортеру или вести переговоры с деловым партнером. Иначе говоря, насущной необходимостью является подготовка высококвалифицированных кадров, «обладающих набором общекультурных компетенций, важное место среди которых занимает способность осуществлять социальное взаимодействие на иностранных языках, готовность демонстрировать толерантность к другой культуре» [8, с. 27].

Рассуждая о связях иностранного языка и культуры общения, остановимся особо на проблемах делового международного сотрудничества, успех которого зависит не только от использования тех или иных стратегий на мировом рынке, но в неменьшей мере и от степени владения деловым иностранным языком.

Речевая деятельность специалистов ... погружена в контекст других видов его профессиональной деятельности, и поэтому он чувствует себя лингвистически комфортно при условии владения теми аспектами иностранного языка, которые позволяют ему реализовать себя как межкультурную профессионально-языковую личность [9, с. 233].

Деловой иностранный язык представляет сегодня не только язык как таковой, но и определенные параметры использования его в тех или иных межнациональных деловых сферах. Обладая различным историческим и политическим опытом, партнеры имеют различия и во взглядах на определенные понятия бизнеса и экономики. Именно поэтому одной из главных задач делового иностранного языка является развитие понимания и уважения культуры зарубежного бизнеса и развитие межкультурных деловых связей.

Две корпорации могут отличаться друг от друга как день и ночь, если дело касается традиций и стандартов поведения. Нельзя полагать, что методы и технологии, оказавшиеся эффективными в родной стране, приведут к тому же результату в зарубежной фирме.

Поведение, которое американский партнер по бизнесу сочтет заслуживающим доверия, будет воспринято совершенно противоположным образом представителем японской компании.

Иногда работникам международных компаний не удается добиться успехов и продвижения по службе, более того, некоторые из них теряют работу – именно из-за отсутствия навыков корпоративного общения.

Однако существуют такие правила культуры ведения бизнеса, которые являются общими для всех наций. Именно поэтому курс делового иностранного языка часто включает в себя такие обязательные темы, как «Знакомство. Умение правильно представиться и представить своих коллег», «Деловое общение по телефону», «Назначение деловой встречи», «Ведение переговоров», «Деловая переписка и корреспонденция» и другие. Помимо этого, курс делового иностранного языка освещает и национальные особенности делового общения в некоторых наиболее развитых странах, например: США, Великобритании, Германии, Франции, Японии и некоторых других. Не случайно в последнее время в программу включаются и такие аспекты как «Этика бизнеса», «Психология бизнеса», «Межкультурные деловые связи» и т.п.

В сфере делового иностранного языка также могут иметь место различные конференции, семинары, конкурсы, деловые игры и социально-имитационные модели [2].

Так, например, после изучения определенных тем мы проводили игры «Презентация», «Устройство на работу» и некоторые другие. Такие социально-имитационные модели воспроизводят различные ситуации делового общения, максимально приближенные к реальной жизни. В ходе игр группа экспертов оценивает не только речевые умения и навыки, а также знание предмета обсуждения, но и вопросы этики делового общения, речевого этикета и некоторые другие. Такие игры способствуют развитию как деловых качеств будущих специалистов, так и определенных личностных характеристик.

И, наконец, рассматривая проблему взаимосвязи иностранного языка и культуры, нельзя не отметить, что процесс освоения и усовершенствования иностранного языка, построенный с учетом современных требований, неизбежно включает в себя и развитие внутренней культуры личности, мышления и культуры общения.

Интерес учащихся к иноязычной культуре значительно повышается через внеаудиторные формы работы: конкурсы, викторины, олимпиады. Многие школы и вузы проводят всевозможные квесты и конкурсы: английской (немецкой, французской) песни, инсценирования текстов (учебных, обязательных для всех, и внеаудиторного чтения) и презентаций на иностранном языке.

Среди критериев оценки помимо соблюдения нормативного произношения учитываются художественная ценность произведения, уровень исполнения, оригинальность представления и некоторые другие. Кроме того, в процессе подготовки к конкурсу вырабатываются навыки культуры общения: эмоциональный накал подготовительного периода (поиски песни, выбор текста, репетиции, подготовка костюмов и реквизита) и презентации материалов способствуют сплочению коллектива команды.

Существуют и другие формы внеаудиторной работы:

- Проведение выставок и конкурсов сочинений, альбомов, стендов, плакатов и других работ учащихся;
- Проведение читательских конференций и диспутов;
- Конкурс докладов по страноведческой, литературной и другой тематике.

Много интересного узнают студенты, участвуя в конференциях. Так, например, в рамках ежегодной научно-практической конференции студентов СПбГИЭА работала «англоязычная» секция «Международный менеджмент», где освещались и обсуждались не только чисто профессиональные проблемы современной экономики и менеджмента, но и вопросы национально-культурных особенностей ведения бизнеса в той или иной стране.

Еще одной формой развития культурного уровня учащихся через внеаудиторные занятия являются кружки и клубы [3]. В Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете с 1993 года до слияния его с Университетом экономики и финансов (в 2011 г.) функционировал Клуб общения на английском языке. Здесь встречались студенты, аспиранты и сотрудники университета, которые хотели поддержать или развить свой уровень владения английским языком, особенно в сфере устного общения.

Еженедельные встречи клуба – это встречи с друзьями за чашкой чая, неподготовленные беседы на всевозможные темы, особенно часто – об англоязычных и других зарубежных странах, проблемах изучения иностранных языков, проблемах высшего образования, политических событиях, вопросах экономики, культурной жизни и многих других. Здесь часто звучали английские, русские, немецкие, финские и другие песни; решались логические задачи и загадки; проводились интересные психологические тесты, языковые и коммуникативные игры.

В гостях у Клуба за это время побывали студенты, преподаватели, учащиеся и даже пенсионеры из разных стран: Великобритании, США, Германии, Финляндии, Швеции, Австралии, Новой Зеландии. Членами клуба были не только российские, но и иностранные студенты, обучающиеся в ИНЖЭКОНе, например, приехавшие из стран Африки, Пакистана, Маврикий. Сюда приходили и аспиранты, заглядывали выпускники и сотрудники университета.

Члены клуба организовывали вечера, отмечали национальные российские, европейские и американские праздники. Здесь находилось место и добрым шуткам, и серьезным беседам. При этом не только развивались навыки иноязычного общения и приобретались знания страноведческого характера, но и повышался общекультурный уровень неформального общения как такового.

Современные средства коммуникации открывают новые возможности развития межнационального сознания учащихся, одним из которых является диалог между учащимися разных стран через электронную почту. Примером подобной деятельности может служить проект «Диалог», разработанный совместными усилиями кафедры английского языка государственного педагогического института им. Герцена (ныне РГПУ им. Герцена) и кафедры политологии и государственного управления (администрирования) университета штата Северная Дакота США. Проект позволяет развивать межнациональное сознание студентов на основе постоянного обмена мнениями по проблемам политического и культурного развития стран. При этом устанавливаются межкультурные связи между студентами-участниками проекта и совершенствуются их лингвистические компетенции.

Знание иностранного языка усиливает внутреннюю свободу и уверенность в своих силах, умение владеть собой. В процессе обучения укрепляются и углубляются основы эстетического и нравственного отношения к миру, людям, самому себе. Одновременно развивается познавательная активность учащихся, их творческие возможности. При этом преподаватели иностранного языка используют различные приемы развития памяти, логического мышления, речи и умения слушать. Это позволяет повысить общий уровень культуры общения.

Обобщая все вышесказанное, можно заключить следующее:

- Иностранный язык является инструментом взаимопроникновения и взаимообогащения национальных культур;
- Он открывает широкие возможности повышения общекультурного уровня учащихся за счет приобщения к иноязычной культуре;
- Преподаватели иностранного языка помогают учащимся узнать не только эксплицитную форму иноязычной культуры, но и ее внутреннее, имплицитное содержание;
- Новые возможности развития иноязычного сознания учащихся открывает электронная почта;
- Особое значение приобретает деловой иностранный язык как средство успешного общения в сфере делового международного сотрудничества
- Иностранный язык способствует также повышению уровня внутренней культуры учащихся, развивая их творческие способности, мышление, познавательную активность;
- Большую роль при этом играют не только аудиторные, но и внеаудиторные формы занятий.

Литература

1. Агасиева И.Р. Формирование межкультурной компетенции в процессе формирования способности к межкультурной коммуникации при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Концепт. 2015. Спецвыпуск №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mezhkulturnoy-kompetentsii-v-prosesse-formirovaniya-sposobnosti-k-mezhkulturnoy-kommunikatsii-pri-obuchenii/viewer> (Дата обращения 10.03.2020)
2. Иванова Б.Л. Деловые игры на иностранном языке. Разработка и внедрение. // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. трудов. В 2 т., т. 2 / [отв. ред. Д.Н. Новиков]. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 58-63.
3. Иванова Б.Л. Клуб общения на иностранном языке как один из видов организации культурно-досуговой деятельности. В сборнике: Социальная антропология города: культурное, социальное и хозяйственное пространство: сб. науч. трудов. СПб., 2019. С. 136-143.
4. Наролина В.И. Межкультурная коммуникативная компетентность как интегративная способность межкультурного общения специалиста // Психологическая наука и образование. 2010. №2. URL: http://psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2010_2_Narolina.pdf (дата обращения: 20.03.2020)
5. Пантелейева М.В., Валеева Р.А. Формирование межкультурной компетенции в условиях поликультурного взаимодействия (на материале американских исследований) // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-4. С. 854-859. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34011> (дата обращения: 17.03.2020).
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 148 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: Слово, 2007. 345 с.
8. Трофимова Н.А., Григорьев И.В. Стратегия развития языкового образования в университете сервиса и экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. СПб.: ГУСЭ, 2012. С. 25-31.
9. Цветкова С.Е. Специфика профессиональной направленности в формировании межкультурной коммуникативной компетенции у студентов экономических специальностей // Вестник КГУ. 2009. Т. 15. С. 232-235.

УДК 378.1

*Руберт Ирина Борисовна,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Русская христианская гуманитарная академия,
irleru@mail.ru,*

*Кононова Инна Владимировна,
доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
inkon_71@mail.ru*

ФИЛОЛОГИЯ. ЛИНГВИСТИКА. НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Авторы статьи обращаются к современному представлению о фундаментальных и прикладных задачах филологии и лингвистики и рассматривают сквозь эту призму перспективы развития академического лидерства в сфере исследования языка и литературы.

Ключевые слова: филология, лингвистика, развитие языкового образования, парадигма науки, модернизация высшего образования, конкурентноспособность образования, образовательная деятельность

*Rubert Irina Borisovna
Kononova Inna Vladimirovna
Philology. Linguistics. Some prospects for development*

The authors of the article turn to the modern understanding of the fundamental and applied problems of philology and linguistics and consider through this prism the prospects for the development of academic leadership in the field of language and literature research.

Key words: philology, linguistics, development of language education, paradigm of science, modernization of higher education, competitiveness of education, educational activities

В настоящее время наблюдается пересмотр традиционных представлений о фундаментальных и прикладных задачах образования и науки РФ. Это можно наблюдать уже на примере пересмотра перечня образовательных программ и научных специальностей. Задача пересмотра номенклатуры научных специальностей, в частности, в области филологических наук, была поставлена еще в начале года. В настоящее время работа ведется на уровне обсуждения. В отношении пересмотра задач и функций образовательных программ задачи

поставлены в плане развития академического лидерства в июле текущего года. В этом отношении абсолютно оправданным видится включение ранее лингвистики, как и филологии, в группу «Языкознание и литературоведение». При сравнении целей и задач лингвистики и филологии становится очевидным, что лингвистика является более молодым направлением, для которого характерна четкая формулировка объекта и предмета исследования. В то время как филология является наукой, «выросшей» из философии, вовравшей в себя все исторические и литературные аспекты рассматриваемой проблематики. По этой причине, в частности, труды и идеи выдающихся русских филологов, не оформленные в виде «ярлыков», направлений и пр., крайне удачно заимствовались западными коллегами, которые лишь давали названия разработкам отечественных ученых (например, прототипическая теория, которая обрела название на Западе, хотя разрабатывалась долгое время в России).

В настоящее время ситуация требует максимальной концентрации усилий филологов, лингвистов, языковедов целом в направлении сближения научных интересов в новой парадигме науки. Это связано с необходимостью достижения следующих национальных целей Российской Федерации и решении следующих задач:

- обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число ведущих стран мира по качеству высшего /общего образования;
- модернизация высшего образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ, обеспечивающих индивидуальную траекторию обучения;
- интернационализация образовательной деятельности за счет увеличения не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, внедрения системы двойных дипломов, а также реализации комплекса мер по трудуоустройству лучших из них в Российской Федерации;
- подготовка кадров для сферы образования и науки;
- обеспечение ускоренной разработки и внедрения цифровых технологий в целях повышения конкурентоспособности российской экономики.

Одновременно объединение усилий теоретиков и практиков позволит

- диверсифицировать научно-образовательный профиль гуманитарных вузов на основе сотрудничества с зарубежными вузами, предприятиями реального сектора экономики, что позволит обеспечить качественное практико-ориентированное образование, отвечающее мировым стандартам;

- создать научную и образовательную базу для подготовки специалистов всех уровней в области гуманитарных и лингвокогнитивных технологий, проводить фундаментальные и прикладные научно-исследовательские работы в рамках национальных проектов, актуальных программ министерств РФ, Федеральных агентств и других заказчиков реального сектора экономики,
- получать новые результаты интеллектуальной деятельности в сфере лингвистики, обеспечить их внедрение и коммерциализацию, оказывать научные услуги, ориентированные на рынок высоких технологий.

Актуальными являются сетевые формы на основе описания компетентностной модели будущего выпускника, в которой будут учитываться существующие профессиональные стандарты и к формированию которой будут привлечены потенциальные работодатели.

Для достижения данной цели представляется необходимым создать консорциум университетов и профильных организаций, с целью заключения договора о сетевой форме реализации образовательной программы между участниками консорциума и использованы материально-техническая база и кадровый потенциал организаций.

Например, направление подготовки 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика» имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, ориентировано на профессиональные стандарты «Программист», «Специалист по управлению информационными ресурсами», «Технический писатель» и направлено на подготовку специалистов для современной цифровой экономики, совмещающих лингвистические компетенции и компетенции в области программирования и ИТ-технологий.

Усиление конкуренции и потребность компаний в детальном изучении поведения потребителей, развитие семантического веба, машинного обучения, интеллектуальных систем и т.п., роботизация различных видов деятельности и использование «умных» устройств, развитие межмашинных технологий (*machine-to-machine technology*) приводят к тому, что востребованной в реальном секторе экономики является разработка научных технологий, включающих системы обработки естественного языка, построения семантических сетей, тезаурусов, экспертных систем, систематизации и стандартизации терминосистем, создания корпусов русского языка и компьютерного моделирования интеллектуальных функций.

Актуальным является развитие всех видов дистанционного образования на основе онлайн-платформ, создание интерактивного онлайн-контента и развитие новых методик преподавания, основанных на использовании онлайн методик, методик смешанного обучения с частичным использованием онлайн-платформ для реализации отдельных компонентов дисциплин – *D-learning*, *E-learning* или *B-learning*.

Развитие систем автоматизированного перевода требует профессиональной подготовки специалистов всех уровней в области синхронного, последовательного, письменного, удаленного перевода с применением технологий автоматизированного перевода и обработки текстов. Актуальным является составление, внедрение в учебный процесс и коммерциализация межъязыковых тематических электронных словарей, справочных изданий, учебных пособий, маркетинговых и рекламных изданий различной тематической и дискурсивной направленности; разработка дидактических подходов к осуществлению удаленного устного перевода. Развитие науки и техники требует создания электронных тезаурусов на базе современных ИТ-платформ.

Выпускники бакалавриата и магистратуры по программе «Фундаментальная и прикладная лингвистика» востребованы во многих сегментах современного рынка труда. Они могут быть заняты в сфере информационных технологий, в высокотехнологичных отраслях экономики и академической науке.

Выпускник ОП имеет возможность трудоустроиться по следующим профессиональным направлениям:

- компьютерный лингвист;
- программист, разработчик программ обработки естественного языка;
- лексикограф, разработчик электронных словарей, лингвистических баз данных;
- специалист по управлению информационными ресурсами;
- разработчик программ, курсов мобильных приложений для дистанционного обучения,
- консультант и эксперт по дистанционному образованию.

Рынок труда по данному направлению подготовки широк и включает, в частности:

- крупные ИТ-компании, чья деятельность связана с обработкой больших объемов текстовых или речевых данных;
- предприятия и организации в сфере торговли, финансовой и банковской деятельности, здравоохранения, где требуется применение современных информационных технологий в анализе лингвистических данных;
- переводческие компании, рекламные агентства, средства массовой информации;
- научные и научно-образовательные организации.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что только объединение усилий ученых теоретиков и практиков в настоящее время способно обеспечить «прорыв» в области гуманитарного образования.

НОМО LOQUENS КАК ЯЗЫКОВАЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ

УДК 811.111'42

Гатауллина Наталья Анатольевна

преподаватель,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

natalya.gataullina@gmail.com

СИСТЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР ПОНЯТИЯ CONTRACT В ТЕКСТАХ СМИ США

В статье рассматривается система метафорических образов понятия CONTRACT, формируемых американскими средствами массовой информации. Исследование выполнено на основе полной выборки текстов корпуса современного американского языка COCA за 12 предшествующих лет. Результаты исследования позволяют утверждать, что ценностным ядром системы является концепт CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION, конкретизированный на уровне объектов, действий и их оценки системой артефактных метафор CONTRACT IS A CONTAINER/BUILDING/VEHICLE.

Ключевые слова: система концептуальных метафор, концептуализация, корпусное исследование, американский договор, американские СМИ.

Gataullina Natalia Anatolievna

The system of conceptual metaphors of American contract formed in US Mass Media texts

The paper considers the system of conceptual metaphors of American contract which is formed in the sphere of US Mass Media. The research is done on the basis of the text corpus revealed on the COCA corpus over the previous 12 years. The results lay the groundwork to confirm that the concept CONTRACT IS VALUABLE POSSESSION represents the abstract axiological core of the system, specified by the artefactual metaphors CONTRACT IS A CONTAINER/BUILDING/VEHICLE at the level of objects, actions and evaluation.

Keywords: system of conceptual metaphors, conceptualization, corpus-based research, American contract, American Mass Media .

Понятие CONTRACT является системообразующим для договорного права США, центром содержательное ядро концептосферы AMERICAN CONTRACT LAW. Как лексическая единица, *contract* входит в список 1500 наиболее употребительных слов американского языка (1375 место) [4]. Несмотря на то, что договор в первую очередь регулирует коммерческие отношения, понятие CONTRACT входит систему ключевых понятий сферы политики как смыслообразующее ядро понятия SOCIAL CONTRACT. По меткому замечанию

одного из блогов американской юридической компании McClanahanPowers, «Contracts are everywhere» [5]. Именно поэтому понимание сущности американского договора дает ключ к пониманию многих процессов в общественной, экономической, политической и, безусловно, коммерческой сферах американского общества. В этом смысле медийный дискурс представляется одним из важнейших источников исследования. Он отражает актуальный обобщенный смысл, стоящий за понятием, то есть приоткрывает нам доступ к сущности договора. Средства массовой информации оказывают мощное информационное влияние на читателя, слушателя, зрителя, внедряя нормы и ценности, формируя потребности, фокусируя и перефокусируя внимание рецептиента на различные аспекты явлений, событий, объектов и действующих лиц. Таким образом, определив основные метафорические образы, которые транслирует медийный дискурс на глубоком обобщенном уровне, можно делать выводы о процессах, происходящих в общественном сознании.

Дискурс средств массовой информации отражает многоплановую образную проекцию сущности понятия. Находясь на пересечении политической, экономической и общественной сфер деятельности человека, дискурс СМИ концептуализирует понятие в динамике и статике. Отражение реалий окружающего мира в ментальном пространстве представляет собой континуум, который формируется из динамически взаимодействующих смыслов дискретных единиц (слов, словосочетаний, предложений) [2], поэтому реципиент информации (читатель, слушатель) далеко не всегда осознает главное послание или систему посланий, передаваемых ему. Он попросту за деревьями не видит леса и часто является объектом мощной манипуляции. Концептуальная метафора – один из основополагающих паттернов мышления человека. Ее простая структура *A is B* позволяет представить образ понятия в максимально простой и обобщенной форме, является ментальной структурой, концептом, ментальным конструктом, феноменом, обладающим «явной социокультурной и территориальной спецификой» [1, с. 40].

В настоящей статье предпринята попытка объективации сущности американского договора (*American contract*) в метафорических образах, создаваемых американскими средствами массовой информации. Исследование проведено на полной выборке текстов СМИ за последние 12 лет, представленных корпусом современного американского языка COCA (*Corpus of Contemporary American English*) [4]. В ходе исследования получено несколько концептуальных образов американского договора, которые образуют систему динамически взаимодействующих метафор: CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION; CONTRACT IS A CONTAINER, CONTRACT IS A BUILDING, CONTRACT IS A VEHICLE.

Концептуальная метафора CONTRACT IS A VALUABLE POSSESSION отражает главный смысл договора. Примечательно, что образ договора как собственности, ценного имущества (*possession*) актуализирован в 100% источников корпуса COCA. Обсуждение договорных взаимоотношений в рамках коммуникации *гражданин↔гражданин, гражданин↔компания, целая категория наемных работников↔компания, компания↔компания* не обходится без упоминания сторон, обладателя или обладателей договора (*his/her contract, teacher's contract, the owner of the contract, contract with*). В 60% случаев в тексте представлена сумма, за которую нечто куплено или продано, некий сотрудник нанят для выполнения определенного функционала в компании или в рамках проекта. В большинстве случаев, в источниках указываются крупные цифры: шести-, семи-, восьми-, и девятизначные.

Примеры:

(1) *As it is, the \$8 million reported contract would be the most Seattle has paid to any offensive lineman since re-signing Unger* [The Seattle Times, 2017] – в этом примере договор представляется средством оплаты игроку, поведение которого может негативно восприниматься общественностью, но тем не менее, его участие даёт команде больше шансов на выигрыш.

(2) *It was the arrival of a new owners-players contract that brought a heavier hammer on teams exceeding \$200 million in payroll* [The Detroit News, 2017] – в данной ситуации собственники спортивного клуба используют договор как средство покупки для усиления команды.

(3) *The principal's contract was bought out. She did what's called early retirement, and you can read into that what you want to* [Fox_HC, 2001] – этот пример доказывает, что контракт как ценная собственность может быть также возвращена в обмен на деньги или денежный эквивалент.

Система концептуальных метафор CONTRACT IS A CONTAINER, CONTRACT IS A BUILDING, CONTRACT IS A VEHICLE сложно разделить на отдельные компоненты как отдельные концептуализированные образы.

Помимо ценности, объективированной в сумме договора, и его обладателей, американский договор может иметь различный пространственные параметры (*contract space*): размер (*big contract / large contract, huge contract, small contract, very small contract, relatively small contract* и др.), протяженность (*length of contract, long contract, short contract*), форму и внутренние части (*form of contract, parts of the contract, contract side*), вес (*heavy contract*).

Объекты и участники могут находиться внутри или снаружи договора, а также под договором: *in his/her/person's/ company's contract; out of his/her contract, in / within the contract, under the contract, contract contains, contract covers* и др. Соответственно, возможно движение как внутрь договора, так и из него: *into a/the contract, enter a contract, out of his contract, off the contract* и др. Так формируется образ договора как вместилища, контейнера.

Примеры:

(1) *Armstrong said last April. Hitchcock, whose bench includes two new assistants and whose contract does not contain a guarantee beyond the approaching season [STLouis, 2014]* – в этом примере договор представляется вместилищем для наемных работников и процессов, которые ограничены условиями;

(2) *He's under contract through 2017 [cleveland.com, 2017]* – этот отрывок формирует образ крышки вместилища, в котором одна из сторон движется сквозь отрезок времени – 2017 год.

Сформированный образ вместилища абстрактен как одна из базовых идеальных образных схем CONTAINER [3, с. 187-219]. Дополнительную конкретизацию этому образу на уровне интерпретации объектов, событий и их оценки [1, с. 9] придают примеры, в которых человек может оказаться запертым в пространстве CONTRACT (*you're already locked into a two-year contract* [COCA 2013]), договор может оказаться сломан и ему может требоваться починка (*As commander in chief, I will do everything I can to repair the sacred contract with our active-duty personnel and veterans* [COCA 2007]). Эти и другие примеры можно интерпретировать в рамках двух образов: ЗДАНИЕ/СТРОЕНИЕ и СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ. Метафора американского договора как средства передвижения показана в примерах 3, 4:

(3) *To the extent that a time-and-material contract vehicle would be for any portion of a larger software development contract* [COCA 2017].

(4) *The Great Cellphone Subsidy Con is indefensible no matter how you slice it – why should you keep paying the carrier for the price of a phone you've fully repaid? – and the two-year contract is an anticompetitive, anti-innovation greed machine** [COCA 2013].

В этих примерах контракт представляется как механизм, машина, средство для достижения целей компаний на рынке.

Таким образом, на концептуальном уровне восприятия американские СМИ формируют образ CONTRACT как ценность, ценное имущество (VALUABLE POSSESSION). Монетизированная ценность, обсуждаемая в 100% случаев текстов, говорит о чрезвычайной важности этого аспекта договора для СМИ. Этот образ договора не противоречит концептуализации CONTRACT IS BUILDING/VEHICLE. Напротив, эти метафорические представления находятся в гармоничном взаимодействии с ним: во-первых, один текст может формировать все три образа, во-вторых, как здание, так и средства передвижения являются объектами с высокой стоимостью. Возможно, именно поэтому в список ключевых характеристик общества потребления входит наличие жилища/собственного дома и автомобиля (или нескольких автомобилей). Ядром когнитивной метафоры CONTRACT можно считать абстрактный образ «ценное вместилище», которое находится в собственности владельца: VALUABLE POSSESSION / CONTAINER. Этот обобщенный образ

приобретает конкретные черты, метафорические образы CONTRACT IS BUILDING и CONTRACT IS VEHICLE, которые можно интерпретировать в рамках таксономии Н.Н. Болдырева на первом уровне, уровне интерпретации объектов, событий и их оценок [1].

Литература

1. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35-48.
2. Kiseleva S.V., Trofimova N.A. Metaphor as a device for understanding cognitive concepts // Revista de Lenguas para Fines Específicos. 2017. 23.2. P. 226-246.
3. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, L.: University of Chicago Press, 1987. 614 p.

Список словарей

4. [COCA]—Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 18.05.2020).
5. McClanahanPowers. URL: <https://www.mcplegal.com/insights/contracts-are-everywhere/> (дата обращения: 22.04.2020).

Кисёлева Светлана Владимировна
доктор филологических наук, доцент,
Русская христианская гуманитарная академия
svkiseljeva@bk.ru

Миронова Марина Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент Русской христианской гуманитарной академии
mkpr@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Цель данной статьи – углубить понимание того, как метонимия взаимодействует с метафорой в образном языке. Хотя метафора и метонимия выступают различными когнитивными процессами, тем не менее, они не являются взаимоисключающими и взаимодействуют как в общеупотребительном языке, так и в терминологических сочетаниях. Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения такой проблемы как взаимосвязь лингвистических особенностей профессионального языка и языкового сознания специалистов.

Ключевые слова: метафора, метонимия, метафтонимия, концепт.

*Kiseleva Svetlana Vladimirovna
Mironova Marina Yuryevna
Metaphor and metonymy interaction in the investment terminology*

The purpose of this article is to deepen the understanding of how metonymy metaphor can be combined in language. Though these are different cognitive processes, they are not mutually exclusive and interact both in every day language and terminology. The relevance of the research is supported by the need to solve such a problem as the relationship between the linguistic features of the professional language and the language consciousness of specialists.

Key words: metaphor, metonymy, metaphonymy, concept.

Концептуальные метафора и метонимия представляют собой ментальные механизмы, сформированные в результате взаимодействия двух и более понятийных областей. Основными принципами для образования метафоры выступают сходство, аналогия и сравнение, для метонимии – принцип смежности. Функция метафоры – охарактеризовать объект, метонимии – идентифицировать. Несмотря на то, что предназначения метафоры и метонимии различны, оба эти явления основаны на ассоциативном принципе, в результате чего один и тот же объект может рассматриваться и метонимически, и метафорически [6]. Ряд ученых (Ж. Фоконье, М. Тернер, Ф. Руиз де Мендоза,

Гуссенс и др.) своими исследованиями доказали гипотезу о существовании новой ментальной единицы – метафтонимии. Лингвисты определяют метафтонимию как слияние концептуальных метафоры и метонимии, синтез метафоро-метонимических трансформаций в пределах одной концептуальной системы.

Прежде чем говорить о явлении метафтонимии, необходимо дать определение метафоры и метонимии. В настоящей статье под метафорой понимается «вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента» [3, с. 12]. Метафора – это выдающийся и всеобъемлющий феномен, способный посредством когнитивного процесса соединять концептуализацию и язык. Она главным образом зависит от межпространственного отображения, которое происходит между сферой-источником и сферой-целью [7]. Когнитивная метафора – это механизм, позволяющий представить новую мысль через уже известную. В то время как метафора основана на ассоциации по сходству, метонимия возникает на базе ассоциации по смежности. В этом случае название одного предмета используется для наименования другого, связанного с ним постоянной внутренней или внешней связью, например, связь между предметом и материалом, из которого он сделан; между местом и людьми, которые в нем находятся; между действием и инструментом и др. [1]. Так, концептуальные метафора и метонимия находят свое языковое выражение в знаках второй номинации, позволяя мыслить об одной содержательной области, используя понятия другой области.

Полемика в вопросах интеграции метафоры и метонимии привела к тому, что мнения ученых разделились. Одни исследователи выступают за разграничение метафоры и метонимии (см., например, [9]), в то время как другие обосновывают их частичное наложение и, как результат, образование блендов. Так, Л. Гуссенс, создатель понятия метафтонимии, присваивает ему статус термина, который должен помочь осознать тот факт, что метафора и метонимия могут переплетаться [8]. Л. Гуссенс выделяет 3 типа концептуального взаимодействия метафоры и метонимии: метафора из метонимии, метонимия внутри метафоры и метафора внутри метонимии.

Мы провели анализ модели интеграции и реализации метонимии и метафоры на основе терминологических фразеологических единиц, для выборки которых были использованы инвестиционные словари. Следует отметить, что термин-фразеологизм является особым типом терминологической номинации и обладает когнитивной спецификой. Фразеологические единицы своеобразно репрезентируют элементы профессионального знания, занимая особое место в профессиональной коммуникации. «Данные единицы выступают особым способом вербализации профессионально значимой информации – на стыке профессионального и обыденного знания» [2, с. 70].

Первичным для терминов-фразеологизмов выступает обыденное познание, которое закрепляется в общеупотребительных единицах и на основе которого формируется профессиональное познание. Фразеологизмы, образовавшиеся в профессиональной сфере, – это устойчивые идиоматические выражения, в которых закреплен профессиональный опыт, знания и типовые ситуации профессиональной области. В терминах-фразеологизмах «отражаются сложные с точки зрения познания объекты и явления профессиональной деятельности, которые не могут быть обозначены однословным наименованием» [2, с. 71].

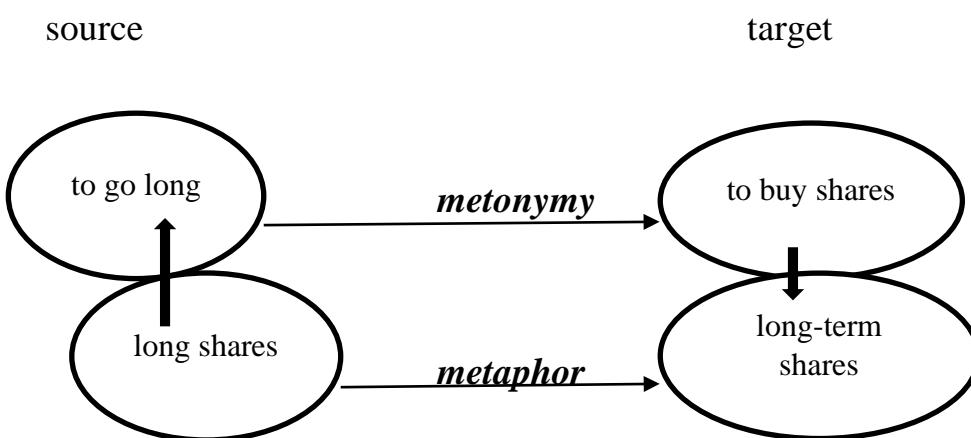
Когнитивная структура термина-фразеологизма выявляется через его компонентную структуру. Так, при анализе терминологических фразеологизмов *to go long shares* (покупать акции в расчете на повышение, открыть длинную позицию) и *to go short shares* (играть на понижение; обманывать, продавая акции, которых нет в наличии) становится очевидным существование двух проекций: метонимической и метафорической. Метафорическая проекция включают в себя исходное и новое тождество, в то время как метонимическая проекция – это проекция между двумя элементами по принципу смежности.

Рассмотрим терминологические элементы, из которых состоят данные фразеологизмы: 1) *to go long* означает купить ценную бумагу или другой финансовый продукт с целью держать его в течение определенного периода времени, пока он не вырастет в цене, чтобы затем продать его с прибылью: *to buy a security or other financial product that you intend to hold for a period of time or one that you expect to increase in value so that you can sell it at a profit* [11]; 2) *to go short* означает покупать акции с намерением выкупить их обратно по более низкой цене: *you go short when you borrow shares of stock through your broker and sell them at their current market price* [11].

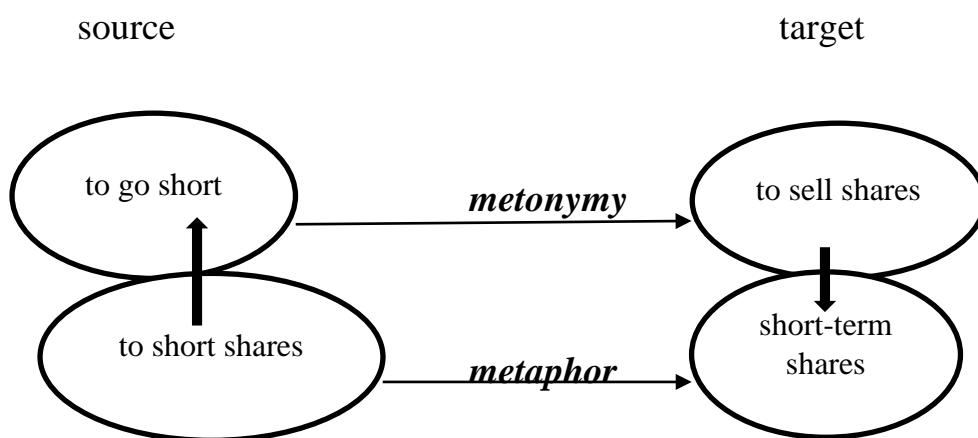
Значения терминов-фразеологизмов *to go long shares* и *to go short shares* связаны с понятиями *long trade* и *short trade*. *Long trade* (длинная позиция, длинные продажи) начинается с покупки с расчетом продать по более высокой цене в будущем и получить прибыль. *Short trade* (короткая позиция, короткие продажи) начинается с продажи перед покупкой с намерением выкупить акции по более низкой цене и получить прибыль. Короткие позиции представляют собой абсолютно противоположенные по смыслу длинным сделкам. Здесь участники рынка надеются на дальнейшее понижение цен на актив и поэтому встают в короткие позиции или шорт (*short*). При открытии короткой позиции трейдер берет в долг у брокера ценные бумаги и продает их на рынке в надежде на их дальнейшее падение в цене. Далее трейдер выкупает их по более низкой цене и возвращает брокеру, а разницу между суммой продажи и покупки забирает себе. Например: 1) *If you go long on 1,000 shares of XYZ stock at \$10, the transaction costs you \$10,000* [12]. 2) *If you go short on 1,000 shares of XYZ stock at \$10, you receive \$10,000 into your account, but this isn't your money yet* [12].

Таким образом, в исследуемых терминах-фразеологизмах можно наблюдать присутствие и метафоры, и метонимии. Термины *long shares* и *short shares* являются метафоричными. Лексические единицы *long* и *short* не реализуют здесь своё первичное значение: *measuring length from one end to the other* [10], а употреблены в переносном значении, сформировавшемся на основе ассоциации по сходству. Присутствие метонимии подтверждается наличием в рассматриваемых терминах-фразеологизмах метонимической замены глагола *to go*: в термине-фразеологизме *to go long shares* глагол *to go* означает *to buy*, в то время как в термине-фразеологизме *to go short shares* глагол *to go* означает *to sell*.

Puc.1

Puc.2

Сегодня трейдеры часто используют глагол *to short* (шортить, совершать короткую продажу) вместо фразы *to sell short*. Согласно определениям инвестиционных словарей *to short/to sell short* означает «продавать финансовые

инструменты или товары, которых нет в наличии в расчете купить их в будущем по более низкой цене» [5, с. 536].

Метафора и метонимия, взаимодействуя в блендинге, оказываются связующими элементами извлечения смысла высказывания. Переплетение смыслов словосочетания приводит к тому, что в реальности фраза не является в чистом виде ни метафорой, ни метонимией, а служит примером слияния метафорических и метонимических проекций. Только при анализе бленда, состоящего из метафоро-метонимических связей, становится возможным дать правильную интерпретацию термина-фразеологизма.

Исследование метафтонимических моделей является эффективным способом познания действительности и мышления через язык. Изучение механизмов метафтонимизации и особенностей их реализации в профессиональной деятельности позволяет проникнуть в глубины образного мышления и понять, какие ассоциации лежат в основе исследуемого терминологического словосочетания. Кроме того, становится возможным увидеть важность метафтонимических процессов в профессиональном использовании языка не просто как фигуры речи, но как семантически основополагающих процессов, определяющих категоризацию мира носителями языка.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, 2002. 384 с.
2. Голованова Е.И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки // Вестник Омского университета. №1 (67). 2013. С. 69-75.
3. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
4. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. М.: ЛИБРОКОМ. 2012.
5. Федоров Б.Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь: В 2 т. Т. 1 (А-К). СПб.: Лимбус Пресс, 2011.
6. Шарманова О.С. Параметры различия метафоры и метонимии в немецкоязычных СМИ // Языковая реальность познания: сб. науч. трудов. Иркутск, 2009. С. 229-235.
7. Fauconnier G. Mappings in thought and language. Cambridge University Press, 1997.
8. Goossens, L. Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / Ed. by Rene Dirven, Ralf Pörings. Berlin/N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. Р. 349-377.

9. Kiseleva S.V., Trofimova N.A., Rubert I.B. Linguistic and cognitive bases of differentiation of conceptual metaphors and metonymy // Linguistic Perspectives on the Construction of Meaning. Cambridge Scolars Publishing, 2019. Pp. 222-244.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/grey> (дата обращения: 01.05.2020).
11. TheFreeDictionary. URL: <http://financial-dictionary.thefreedictionary.com> (дата обращения: 01.06.2020).
12. The Balance expert company. URL: <https://www.thebalance.com/long-and-short-trading-term-definitions-1031122> (дата обращения: 11.05.2020).

УДК 811.1.8

Песина Светлана Андреевна
доктор филологических наук,
доктор философских наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
spesina@bk.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ «ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА»

В рамках статьи предлагается изучение вариативности терминов в области определения содержательного ядра многозначного слова. Приведены результаты многолетних поисков в области семантической общности значений полисемантов, получившие название «общее значение». Несмотря на определенные успехи в изучении этого сложного процесса, многие аспекты проблемы, связанной с обоснованием семантической общности значений внутри полисемантов, по-прежнему остаются дискуссионными.

Ключевые слова: общее значение, многозначное слово, лексический инвариант, семантика, значение.

Pesina Svetlana Andreyevna
Research of the system of terms
defining the “general meaning of the word”

The purpose of this study is to determine the way the meanings are mapped in the semantic space of the lexicon by means of revealing the semantic links within polysemous words structures. The article presents the results of investigations in the field of semantic integrity of polysemous words, called “general meaning”. Despite some successes in the study of this complex issue, many aspects of the problem associated with the semantic of polysemous words are still debatable.

Keywords: general meaning, polysemous word, lexical invariant, semantics, meaning.

Выдающиеся отечественные лингвисты указывали на то, что единство многозначного слова организуется его лексико-семантическим стержнем. Поиски подобного содержательного ядра многозначного слова начинались с установления «общего значения» слова, понимаемого по-разному. По мнению ряда лингвистов [9; 19; 17], поиск общего значения многозначного слова, т.е. смыслового ядра, которое, присутствуя в значении каждого из его вариантов, остается их неизменной основой, является одной из самых трудных задач.

В качестве общего замечания отметим, что основные принципы языковой номинации связаны с выбором ведущего признака, который лежит в основе

именования и заключается в характеристике предметов или явлений с точки зрения свойственных им черт. Выбор подобного ведущего признака определяет мотивацию наименования и часто связан с так называемым «семантическим фоном», обусловленным конкретно-историческим развитием общества, в котором это наименование создано.

Что касается семантики многозначного слова, то лингвисты отмечали, что если в значениях любого многозначного слова мы не находим такого «стержня», то «они разделяются между разными словами, даже их внешние, звуковые оболочки тождественны: в таком случае мы получаем омонимы» [3, с. 34]. Именно семантический центр объединяет значения и делит их на отдельные употребления (А.А. Уфимцева). Эти же идеи подкреплялись Ю.Н. Тыняновым [16] на материале поэтического жанра. Он писал о лексическом единстве слова и реализации в одном значении слова нескольких обертонов смысла. О палимпсестном наложении одних образных представлений на другие писал Б.М. Гаспаров [5].

В связи с охватом содержания всех значений многозначного слова возник термин «общее значение», которое постулировалось в полной и частичной форме. К числу приверженцев первой точки зрения относится В.А. Звегинцев, который считает, что «через случайное нагромождение значений всегда пробивается единая смысловая линия». Ю.Д. Апресян, сторонник мягкой формы постулирования общего значения, указывает на возможность выделения общего значения только в условиях радиальной полисемии, когда значения находятся в отношениях непосредственной семантической производности [1, с. 70-77; 6].

Противники функционирования общего значения в лексиконе (А.М. Пешковский, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Е. Курилович, С.Д. Кацнельсон) трактовали значения полисемантов как отдельные слова, сводя их к речевым реализациям. Используя термин «однозвучность» вместо «полисемия» и «омонимия», они полагали, что общее значение – «это абстракция, полезность и применимость которой к конкретным лингвистическим проблемам решит будущее. Наше личное возражение против введения этого понятия основано на невозможности интеграции качественно различных элементов, а именно – коммуникативного содержания и аффективных (стилистических) оттенков» [8, с. 246]. Но семантике слов свойственно тесно переплетаться с денотативным, стилистическим, экспрессивным сознаниями и разниться оттенками.

Немногочисленные попытки определения общего значения любопытны, но, к сожалению, малоубедительны. Так, В.А. Звегинцев определяет общее значение английского субстантива *hand* (рука) (более двух десятков

переносных значений) как *орган человека, осуществляющий деятельность, связь с определенным лицом* [6, с. 158]. Не совсем понятна причина выбора данных компонентов в качестве общих для всех имеющихся ЛСВ, непонятно, как именно они проявляются в каждом из значений: подобное общее значение одинаково приемлемо (хотя бы частично) для покрытия семантики слов *leg* (нога), *arm* (рука от запястья) и *head* (голова).

Так, предпринимая попытку определить общее значение слова *свинья* В.А. Звегинцев указывает, что в нем, несомненно, налицоует понятие о животном, но когда это слово соотносится с другим классом предметов, т.е. с человеком, то это понятие не изменяется. Называя человека свиньей, «мы как бы указываем, что этот человек обладает качествами свиньи» [6, с. 158].

Понимание общего значения в таком виде вызывало возражение у С.Д. Кацнельсона, полагавшего, что когда понятие о животном переносится на человека, возникают две взаимоисключающие друг друга ситуации: 1) само понятие при этом не изменяется, неряхи и подлые люди подводятся под единое понятие «свиньи»; 2) понятие существенно отличается от прежнего, так как оно применяется в этом случае к разным классам предметов. Между тем, по мнению автора, непосредственной связи между двумя переносными значениями («грязный, неопрятный человек» и «грубый, низменный человек») и первым значением, связанным с физическими признаками данного животного в полном объеме нет [7, с. 41-42].

Таким образом, С.Д. Кацнельсон указывает на два возможных способа «добычания» «общего значения»: в отождествлении его с главным значением и в конструировании нового понятия, охватывающего разные классы предметов, чего-то вроде «человеко-свиньи», и наделяемого чертами и признаками «как свиней, так и неопрятных и непорядочных людей». Автор считает, что оба приема неадекватны, так как «с их помощью учиняется произвольная расправа над реальным многообразием актуальных значений» [7, с. 42].

Эта дискуссия свидетельствует о том, что «общее значение» постулируется как не совсем четко очерченное явление: отсутствует общепринятое приемлемое определение и не выделен набор составляющих его компонентов. Одни исследователи приравнивают общее значение к первому значению (Р.А. Будагов, Р. Якобсон), другие называют его абстрактной схемой, теоретическим построением (Е. Курлович, К. Бальдингер, Л.А. Новиков), третьи в качестве общего значения принимают ядерный семантический признак (В.А. Звегинцев, Д.Н. Шмелев, Э.В. Кузнецова). Это обусловлено тем, что не было четко определенных критериев и механизмов выделения общего значения. Вследствие недостаточности проанализированных данных остается

неясным, насколько это явление универсально, характерно ли оно действительно для всех или большинства многозначных слов. Кроме того, авторы «не учитывали возможность понимания актуальных значений как состояний сознания, независимых друг от друга и служащих лишь отправным пунктом для вывода последующих ассоциаций на основе одного или нескольких признаков» [2, с. 46-56], т.е., очевидно, общее значение предполагает более высокий уровень абстракции, отвлечения от конкретных признаков, характерных для отдельных значений.

В настоящее время исследователи уходят от неудачного термина «общее значение». Однако инвариантные теории также подвергаются критике относительно того факта, что все контекстуальное многообразие значений невозможно свести воедино. Но, во-первых, это дело хорошего аналитического метода и кропотливой работы (в этой связи можно отметить попытки структурирования значений, предпринимаемые Оксфордским словарем английского языка); во-вторых, инвариант не должен во всем объеме быть представленным в каждом значении, он призван в целом «покрывать» семантику слова; в-третьих, речь ведь идет о «покрытии» значений, а не контекстуальных реализаций или смыслов, которые в принципе трудно исчерпать. Еще Л.С. Выготский писал о том, что смысл слова всегда оказывается динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из этих зон «и притом зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная» [4, с. 87].

Из нижеследующей таблицы виден уровень интереса лингвистов к поиску семантической общности полисемантов.

Таблица

Типология семантической общности значений полисеманта.

№ п/п	Название семантической общности значений полисеманта	Представители семантических школ
1.	общее значение	К. Бальдингер, Ф.А. Литвин, Ю.Н. Каулов
2.	виртуальное понятие	Ш. Балли
3.	первое значение	Р. Якобсон
4.	лексико-семантический стержень	В.В. Виноградов
5.	семантический стержень	А.И. Смирницкий
6.	центральный основной смысл или стержневое значение	Р.А. Будагов
7.	инвариант смысла, общее значение	Л.А. Новиков

8	семантический центр	А.А. Уфимцева, Е.Г. Беляевская
9.	общий признак	В.А. Звегинцев
10.	несколько общих признаков	Э. В. Кузнецова
11.	осциллирование значений	Ю. Н. Тынянов
12.	палимпсестное наложение одних образных представлений на другие	Б. М. Гаспаров
13.	ассоциативные/репрезентативные признаки основного значения	Д.Н. Шмелев
14.	центральное/ядерное значение	Р.Ф. Пальмер
15.	инвариант	Ю. Д. Апресян, Н. В. Перцов, Б. Норман
16.	лексический прототип	И.К. Архипов, С.А. Песина
17.	лексический инвариант, лексический инвариантный кластер	С.А. Песина

В целом, по нашему мнению, значения структуры одного слова вполне возможно свести к более или менее очевидному семантическому ядру и подобный лексический инвариант может иметь довольно абстрактный характер. Данное мнение основывается на двадцатилетнем опыте анализа многозначных структур русского и английского языка.

В качестве резюме можно констатировать, что несмотря на большой интерес к самому феномену общего значения мы имеем незначительный объем практического материала, служащего доказательством функционирования данного феномена. Сторонниками общего значения не были прояснены его функции и действительный охват.

Вместе с тем нельзя не отметить, что когнитивная семантика внесла свои корректизы в тематику общности значений полисемантов. Она стала новой научной парадигмой благодаря успехам психологии и пониманию того, что мерой всего является не объективный мир, а человек с его видением объективного мира. В современной лингвистике это связывается с развитием и закреплением позиций человеческого фактора в языке. Этот подход был предрешен явной ограниченностью традиционной лингвистики, замыкающейся на изучении языка как системы и, что еще хуже, иногда понимаемой как системы имманентной, саморазвивающейся и противостоящей человеку.

В этой связи терминология дает богатый материал языкового отражения профессионального домена «общее значение», включающего процессы обработки, хранения и передачи профессиональной информации. Именно на

когнитивном уровне осуществляется взаимодействие языковой информации с pragматическими, культурно-историческими и другими фоновыми знаниями из областей-источников.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Архипов И.К. Концептуальная интеграция и «границы» лексического значения // Вопросы германской и романской филологии. Вып. 2. Т. IX. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2003. С. 46-56.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л.: Наука, 1947.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь // Общая психология. Тексты. Раздел III «Субъект познания». Вып. 1. Познавательные процессы: виды и развитие. Ч. 2. М., 1997.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
6. Звегинцев В.А. Семасиология. М.: МГУ, 1957. 450 с.
7. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986.
8. Курилович Е.Р. Очерки по лингвистике. М.: Прогресс, 1962.
9. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
10. Палмер Ф.Р. Семантика (очерк). М.: Высш. шк., 1982. 111 с.
11. Песина С.А. Проблема семантической общности структуры многозначного слова современного русского языка // Языковое единство и языковое разнообразие в полиглоссическом государстве: сб. статей. М.: Языки народов мира, 2018. С. 535-540.
12. Песина С.А. Прототипический подход к осмыслинию структуры словаря // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск : МаГУ, 2009. № 2(24). С. 570-574.
13. Песина С.А. Разграничение языка и речи в свете прототипической семантики // Вестник ТГУ. Томск, 2006. № 291. С. 177-182.
14. Песина С.А. Слово в понимании философии языка и лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2011. № 2 (4). С. 122-131.
15. Песина С.А. Репрезентация слов в лексиконе // Когнитивные исследования языка. Тамбов: ТГУ, 2010. С. 121-123.
16. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М.: Наука, 1965.
17. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973.

18. Юсупова Л.Г., Песина С.А. Формирование семантической структуры многозначного слова. Казанская наука. №3. Казань: Казанский Издательский Дом, 2019. С.75-79.
19. Юсупова Л.Г., Песина С.А. Взаимодействие когнитивных и языковых структур сквозь призму воплощения. Казанская наука. №1. 2019. Казань: Казанский Издательский Дом, 2019. С.104-107.

УДК 821

Пило Боил ди Путифигари Чечилия
кандидат филологических наук,
Русская христианская гуманитарная академия
cecilia173@yahoo.com

Попова-Пле Ольга
кандидат философских наук,
Русская христианская гуманитарная академия

РАЗВИТИЕ ПРАВИЛ ПУНКТУАЦИИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЛУИДЖИ ПИРАНДЕЛЛО

В современной лингвистике все больше внимания уделяется человеку, а значит актуальным становится вопрос о реализации эмоций и отображении внутреннего мира в художественной речи. В связи с этим в данной статье подвергаются исследованию истории развития правил пунктуации в итальянской художественной литературе и особенности расстановки знаков препинания у Луиджи Пиранделло, реализующие помимо прочего и эмотивную семантику.

Ключевые слова: итальянская художественная литература, итальянский язык, пунктуация, Луиджи Пиранделло, знаки препинания, пунктуационная система, история литературы.

*Cecilia Pilo Boyl di Putifigari,
Olga Popova-Ple
Features of punctuation in italian literature
through the example of the works of luigi pirandello*

In modern linguistics more and more attention is paid to the person which means that the question of implementing emotions and displaying the inner world in artistic speech becomes relevant. In this regard, our research is devoted to the history of the development of punctuation rules in Italian literature and the peculiarities of punctuation in Luigi Pirandello, which develop, among other issues, emotive semantics.

Key words: Italian literature, Italian language, punctuation, Luigi Pirandello, punctuation marks, punctuation system, literary history.

Становление правил пунктуации в средневековой Италии, как ни парадоксально это может звучать, предшествовало появлению художественной литературы на итальянском вольгаре. К концу XIII века представители болонской школы *ars dictandi* утверждают те правила расстановки знаков препинания, которые в XIV веке будут применяться в вольгаре [4]). Начиная с этого времени, история развития правил пунктуации в итальянском языке сопровождает становление итальянской литературы.

Изобретение книгопечатания вносит характерные изменения в историю пунктуации, ведь именно тогда появляется необходимость в тщательной проработке текста: обращение к пунктуационной системе становится более регулярным и регламентированным. С XVI века и вплоть до конца XVIII века система знаков препинания в итальянском языке усложняется, подчиняясь логико-сintаксическим критериям и архитектурному построению предложения, понимаемому как гармоничное соотношение его различных симметрично расположенных членов.

Пунктуация в эпоху предромантизма и романтизма подчиняется в большей степени стилистико-художественным критериям, подчёркивая сентиментальную, эмоциональную ценность речи и отображая движение чувства во всем его разнообразии. Так, любопытен тот факт, что в романе «Последние письма Якопо Ортиса» поэта поколения предромантиков Уго Фосколо, как отмечает итальянский лингвист Б. Мортара Гаравелли, черточек было большое изобилие [7, с. 131]. А вот известный поэт, творивший немногим позже – в эпоху романтизма, Джакомо Леопарди высказываеться против слишком вольного использования пунктуации, критикуя излишние знаки препинания, вроде «черточек, точек, пробелов восклицательных знаков» [6, с. 975-2: Перевод авторов статьи]. Вторя суждениям Леопарди, Алессандро Мандзони в последней редакции исторического романа «Обрученные» резко сокращает количество знаков препинания, подчиняя пунктуацию более строгому логическому контролю. В дальнейшем оба критерия – и логический, и художественный – станут одинаково важными для итальянской художественной литературы.

В период пост-веризма, начиная с Луиджи Пиранделло, использование автором знаков препинания все более связано с определенным художественным стилем, что подтверждит приведенный нами ниже анализ. Исследователь Дж. Корсинови отмечал, что уже в раннем творчестве Пиранделло «диссонирующая языковая текстура преследует цель создания эффектов вызова читателю и текстового разрыва, сопровождающихся чрезвычайно свободным использованием пунктуации» [3, с. 125: Перевод авторов статьи].

На протяжении всего XX века заложенная Пиранделло отношение к расстановке знаков препинаний все более утверждается в итальянском художественном языке.

Обращаясь к современным пунктуационным нормам, многие итальянские (см., например, энциклопедию Treccani [5]) и русские лингвисты сходятся во мнении по поводу общего смыслового описания данных пунктуационных знаков [1, с. 15]:

- точка (*punto*) обозначает полную законченность высказывания;
- запятая (*virgola*) разделяет единое целое на отдельные части, т.к. эти части не являются вполне самостоятельными единицами речи, а также ставится между однородными элементами одного единого целого;

- точка с запятой (*punto e virgola*) разделяет вполне самостоятельные части единого целого;
- двоеточие (*due punti*) также разделяет вполне самостоятельные части единого целого, но помимо того, указывает на то, что во второй части даются какие-то разъяснения к первой;
- тире (*trattino*) разделяет слова в диалоге, а также выражает резкое противопоставление вопроса и ответа, действия и неожиданного следствия, действия и его причины;
- многоточие (*puntini di sospensione*) выражает незаконченность, недоговоренность, оборванность мысли;
- восклицательный знак (*punto esclamativo*) выражает сильный аффект (удивление, ужас и т.д.) и особенно энергичное приказание;
- вопросительный знак (*punto interrogativo*) выражает вопрос;
- круглые скобки (*parentesi tonde*) обозначают, что мысль, в них приведенная, выпадает из общего хода речи;
- кавычки (*virgolette*) указывают на употребление в тексте чужих фраз или отдельных слов, которые пишущий не считает своими.

Неоднозначен ответ на вопрос, можно ли рассматривать в качестве знаков препинания такие знаки, которые имеют лишь значение таковых, например:

- абзац (*capoverso*),
- параграф (*paragrafo*),
- пробел (*spazio bianco*),
- большие буквы (*lettere maiuscole*),
- квадратные скобки (*parentesi quadre*), квадратные скобки (*parentesi aguzze*), фигурные скобки (*parentesi graffe*),
- звездочки (*asterisco*) и другие знаки для обозначения сносок,
- черточки (*linette*) и другие знаки для организации списка,
- ударение в слове (*accento*),
- апостроф (*apostrofo*),
- дефис (*trattino*),
- знак дроби (*sbarettta*), обозначающий противопоставление [1, с. 15].

Действительно, такие знаки, как черточка, пробел, апостроф, хотя и являются, по мнению Л.В. Щербы, дополнительными письменными знаками, но «собственно к пунктуации не относятся, т.к. не имеют отношения к фразовой интонации» [2, с. 370]. С другой стороны, Л.В. Щерба предлагает считать своеобразным знаком препинания абзац или красную строку, который углубляет предшествующую мысль и открывает совершенно новый ход мысли.

Большинство итальянских лингвистов (С. Батталья, В. Перничоне, М. Дардано, П. Трифоне, Дж. Девото, Ф. Фоки, Б. Мильорини) разделяет мнение Л.В. Щербы. Иные же (Б. Мортара Гаравелли, Л. Сериани) склонны причислять данные знаки к пунктуации, но тем не менее отмечают, что эти

графические обозначения находятся на периферии пунктуационной системы и граничат с орографией [1, с. 16].

Следует заметить, что расстановка знаков препинания в итальянском языке является не только логическим процессом и совокупностью общепринятых правил пользования знаками препинания. В отличие от русской пунктуации итальянская пунктуация дает возможность гораздо более свободного авторского употребления знаков препинания и представляет собой искусство передачи определенной функциональной окрашенности текста.

Надо помнить, что пунктуация, подчиняясь общим правилам, выражает все-таки индивидуальные оттенки смысла, которые автор вносит в свое повествование, и которые совсем не обязательно свойственны определенной синтаксической конструкции. Эта потребность обычно приводит к нарушению правил расстановки знаков препинания – употреблению дополнительных знаков пунктуации или их нестандартному комбинированию.

Если в авторском тексте обнаруживается «неправильная» пунктуация, это заставляет задуматься, почему появился тот или иной знак: может, причина его постановки объясняется определенным авторским замыслом, который следует разгадать. Посредством знаков препинания автор часто фиксирует наиболее тонкие и сложные смысловые оттенки, не придавая значения постановке «правильных» знаков препинания. Наблюдая за особенностями пунктуации разных авторов, исследователи делают вывод, что у каждого из авторов есть привязанность к определенным видам знаков, своя особая «неправильность», которая появляется в его текстах чаще других.

Как правило, исследователи творчества Пиранделло говорят о новаторстве его языка, однако, справедливости ради следует сказать, что его интересовали не просто новые слова, он искал слова, оживляющие чувство – искал даже среди необычных и немодных слов, переделывал существующие. То же можно сказать и о его пунктуации. Пиранделло пытается создать форму, которая придала бы изображению движение, он делает это в театре, вводя туда диалог, делает это в поэзии, в романе, в новелле, обращаясь в них к свободному стилю. Поэтому сцены у него повторяются одна за другой, делая речь легкой, быстрой, часто сводя ее к восклицаниям [12, с. 12].

Кроме того, Пиранделло всегда привлекал индивидуальный стиль, основанный на некоторых ключевых элементах его представления о языке как инструменте художественного выражения – на стилистическом выборе и спонтанности. Он допускает разделение между языком как структурированной системой языковых знаков, и стилем как конкретной реализацией языка посредством комбинации составляющих элементов, их актуализации в конкретном акте общения. Спонтанность выбора лингвистических форм становится непременным условием связи искусства с жизнью, таким образом, им отвергается любая форма подчинения лингвистической, литературной или

эстетической традиции, ведь это ограничивает свободное художественное творчество, индивидуальность и характер, сводя произведение к «написанному и неживому» [10, с. 983].

Учитывая социолингвистические условия того времени, Пиранделло обращается к живому языку – региональному, спонтанному, функциональному и коммуникативному, который в условиях эпохи сводится к среднему диалектному регистру. Он использует эмоциональный стиль, достигаемый посредством использования настойчивой пунктуации, которая, хоть и может показаться на первый взгляд плодом чрезмерной риторики, фактически делает ярче неравномерный ритм монолога и рассуждений. Благодаря этому новеллы Пиранделло часто приобретают драматический оттенок. Косвенная речь перемешана в его произведениях с обилием диалогов, простой крестьянский говор с жесткостью и механичностью речи людей образованных [12, с. 70].

На уровне пунктуации это выражается в использовании знаков препинания, порой противоречащем правилам итальянского языка. Так, например, в произведениях Пиранделло встречается запятая перед ограничительными определительными придаточными предложениями: *dava l'immagine d'una calandrella smarrita, che spiccasce di qua...* [8, с. 1024]; или, например, иногда автор ставит запятую перед изъяснительными придаточными предложениями: *E lei non capisce, che ciò che ne penso adesso, invece, viene ad essere peggio, tanto peggio per me?* [11, с. 180]. Иногда он также отделяет подлежащее и дополнение от сказуемого – и запятая в таком случае обретает не синтаксическую, а смысловую функцию: *anche lei, povera vecchia, eccola là, non sapeva più se fosse donna o strofinaccio* [8, с. 1025];

Иногда Пиранделло очевидно нарушает традиционные правила постановки знаков препинания. Например, ставит запятую перед союзом *e*: *E allora seguì a leggere, e poi mi lodi la fine!* [8, с. 1023]. Можно даже найти примеры, где он ставит точку с запятой перед союзом *e* – достаточно редкий случай в истории итальянской пунктуации: *C'era là una farmacia; e, tra la gente ch'era accorsa...* [8, 1020]. В качестве примера еще более «нетрадиционного» для итальянской пунктуации случая можно привести использование точки с запятой, отделяющей подлежащее, за которым следует несколько придаточных предложений, от сказуемого: *Paolo, tolto da più d'un mese ai suoi libri, costretto a dare importanza a tante cose, alle quali gli pareva non avrebbe potuto mai darne; s'era già stancato, e guardava sulla via, pensando* [11, с. 193].

Автор прибегает и к отдалению сказуемого от прямого дополнения с помощью вводных слов и, соответственно, дополнительных знаков препинаний: *Lei vorrebbe che io le cercassi, ora, questi alberi di pepe?* [8, с. 1027]. Пиранделло воспроизводит язык живой экспрессивной речи, наполняя повествование жестами, мимикой, междометиями. Для этой цели автор применяет различные инструменты: сегментирует предложения с помощью

прерываний, уточнений, повторов, урезает их с помощью эллипсисов и обращения к номинальному стилю, особо выделяет некоторые члены предложения, порой разрывая их. Взаимодействуя с пунктуацией, они создают динамические последовательности, связанные с театральным сценарием. Это наиболее часто используемый Пиранделло инструмент для введения говорящего в разговорную ситуацию, воспроизводя интонацию, постоянно нарушая линию письма, как в диалоге, так и в повествовании, а также заполняя лакуны.

Эллиптическая и богатая подтекстом экспозиция часто заменяет у Пиранделло четкую и плановую. Характерными чертами стилизации речи являются повторения слов или синтагм: Si parte, si parte... Signori, per dove? Per dove? (“Il treno ha fischiato”, 9, V, 81). Отмечаются также недоговоренности и разрывы, с помощью которых автор передает затрудненность речи, вызванную большим эмоциональным напряжением. Речь идет о поиске внутреннего динамиза, необходимого Пиранделло, чтобы выстроить свой собственный стиль повествования, который, реализуя экономию средств и выразительность речи, позволил бы привести к стремительному развитию как повествования, так и диалога: Che ci ho da fare io, signori giurati, se poi quella benedetta signora, all'improvviso... Ecco, signor presidente, Vostra Eccellenza dovrebbe farla venire qua, questa signora, di fronte a me, ché saprei parlarci io! (“La verità”, 9, IV, 335).

Интересно отметить также изменение позиции подлежащего, которое иногда традиционно стоит в начале предложения, а иногда следует после глагола, динамически перемещаясь в предложении, и заставляя автора отказаться от традиционной расстановки знаков препинания: Dietro l'uscio, intanto, tempestavano i figliuoli, impazienti (“Il viaggio”, 9, IV, 154).

Пунктуация играет важную роль в сегментации предложения, придавая письму Пиранделло характер живой человеческой речи. Наряду с частыми лексическими повторами знаки препинания сглаживают границы между повествованием и аргументацией, размышлениями и диалогами:

Da tre mesi quella madre, lì nascosta sotto la mantiglia, cercava in tutto ciò che il marito e gli altri le dicevano per confortarla e indurla a rassegnarsi, una parola, una sola, che, nella sordità del suo cupo dolore, le destasse un eco, le facesse intendere come possibile per una madre la rassegnazione a mandare il figlio, non già alla morte, ma solo a un probabile rischio di vita (“Quando si comprende”, 9, V, 290).

Таким образом, через повторы, восклицания, разорванные предложения и парцелляции Пиранделло вырабатывает особый стиль своего повествования, придавая ему более высокий заряд театральности по сравнению, например, с веристской традицией, приближая ее к истинной живой речи своих современников, к современному литературному итальянскому языку, особенности использования знаков препинания в котором очень четко характеризует упомянутая ранее Б. Мортара Гаравелли: «Отсутствие или,

напротив, излишество пунктуации является характерной чертой самых ярких авторов и течений литературы XX века» [7, с/ 134]. Причем сказанное Гаравелли вполне может охарактеризовать состояние художественной литературы и XXI века. И кто знает, какие изменения ждут язык художественного текста в ближайшем будущем?

Литература

1. Корягина С.М. Принципы пунктуационного оформления текста в итальянском языке: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.05. М., 2005. 221 с. URL: <http://www.dslib.net/roman-jazyki/principy-punktuacionnogo-oformlenija-teksta-v-italjanskom-jazyke.html> (дата обращения: 15.12.2018)
2. Щерба Л.В. Пунктуация // Литературная энциклопедия. Т.9. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935.
3. Corsinovi G. Pirandello, tradizione e trasgressione: studi su Pirandello e la letteratura italiana tra '800 e '900. Genova, Tilgher, 1983. 178 C.
4. Enciclopedia Treccani. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/punteggiatura_%28Enciclopedia-Italiana%29/ (дата обращения: 18.01.2019).
5. Enciclopedia Treccani. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/punteggiatura_\(La-grammatica-italiana\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/punteggiatura_(La-grammatica-italiana)/) (дата обращения: 20.01.2019)
6. Leopardi G. Zibaldone di pensieri (a cura di E. Peruzzi). Scuola Normale Superiore: Pisa, 1989-1994.
7. Mortara Garavelli B. Prontuario di punteggiatura, Roma-Bari, Editori Laterza, 2018. 168 C.
8. Pirandello L. Novelle per un anno, vol. II (a cura di M. Costanzo). Mondadori: Milano, 1993.
9. Pirandello L. Tutte le novelle.6 Voll. (a cura di L. Lugnani). BUR Rizzoli: Milano, 2017.
10. Pirandello L. Saggi (a cura di M. Lo Vecchio-Musti). Milano: Mondadori, 1952.
11. Sgroi S.C. L'amica delle mogli (1894 e 1927) di Luigi Pirandello // La lingua del teatro tra D'Annunzio e Pirandello, a cura di L. Melosi e D. Poli, Macerata, Eum, 2007. C. 173-210.
12. Villani C. Pirandello: lingua e grammatica nella scuola primaria. URL: (дата обращения: 15.01.2019).

Росянова Татьяна Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент,
Русская христианская гуманитарная академия
rosyanova@mail.ru

РОЛЬ МИЛИТАРНОЙ МЕТАФОРЫ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СТРАГЕГИЙ МАРКЕТИНГА (на материале терминологии английского языка)

В работе представлены результаты исследования метафорического терминообразования на примере английской экономической терминологии с позиций антропоцентрического подхода и показано, что использование милитарных метафор в терминообразовании имеет системный характер. Для маркетинга самыми многочисленными являются двухкомпонентные термины, в составе которых метафорическую составляющую несет зависимый терминокомпонент. Термины метафорического образования, связанные со долгосрочными стратегиями компаний и конкурентной борьбой, содержат коннотации, отсылающие к агрессивному поведению и активным действиям.

Ключевые слова: термин, терминология, экономическая терминология, метафорический термин, когнитивное терминоведение

*Rosyanova Tatiana Sergeevna,
Military metaphors in conceptualization
of marketing strategies (based on english terminology)*

The paper presents the results of the study of metaphorical terminology formation on the example of English economic terminology from the standpoint of the anthropocentric approach and shows that the use of militar metaphors in terminology has a systemic nature. For marketing, the most numerous are two-component terms, in which the metaphorical component is carried by the dependent term component. Metaphorical terms related to long-term strategies of companies and competition contain connotations that refer to aggressive behavior and active actions.

Key words: term, terminology, economic terminology, metaphorical term, cognitive terminology

Вопросы о творческом характере терминологического мышления в русле антропоцентрического терминоведения представляют собой актуальное поле для исследований. Область экономики как сфера деятельности предоставляет профессионалам ментальные пространства с различной степенью свободы и креативности. Финансисты и бухгалтеры, аудиторы и банковские служащие, кадровики и управленцы, маркетологи и рекламисты трудятся, осваивая свои территории ответственности, очерченные терминологическими системами. Проявление антропоцентрического характера терминов экономики

обнаруживается во всех экономических ареалах и с успехом изучается отечественными терминоведами.

Терминологическое мышление современных маркетологов, которое репрезентируется в авторских терминах и терминосистемах, представляет собой синтез рационально-логических и эмоционально-экспрессивных компонентов, которые находят воплощение в соответствующих терминологических единицах. В настоящей статье представлены результаты осмыслиения английских терминов маркетинга, содержащих метафорические переносы, то есть создающих образы, которые оказывают влияние на восприятие и поведение. Материалом статьи являются метафорические английские термины маркетинга, извлеченные из толковых терминологических словарей, а также отобранные методом сплошной выборки из текстов соответствующей сферы.

Семантика термина в понимании классического терминоведения подчеркивает такое качество терминологических единиц как логическое обобщение некоторых сторон и признаков объектов профессионального интереса. Принято считать, что объективное интеллектуально-логическое познание действительности требует эмоциональной нейтральности ученого и, соответственно, нейтральных и точных вербальных инструментов описания. Холодный абстрактный и логический ум представляется панацеей от несовершенства разговорных языков с их синонимией, омонимией и полисемией, вносящих путаницу в научные исследования и инженерные проекты.

Эмоционально-оценочная нейтральность относится к ряду требований «идеального термина», когда его семантика предельно абстрактна. В этом случае в признаки, отвечающие характеристике «идеального термина», включаются: номинативность, наличие definizioni, точность значения, контекстуальная независимость, устойчивость и воспроизводимость в речи, стилистическая нейтральность, конвенциональный и целенаправленный характер появления.

Антропоцентрический подход в когнитивном терминоведении, ознаменовавший приход нового века, позволяет рассматривать проблемы экспрессивности в семантике метафорических терминологических единиц, обладающих образностью, которая теоретически не особенно приветствуется строгими терминологическими нормами. Подобные метафорические термины, тем не менее, активно используются в профессиональном общении.

В качестве источников метафоризации (доноров) в маркетинге наиболее регулярно выступают несколько семантических областей, например, мир

природы, климат, мир человека, флора и фауна, мир материальных объектов, техника, и др. В терминах, основанных на метафорическом переносе, сохраняется эмоционально-экспрессивная окрашенность, поскольку в них еще не утрачены ассоциативные связи. Для настоящего исследования была избрана милитарная метафора, высокопродуктивная для сферы экономики.

Милитарная метафора является устойчивым способом осмыслиения маркетинговых стратегий. Если она достаточно укоренена в сознании, то становится привычкой и руководством к повседневным практическим действиям.

Маркетинг как наука является относительно молодой экономической дисциплиной, которая развивается с начала XX века. В связи с этим, терминология маркетинга, по принятой терминоведческой классификации, относится к «молодым терминологиям», для которых характерны процессы интенсивного количественного увеличения терминов, создание большого числа неологизмов и авторских терминологических единиц [4, с. 34].

В русле когнитивного терминоведения изучение научной метафорики позволяет выявить «человеческий фактор» в языке, и показать, что метафорические термины являются полноправными элементами терминологий и входят в систему накопления, хранения и передачи специальных знаний [5, с. 119].

При анализе переносных значений, и особенно метафор, основанных не на логической, объективной характеристике предметов и явлений, по словам Н.Н. Болдырева, проявляются более глубокие знания о мире, которые хранятся в языке и с помощью языка активизируются [1, с. 35].

С.В. Киселева подчёркивает, что метафора, в отличие от обычного словоупотребления, даёт прозрение и проникает в суть вещей. Метафора рассматривается как один из видов коммуникации, который передаёт истину и ложь о мире, причем метафорическое сообщение необычно, и смысл его глубже скрыт или искусно завуалирован [3, с. 54].

Психологические способности профессионалов воспринимать, ощущать и генерировать чувства и эмоции развивают образные оттенки значений в терминах, особенно созданных спонтанно в новых и развивающихся сферах деятельности. Как представляется, экспрессивная составляющая семантики терминов маркетинга коренится главным образом в самой сущности маркетинга, который призван воздействовать на поведение потребителей, влияя на их чувства и эмоциональное состояние (*all marketing is designed to elicit some kind of emotion in the target market*).

Проблема категоризации окружающей действительности профессионалами различных специальностей, особенности их терминологического мышления представляют собой недостаточно изученную область в когнитивном терминоведении. При рассмотрении метафоры как проявления аналоговых возможностей человеческого разума становится очевидным, что лингвокультурологические аспекты национального самосознания могут оказывать влияние на принципы и результаты терминологической номинации. Соответственно, когнитивный потенциал научной метафоры связан с национальным опытом взаимодействия профессионалов с окружающим миром, а не только со сферой профессиональной деятельностью.

Научная метафора предстает как прием предвосхищения и предвидения, как зарождение мыслительного процесса и возможность выразить за счет образов некие идеи, не имеющие названия в условиях недостаточности имеющихся языковых средств. Научная метафора часто выступает как орудие поиска адекватного подхода или ракурса к изучаемой проблеме.

Маркетинг, представляющий собой синтез теории, практики и искусства, характеризуется высокой степенью метафорического терминотворчества. По данным нашего анализа, для маркетинга самыми многочисленными являются двухкомпонентные термины, в составе которых метафорическую составляющую несет зависимый терминокомпонент, однако в маркетинге функционируют также милитарные термины, состоящие из трех и четырех терминокомпонентов.

Отобранные нами терминологические единицы подразделяются на следующие две подгруппы:

1) Термины, соотносимые с военными стратегиями:

К данной группе относятся термины, в которых зависимый компонент двухкомпонентного терминологического словосочетания содержит негативные коннотации, создающие образный эффект агрессии: *price warfare, marketing warfare, offensive marketing warfare strategies, flanking attack, guerilla marketing, guerilla warfare, guerilla marketing warfare strategies, ambush marketing, flagship brand, fortress brand* [5].

Например:

- *Marketers have, for the longest time, used the war metaphor: tactics, strategy, etc., words that originally come from Jack Trout, one of the founders of the marketing warfare theory [marketingweek.com].*
- *Guerilla marketing is an unconventional marketing tactic often used by small businesses. The term was coined by Jay Conrad Levinson in his book «Guerrilla Advertising» [marketingweek.com].*

Впервые идеи использования военных стратегий в экономике появились в работах Ф. Котлера и Дж. Куина в восьмидесятых годах. В маркетинге и стратегическом менеджменте стратегии маркетинговых войн (*marketing warfare strategies*) используют милитарную метафору для обозначения определенных стратегий бизнеса. Так, в частности, наступательные стратегии маркетинговых войн (*offensive marketing warfare strategies*) предназначены для достижения целей, как правило, увеличения доли рынка за счет целевого конкурента. Помимо расширения рынка наступательные стратегии используются, например, для получения ключевых клиентов или высокоприбыльных сегментов рынка.

Факт существования и функционирования в профессиональных текстах четырехкомпонентных терминов-оппозитивов (*offensive marketing warfare strategies* и *defensive marketing warfare strategies*) подтверждает системный характер использования милитарных метафор в терминообразовании.

Милитарные метафоры создают атмосферу антагонизма, напряженности, опасности и призывают к активной борьбе. Генерирование образа опасной действительности оказывает негативное эмоциональное воздействие на адресата и поддерживает в нем агрессивное состояние, необходимое для побед в конкурентных битвах.

2) Термины, содержащие терминокомпоненты с прямым или косвенным выражением агрессии:

Термины, связанные с ценообразованием и конкуренцией, часто мотивированы агрессивной стратегией компании, что и отражено в метафорической терминологической номинации: *kamikadze pricing*, *predatoty pricing*, *predatoty price cutting*, *destroyer pricing*, *cut-throat competition*, *competitive intelligence* и др.

Например:

- *In some cases, prices are pitched below the cost of production. The purpose of this is to bankrupt the competition so that the new entrant can take over entirely; this practice is called **predatory pricing**, and (at least in international markets) is illegal* [Blythe, 2005: 179].
- *Competitive intelligence has something of an image problem. The term conjures up an image of illicit activities involving private detectives, telephoto lenses and hidden microphones. While such images are not completely unappealing, they are far removed from the truth. Put simply, **competitive intelligence** is a structured, ethical and legal process designed to gather, analyse and distribute data/information relating to current, and potential, competitors* [Drummond, Endsor, 2001: 35].

Как явствует из последнего примера, маркетологи сами понимают, что иногда образ, создаваемый термином, будет в воображении картины, обусловленные обыденными стереотипными представлениями, которые провоцируют искаженное восприятие. Конкурентная разведка, будучи частью повседневной практики компаний, предоставляет аналитическую информацию о целях, стратегиях и продуктах конкурентов и обеспечивает высокую скорость принятия управленческих решений.

Анализируя термины метафорического образования, нельзя не заметить, что характер экспрессивной окраски и эмоциональной оценки у значительного количества терминов зависит от выбора объекта сравнения и часто выступает вместе с образностью, ассоциативным переносом названия.

Метафоричность терминов, являясь системным явлением в современных терминологиях, отвечает потребностям уточнения информации в специальной коммуникации и способствует интуитивному восприятию профессионального знания. Термины, образованные метафорическим способом, представляют собой форму с более сложным когнитивным содержанием, фокусируя при терминологической номинации не только существенные, ядерные признаки объектов профессионального интереса, выражющие профессиональное знание, но и периферийные признаки. Кроме того, они ярко иллюстрируют идею пересечения собственно языковых явлений с неязыковыми.

Попадание в профессиональную среду языковых единиц, созданных на основании концентрации сознания в метафорическом ключе, как представляется, способствует расширению их объяснительных возможностей, что является ценным свойством для профессиональной коммуникации.

Анализ роли и функции метафорических терминов в терминосистемах углубляет понимание природы научного знания и его творческого развития. По словам В.З. Демьянкова, систематическое исследование языковых техник подачи научных теорий составляет одно из важнейших приложений когнитивной науки [2, с. 40].

В заключение заметим, что целенаправленное накопление сведений о терминологической метафорике в целом и ее природе помогает понять сущность образного мышления профессионалов в различных сферах деятельности.

Литература

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

2. Демьянков В.З. Терминология, культура и эмпирический когнитивизм // Когнитивные исследования языка. Вып. XX. От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению: сб. науч. трудов. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С.49-58.
3. Киселева С.В. Глаголы партитивной семантики (в современном английском языке). СПб.: СПбГУЭФ, 2012. 122 с.
4. Росянова Т.С. Английская терминология маркетинга: концептуальная и категориальная организация. СПб.: СПбГЭУ, 2017. 151 с.
5. Kiseleva S.V., Trofimova N.A., Mironova M.Yu. The Problems of Conceptualization and Categorization in English Terminology // Discourse. 2020. №6(2). Pp.115-124.
6. [НАРТСМТ, 2003]. Маркетинг и торговля. Новый англо-русский толковый словарь / Под общ. ред. Сторчевого М.А. СПб: Экономическая школа, 2003. 648 с.

УДК 81.25

Смирнова Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент

Русская христианская гуманитарная академия,

Санкт-Петербургская духовная академия,

nts343@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО ПРОБЛЕМНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ЦЕРКОВНО-БОГОСЛОВСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Статья посвящена некоторым потенциально проблемным аспектам перевода христианских церковно-богословских текстов с английского языка на русский. Предлагаемые стратегии достижения необходимого качества перевода включают стилистическую адаптацию, лексико-семантическое развертывание, учет архаичных «бibleйских» и узко-терминологических значений некоторых общеупотребительных английских слов, контекстно-обусловленный подход к переводу цитат, учет различий в именовании и расположении (нумерации) отдельных частей библейского канона. Также очевидно, что переводчик должен иметь достаточные познания в Священном Писании, христианской догматике и богослужебной практике.

Ключевые слова: английский язык, перевод богословских текстов, христианская православная терминология, лексические проблемы перевода.

Natalia Sergeevna Smirnova

*Some Potentially Problematic Lexical Issues Encountered
in Translating Christian Theological Texts from English into Russian*

The paper focuses on some potentially problematic lexical issues associated with translation of Christian theological texts from English into Russian. The suggested strategies to enhance translation quality include stylistic adaptation, lexical and semantic unfolding, awareness of archaic "biblical" and specific terminological meanings and usages of some common English words, contextually based approach to translation of quotes, awareness of differences in the names and arrangement (numbering) of certain parts of the Biblical Canon. Naturally, a competent translator is expected to be well versed in the Holy Scripture, Christian theology and tradition.

Keywords: English, translation of theological texts, Orthodox Christian terminology, lexical translation problems.

Религия пронизывает все сферы жизни религиозного человека, поэтому и религиозную терминологию невозможно ограничить какой-либо одной узко-специальной областью: она не только раскрывает богооткровенные истины, но также включает бытовые, нравственно-мировоззренческие, поведенческие, культурные, исторические, художественно-эстетические, административно-правовые и иные аспекты. Религиозную лексику можно без преувеличения назвать закрепленным в языке нравственно-мировоззренческим кодом, залогом

преемственности и основным инструментом передачи жизненно важных понятий и смыслов, ценностных ориентаций. Однако, если говоря о какой-либо научной дисциплине, мы почти всегда можем апеллировать к общим для всех представителей этой области терминам и понятиям, вне зависимости от их языковой или национальной принадлежности, то в сфере религии мы сталкиваемся с совершенно противоположной ситуацией – каждая религиозная традиция характеризуется своими специфическими и в той или иной степени отличными от других традиций понятийно-терминологическим аппаратом и нравственно-мировоззренческими установками. Поэтому и о религиозной терминологии можно говорить лишь в связи с той или иной религиозной традицией.

В данной статье речь пойдет о христианской, а точнее, о православной англоязычной терминологии. Следует отметить, что т. н. явление многоконфессиональности среди христиан – фактор не только и не столько исторический и культурный, но более всего догматико-мировоззренческий. Так, отделение Римо-католической церкви от Православной в 1054 году выявило существенные отклонения римокатоликов от православного вероучения. Как писал епископ (ныне митрополит) Каллистос Уэр, “in the end it was differences of doctrine – the *filioque* and the Papal claims – which brought about the separation between Rome and the Orthodox Church, just as it is differences of doctrine which still prevent their reconciliation” [3, с. 70]. Отличия эти закономерным образом нашли отражение и в религиозной терминологии. Еще более показательным в этом смысле стало отделение от римокатоликов протестантов (численность групп которых сегодня уже насчитывает более 25 тысяч). Православные термины зачастую отличаются от принятых в католической традиции, и многие из них вообще не находят параллелей в протестантской традиции. Так возник конфессиональный фактор в христианской терминологии и связанная с ним проблема поиска терминологического эквивалента. Данная проблема актуальна, например, для задачи перевода православного по тематике текста с русского языка на английский. Зачастую переводчики используют принятые в католической традиции (и помещенные в словари) термины, в то время как англоязычные православные оперируют совсем иной лексикой, в словарях зачастую отсутствующей. В качестве примеров можно привести перевод названия праздника Успения Божией Матери как *Assumption* (католическая традиция) или как *Dormition* (православная традиция), перевод слова Богородица как *Theotokos* (православная традиция греческого происхождения) или как *Our Lady* (католическая традиция), понятия «Искупление» как *Redemption* (православная традиция) или *Propitiation* (протестантская традиция); православные обычно говорят о (Божием) Промысле (*Providence*), а протестанты употребляют совершенно иной по богословскому содержанию термин *Dispensation*; молитва

за богослужением у православных называется *worship*, у протестантов же *devotions* (протестантская традиция). Причем эти термины не являются взаимозаменяемыми синонимами; во многих случаях за ними стоят различия в понимании важных догматических аспектов христианского вероучения и церковной практики.

Обычно, говоря о лексических проблемах перевода христианской литературы, обращают преимущественное внимание на русско-английский перевод, связанный с задачей передачи многочисленных церковных реалий, не характерных в целом для англоязычного мира. В то же время следует отметить, что на сегодняшний момент православная традиция прочно закрепилась в англоязычном мире и активно развивается, а потому некогда важная для перевода русских текстов проблема передачи так называемой безэквивалентной лексики до некоторой степени потеряла свою актуальность: если не в словарях, то в интернет-источниках сегодня можно найти употребляемые на практике термины, обозначающие абсолютно все реалии, которые мы привыкли соотносить с русским православием. Дополнительные трудности для переводчика на английский язык возникают только в том случае, если текст предназначен для тех, кто находится вне церковной традиции: тогда как аналогичная аудитория в России все-таки готова к восприятию большинства реалий, знакомых ей хотя бы как часть культурного фона, светская англоязычная аудитория опирается на совершенно иную культурную традицию, и от переводчика придется сопроводить большинство терминов комментарием. Но при этом сами термины, часто являющиеся транслитерацией с греческого или русского (славянского), уже прочно закрепились и употребляются в православной англоязычной среде (например, *Theotokos*, *obedience*, *ryassa*, *prosphora*, *troparion*, *moleben*, *panikhida* и т.д.).

В данной статье нам хотелось бы остановиться преимущественно на обратной задаче, сопряженной с иными потенциальными трудностями, – переводе на русский язык англоязычных христианских текстов. Именно в результате распространения православия за последние несколько десятилетий в англоязычной среде появилось достаточно большое количество научно-богословской, церковно-практической, исторической, художественной, публицистической литературы православной направленности, написанной на английском языке. Поэтому вопросы качественного перевода такой литературы представляются сегодня актуальными.

Ранее были приведены примеры перевода безэквивалентных единиц на английский язык. При переводе с английского языка на русский вопрос о безэквивалентной религиозной терминологии в целом не стоит, однако в силу системных межъязыковых различий в английском тексте могут появиться слова (обычно это прилагательные или наречия с определенными суффиксами), не имеющие полных эквивалентов в русском языке. В целом данная проблема

относится к общеязыковым, однако в число таких «безэквивалентов» могут попасть и богословские термины.

Рассмотрим следующее английское предложение: *The Orthodox Christian understanding of atonement is incarnational*. Прилагательное '*incarnational*', образованное от соответствующего существительного (*Incarnation*), не имеет однословного эквивалента в русском языке. Следует помнить, что подобные случаи не дают переводчику оснований для «штамповки» чуждых русскому языку терминообразных слов вроде «инкарнационный», как это, к сожалению, сегодня нередко происходит. Для достижения адекватного перевода здесь необходимо применить лексико-семантическое развертывание. Только после точной «расшифровки» и детализации выраженной в свернутом виде мысли английского предложения переводчик может осуществить подбор адекватных средств для ее передачи на русском языке, применяя необходимые грамматические и лексические трансформации. Один из возможных вариантов перевода вышеприведенного английского предложения, выполненного на основе лексико-семантического развертывания, может быть таким: *Православное понимание искупления неотделимо от понятия Бого воплощения*.

Еще одна проблема перевода с английского на русский, «общеязыковая» по сути, но в религиозном контексте требующая от переводчика осведомленности в соответствующей области – перевод так называемых широкозначных глаголов. Чаще всего в таких случаях требуется применить конкретизацию, а это, в свою очередь, подразумевает знание переводчиком соответствующей русской терминологии и лексической сочетаемости.

Приведем примеры:

They regularly do molebens to the Optina Elders – Они регулярно **служат** (совершают) молебны Оптинским старцам.

Then a deacon emerged to do a litany – Затем вышел диакон, чтобы **возгласить** (произнести) ектению.

Но даже в случае «однозначного», на первый взгляд, термина перед переводчиком может встать непростая задача поиска адекватного стилистического эквивалента (то, что в теории перевода соотносится с понятием «узуса»). Дело в том, что основу русской церковно-богословской терминологии, имеющей древнюю и непрерывную историю, составляют преимущественно славянизмы, либо никогда не имевшие обиходного употребления (поскольку церковнославянский язык изначально был «языком книжным, отчетливо противопоставленным бытовому разговорному языку» [1, с. 15]), либо в определенный момент времени перешедшие в разряд архаизмов (с точки зрения норм современного литературного языка). Христианская терминология в английском языке прошла гораздо более сложный путь, о котором можно прочитать в иных источниках [2]. Поэтому, в отличие от русского языка, современная английская религиозная терминология в гораздо

меньшей степени архаизирована. Случай употребления архаизмов ограничиваются библейскими цитатами (библеизмами). Среди них встречаются слова, употребленные в устаревшем на сегодня значении, с которыми в современном английском языке связывается несколько иной смысл, например, *offences* – соблазны, *neighbour* – ближний, глагол *let* в непривычном сегодня значении «мешать», «препятствовать» или глагол *suffer* в значении «дозволять», «разрешать». Стилистическая стратификация английской лексики также носит отличный от русских эквивалентов характер. Так, если используется исконно английское слово, то оно обычно имеет разговорно-обиходный характер, а слова французского происхождения чаще относятся к научно-литературному стилю. И в том и в другом случае от переводчика может потребоваться стилистическая адаптация. Например, в зависимости от контекста, в религиозных текстах эквивалентами английским *child* или *children* могут выступать не только слова «ребенок» или «дети», но «чадо» и «чада». Приведем другие примеры стилистически и контекстно обусловленных вариантов перевода:

humble – смиренный

humility – смиление

promise — обетование

Tradition – Предание

Lamb — Агнец

finding – обретение (иконы, мощей)

translation – перенесение (иконы, мощей)

asterisk (star) – звездица

Не только отдельные термины, но и многие устойчивые сочетания, принятые в русских богословских текстах, являются славянизмами. Поэтому при переводе на русский язык английского христианского текста православной тематики здесь также необходимы согласование с традицией и стилистическая адаптация:

Descent of the Holy Spirit – схождение Святого Духа

acquire the Holy Spirit – стяжать Дух Святый

to put off the old man – совлечься ветхого человека

to put on Christ – облечься во Христа

Promised Land – Земля Обетованная

Heavenly King, Kingdom of Heaven – Царь Небесный, Царство Небесное

Еще одной особенностью английской христианской терминологии (впрочем, как и терминологии иных сфер) является использование в качестве терминологического одного из значений многозначных общезыковых слов. Такие значения обычно приводятся в словарях последними и помечаются как религиозные, библейские или устаревшие. Приведем несколько примеров,

когда в религиозном контексте на первый план выступает одно из редких значений многозначного слова:

see – сущ. кафедра (епископа)

Throne – престол

breaking (of the Bread) – преломление (Хлеба)

Person (The Three Persons of the Holy Trinity) – Лицо (Три Лица Святой Троицы)

Old (Testament, man) – Ветхий (Завет, человек)

fast – пост

feast – праздник

Universal synod, Ecumenical council – Вселенский собор

Встречаются (хотя и не часто) в текстах богословского характера достаточно «неудобные» для перевода случаи игры слов и языкового параллелизма. Приведем несколько примеров:

The Genuineness of Genesis (название статьи, доказывающей подлинность (Моисеево авторство) первой книги Библии – книги Бытия)

Treating a treaty (заглавие раздела о проблеме датировки Второзакония в связи с его форматом древнего договора (treaty)).

Not a virtual reality, but the reality of virtue (не виртуальная реальность, а реальность добродетелей).

The fear of the faithful and the faithlessness of fear (страх верующих и безверие страха).

Два последних примера – так называемые хиастические структуры, которые могут быть сохранены при переводе только в том случае, если в принимающем языке присутствуют семантически связанные слова, относящиеся к тем же частям речи. В последнем примере (про страх) это возможно, а в примере с виртуальной реальностью нет, т. к. слово «добродетель» в русском языке иного происхождения – здесь ситуация схожа с двумя первыми примерами, где передача игры слов также вряд ли возможна. Чаще всего в таких случаях при переводе не избежать потерь.

Теперь обратимся к еще одному важному аспекту перевода церковно-богословских текстов – передаче цитат. Цитаты могут быть явными (отмеченными, с обозначенным источником) и скрытыми – без кавычек и без указания источника. Особенно часто такие скрытые цитаты встречаются в трудах богословов прошлых веков – вплоть до начала 20 века. При этом без пояснений приводятся обычно наиболее известные места из Священного Писания. Очевидно, что для обнаружения скрытых цитат от переводчика требуется хорошее знание библейского текста. В современных текстах цитаты обычно прямые и сопровождаются ссылкой, по которой можно найти соответствующее место в славянском или русском переводе.

Одной из задач при переводе цитат является выбор одного из нескольких вариантов перевода. Если речь идет о библейской цитате, то переводчик может, сравнив русский и церковнославянский текст, выбрать тот, что более способствует раскрытию мысли автора или более уместен в данном контексте. Например, при переводе названия статьи о важности внимания “*Attend to thyself*” [4] и цитат в ней, имеющих параллели с текстом Второзакония 4:9 и 15:9 и взятых из Библии Короля Иакова, безусловно, лучше прибегнуть к церковнославянскому тексту, что позволит сохранить как элементы архаизации, так и всю полноту смысловых ассоциаций, вкладываемых автором. “*Attend to thyself*”, “*attention*” – «Вонми себе» (Втор. 4:9) и «Внемли себе» (Втор. 15:9) соответственно, семантически связанные со словом «внимание», которое фигурирует в названии и является одним из ключевых слов в статье. В синодальной же версии находим следующий перевод данных мест из Второзакония: 4:9 *Только берегись...* и 15:9: *Берегись.* Очевидно, что использование синодального перевода в данном случае привело бы к неточной передаче вкладываемого автором смысла и к нарушению внутритекстовых смысловых связей.

Иногда встречаются и более сложные случаи, когда автор приводит ту или иную цитату в подтверждение своей мысли, но при этом ни церковнославянский, ни синодальный текст не позволяют воссоздать смысловой ряд оригинала. То же самое может касаться не только библейских цитат, но и выдержек из святоотеческих творений, имеющих переводы на русский язык. В таких случаях, когда цитата в оригинальном тексте имеет смысловые отличия как от славянского, так и от синодального перевода, может возникнуть необходимость сделать собственный перевод цитаты, чтобы адекватно передать мысль автора. Например, в слове аббата Эльфрика на Рождество Христово [4] приводится место из книги пророка Даниила (Дан 9:24), которое в смысловом плане имеет параллели, но не совпадает полностью ни с церковнославянским, ни с синодальным русским текстом. В переводе на современный английский язык она звучит следующим образом: "...and then shall the old transgression be ended, and sin shall have an end, and unrighteousness shall be rooted out, and everlasting righteousness shall be brought, and vision and prophecies shall be fulfilled...". Если бы цитата была одиночной и не имела языковых параллелей в дальнейшем тексте, то ее можно было бы перевести, используя, например, параллельное место из Синодального текста: ...и будет покрыто преступление, запечатаны грехи и заглажены беззакония, и приведена правда вечная и запечатаны видение и пророк... (Дан. 9:24). Однако в оригинале вслед за самой цитатой следует ее изъяснение, в котором присутствует лексический и синтаксический параллелизм с приведенной цитатой – автор употребляет те же слова и речевые обороты, меняя лишь время глагола на прошедшее как свидетельство исполнения пророчества. Поэтому в

данном случае целесообразно сделать перевод библейской цитаты именно по авторскому тексту, а не использовать точную цитату из славянского или синодального перевода, чтобы сохранить языковые параллели в библейской цитате и в авторском толковании: *...и тогда древнее преступление окончится, греху будет положен конец и неправда изглажена, и приведется правда вечная, и видения и пророчества исполняются...* (ср. Дан 9:24). И далее авторский текст: «...Христом положен конец преступлению и греху Адама; Христос изгладил всякую неправду и установил вечную правду, в Нем исполнились все пророчества...». Таким образом, вложенный автором смысл и внутритекстовые связи сохранены, тогда как славянский или русский библейский текст в данном случае такой связи обеспечить не смогли бы.

Последний аспект, который хотелось бы затронуть, является в определенной степени техническим и касается различий в традициях именования библейских книг. Однако и он может стать своеобразным «подводным камнем» для переводчика. Так, например, в английском тексте может встретиться ссылка на «Первую книгу Самуила» (*1 Sam*), которую не удастся найти ни в славянской ни в русской Библии – поскольку это Первая книга Царств (*1 Цар*). Аналогично *2 Samuel* (*2 Sam*) следует передавать как *2 Царств* (*2 Цар*). Чему же тогда соответствуют английские *The First Book of Kings* (*1 Kings*) and *The Second Book of Kings* (*2 Kings*)? Тут мы имеем дело с настоящим ложным другом переводчика, поскольку эти названия следует передавать соответственно как Третья и Четвертая книги Царств (*3 Цар.* и *4 Цар.*).

Очень близки по звучанию и написанию английские названия Книги Екклесиаста, или Проповедника (*Ecclesiastes*) и Книги премудрости Иисуса сына Сирахова (*Ecclesiasticus*), которая, правда, отсутствует в протестантских изданиях Библии.

Есть разнотечения также в названиях и количестве книг пророка Ездры. В протестантских изданиях Библии (которыми часто пользуются англоязычные православные) обычно присутствует только Первая книга Ездры, которая никак не пронумерована (называется просто *Ezdra*), тогда как в случае помещения неканонических Второй и Третьей книг Ездры, они называются соответственно *1 Esdras* и *2 Esdras*. В то же время в католической Вульгате имеется целых 4 книги Ездры (2 в основном тексте и 2 в приложениях). Соответствия славяно-русской Библии следующие:

Esdras 1 – (Первая) книга Ездры

Esdras 2 – книга Неемии

Esdras 3 – Вторая книга Ездры

Esdras 4 – Третья книга Ездры

Отметим также славяно-русские соответствия английским 1 *Chronicles* (Первая книга Паралипоменон) и 2 *Chronicles* (Вторая книга Паралипоменон).

Переводчику церковно-богословской литературы следует также иметь в виду различия в нумерации псалмов. Эти отличия начинаются с 10 псалма, который выделен в отдельный псалом в англоязычной версии, а в славянском и русском переводах является второй частью псалма 9. По этой причине дальнейшая нумерация псалмов всегда отличается на единицу. То есть, если, например, в английском тексте имеется цитата со ссылкой на псалом 27, то в славянской/русской традиции параллельное место следует искать в псалме 26.

Подводя итог, заметим, что рассмотренные в статье потенциально проблемные лексические аспекты перевода христианской церковно-богословской литературы с английского языка на русский не носят исчерпывающего характера, однако они позволяют сформировать представление о специфике перевода в этой сфере и о требованиях к уровню компетенции переводчика такого рода текстов.

Литература

1. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Учебное руководство по церковнославянскому языку. М., 2006.
2. Смирнова Н.С. Формирование и судьба древнеанглийской христианской лексики // Труды и переводы. Вып. 1. 2017. С. 342-358.
3. Fr. Maximos Constas. Attend to Thyself (Deut 15:9): Attentiveness and Digital Culture (International Conference on Digital Media and Orthodox Pastoral Care, Athens, 7-9 May, 2015). URL: https://www.academia.edu/12365160/Attend_to_Thyself_Deut_15_9_Attentiveness_and_Digital_Culture_International_Conference_on_Digital_Media_and_Orthodox_Pastoral_Care_Athens_7-9_May_2015 (дата обращения: 01.06.2020).
4. Homilies of Ælfric // Ed. and trans. by B. Thorpe. London, 1844–1846. P. 5-23.
5. Kallistos (Bishop of Diokleia). “The Orthodox Church”. Penguin Books, 1980.

Трофимова Нэлла Аркадьевна

доктор филологических наук, доцент,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»;

Санкт-Петербургский государственный университет

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ СМИ

В статье на материале публикаций из ведущих немецких медийных изданий рассматривается создаваемый журналистами образ России, который включает и образ лидера страны. Анализ показал, что Россия и российская действительность в абсолютном большинстве случаев воспринимаются в гипертроированно негативном свете, при этом Германия как крупнейший политический актор задает тон восприятию России не только в своей стране, но и в мире, формируя общественное мнение абсолютного большинства среднестатистического потребителя информации. В заключение статьи делается вывод о необходимости создания объективного образа страны-лидера, для этого следует содействовать осознанию гражданами России своей национальной идентичности.

Ключевые слова: образ, Россия, Путин, президент, СМИ, стереотип, политический дискурс, общественное мнение

Trofimova Nella Arkadyevna

Image of Russia in modern German massmedia

The paper, based on publications from leading German massmedia, examines the image of Russia created by journalists, which also includes the image of the country's leader. The analysis showed that Russia and Russian reality in the vast majority of cases are perceived in a hypertrophied negative light, while Germany, as the largest political actor, sets the tone for the perception of Russia not only in its own country, but also in the world, shaping the public opinion of the absolute majority of the average statistical consumer of information. In conclusion of the article, the author expresses the opinion that it is necessary to create an objective image of the leading country, this can be achieved provided that the citizens of Russia are aware of their national identity.

Key words: image, Russia, Putin, president, media, stereotype, political discourse, public opinion

Важной задачей современных средств массовой информации (СМИ) является целенаправленное формирование общественного мнения, именно СМИ решают, о ком или о чем сегодня будет говорить весь мир. Поскольку Россия является ключевым действующим лицом на мировой арене, то ее политическая и экономическая деятельность широко обсуждается и не всегда однозначно оценивается. События в стране активно критикуются всеми участниками мирового политического процесса, в том числе странами Европейского Союза и в первую очередь Германией, СМИ которой представляют наиболее жесткую и несбалансированную точку зрения. Этим фактом обусловлена актуальность настоящей статьи, задачей которой является

рассмотрение образа России, создаваемого журналистами на страницах немецких газет и журналов.

Как замечает А.С. Соловьева, образ государства – это знаковая модель, база, определяющая, какую репутацию приобретает страна в сознании мировой общественности в результате тех или иных акций ее субъектов, взаимодействующих с внешним миром. К сожалению, он – образ – не всегда соответствует реальному положению дел и объективным показателям национального развития [6, с. 152]. Исследователи, уже обращавшиеся к образу России в зарубежных СМИ [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12 и др.], писали о том, что для многих читателей медийных текстов упоминание нашей страны ассоциируется с коррупцией, криминалом, преступностью, несоблюдением прав человека. Такие характеристики вызывают в их сознании реакцию, соответствующую требованиям заказчика публикации – создание негативного образа и формирование отрицательного восприятия страны, ее политических деятелей, граждан и всех других сторон ее жизни. Результатом этого являются отрицательные стереотипы о России [10, с. 43].

Попробуем выявить типичные образы России, представленные в немецких СМИ. Для этого методом сплошной выборки были отобраны тексты политического характера из ведущих немецких электронных изданий „*Die Zeit*”, „*Deutsche Welle*”, „*Die Welt*”, „*Der Spiegel*”, „*Focus*”, „*Berliner Zeitung*”, „*Nordwest Zeitung*”, „*Süddeutsche Zeitung*”, „*OVB*”, „*Tagesspiegel Causa*” (всего 21 статья). Анализ позволил выделить несколько граней образа России: Россия – враг, Россия – страна безнаказанности и вседозволенности, Россия – союзник. Отдельное место в ряду создаваемых СМИ стереотипов о России занимает образ ее президента, имеющий особенное значение для политического имиджа страны.

Характер образа Владимира Владимировича Путина напрямую связан с событиями, происходящими в стране и на мировой арене. И немецкие СМИ во многих статьях о России отводят ее лидеру главную роль, практически отождествляя президента с государством. Можно сказать, через отношение немецких СМИ к В.В. Путину потребителям информации передается и отношение к стране в целом.

Что же пишут журналисты о президенте? Его представляют агрессивным политиком, имеющим целью захват новых территорий. Так, в одной из статей журнала „*Deutsche Welle*” журналист Сабина Кинкарц (после присоединения Крыма к Росии) пишет: *Denn klar sei doch, dass der russische Präsident Wladimir Putin nicht nur die Krim beanspruche. "Die wollen nicht nur ein Stück vom Kuchen, die wollen den ganzen Kuchen"* [12]. Путин представляется здесь этаким политическим «поглотителем» территории, отрезавшим себе лакомый кусок от украинского «пирога» и, что называется, положивший глаз на все остальное. Глубинный смысл, скрытый в гастрономической метафоре этой фразы

(территория страны – пирог, который можно резать на куски, поедать и, не наевшись, требовать добавки), воздействует на эмоции и убеждения читателя (развязное поведение за столом обычно вызывает неприязнь и порицается).

При оценке деятельности президента России немецкие журналисты высказывают мнение об отсутствии у него не только рационального представления о развитии мировой политики, но и последовательной внутриполитической стратегии: *Putin hingege hat keine transzendentale Vision für die Zukunft der Menschheit, ja nicht einmal eine kohärente Großmachtstrategie für sein eigenes Land. Es geht ihm um Machterhaltung durch äußeres Machtgehave sowie einen Zugewinn an Popularität durch graduelle – teils faktische, teils juristische – Ausdehnung des russischen Herrschaftsbereichs* [6]. Ему опять приписывается стремление сохранить власть любой ценой, инструментами для достижения этой цели являются демонстрации власти и расширение (не всегда законное) сфер влияния (лексема *Herrschaft* для обозначения парадигмы господства и подчинения). Действенным журналистским приемом для подчеркивания идеи единоличной власти является образное сравнение Путина с царем Николаем I, известного своей агрессивной внешней и реакционной внутренней политикой: *Und Wladimir Putin wird oft mit Nikolai I. verglichen, vorletztes Jahrhundert berühmt für seine aggressive Außenpolitik und reaktionäre Innenpolitik* [11]. Такое упоминание имени царя в пассивной конструкции без аганса *wird oft verglichen* (без называния источника информации) распространяет выраженное мнение на неопределенное количество говорящих, на большинство, а сам образ царя рождает яркие и прочные ассоциации с монархией, единовластным государственным устройством.

Вот еще один пример из газеты „*Die Welt*”, которая представляет Путина некой силой, намеренно ослабляющей политическую и военную мощь Европы, чтобы распространить на нее свою власть: *Putin will seine Macht auf Europa ausdehnen, in dem er die EU und die Nato schwächt* [19]. Варьированное повторение слова *die Macht* (*Machterhaltung: Machtgehave: die Macht ausdehnen*) в приведенных примерах тоже обладает скрытой воздействующей силой, вызывая отрицательно-оценочные ассоциативные связи с распространением темного и угрожающего. И вот в продолжение открытого сравнение президента России с темной силой: *Heute ist Putin einfach der Teufel* [17]. Такая основа для сравнения приписывает В.В. Путину характеристики персонифицированного абсолютного зла, распространяющего ложь и хаос в людских душах, создающего в мире и в сознании человека разрушительные антиподы благого начала.

Следующий пример принадлежит перу журналиста Уриха Ладюрнера из газеты “*Die Zeit*”, в нем президент России эвфемистически называется антагонистом Запада: *Putin ist deswegen noch lange kein Freund des Westens, sondern er ist ein Antagonist. Er ist schon gar nicht eine Friedenstaube. Er kalkuliert*

kalt. Möglich, dass aus dieser Kälte Frieden entsteht – als fragiles Nebenprodukt [4]. Эвфемизм скрывает известную паремию *kein Freund, sondern ein Feind*, создавая аллюзию на нее, представляя президента Путина собственно врагом, холодным, расчетливым, противостоящим Западу как воплощению мира и добра. Даже некоторые успехи в достижении равновесия политических сил (*Frieden*) осуждаются как хорошо просчитанный тактический прием в стратегической борьбе за влияние и власть, хрупкий лжеуспех: *Frieden als fragiles Nebenprodukt*.

Образ грубого шантажиста, имеющего существенный для Запада фактор воздействия – газ, – предъявляется читателям статьи из „*Deutsche Welle*“: *Wladimir Putin schlug schon vor seinem Eintreffen in Mailand scharfe Töne an. In Serbien warf er dem Westen „Erpressung“ durch die verhängten Sanktionen vor. Er drohte nach Agenturberichten damit, die Gasversorgung nach Europa zu drosseln* [1]. Запугивающий эффект высказывания создается сочетанием лексических единиц с отрицательно-оценочным значением: *scharfe Töne anschlagen, vorwerfen, Erpressung, drohen, drosseln*. Ссылаясь на какую-то информацию какого-то агентства (излюбленный прием журналистов), автор публикации представляет президента России этаким разнуданным самоуверенным негодяем, грозящим и угрожающим. И хотя слово *Erpressung* употреблено по отношению к Западу (упрек в шантаже Сербии наложением санкций на нее), оно прекрасно вписывается в негативно характеризующий Путина контекст, создавая общее впечатление. Такой вот образ надменного политического мачо, которого журнал „*Forbes*“ в 2014 году назвал самым влиятельным политиком и которого просто не выносит его европейский политический конкурент женского пола Ангела Меркель (тот же журнал назвал ее самой влиятельной женщиной-политиком): *Merkel kann Putin als politischen Macho einfach nicht ausstehen* [10]. Автор другой публикации (в журнале „*Focus*“) пытается за игрой слов и фокусом на характеристике Ангелы Меркель скрыть пейоративную номинацию В.В. Путина: *Sie hat zwar Angst vor Putins Hund, aber keine Angst vom Hund Putin* [20] – казалось бы, просто жонглирование словами, но совершенно неуместное по отношению к руководителю государства.

Кстати говоря, Путин упоминается в немецких СМИ и в сравнении с президентом другой сверхдержавы – Дональдом Трампом, при этом высказывается идея об идентичности целей и методов руководителей этих государств: *Trump und Putin vereint dieses Bestreben, die liberale Demokratie zu untergraben* [21]. Правда, президент США, по мнению журналистов, все-таки уступает Путину в хитрости и расчетливости: *Der KGB-Mann Putin sei für Trump einfach „zu gerissen“* [16]. Путин при этом позиционируется не просто как сильная личность, а как хорошо обученный сотрудник службы государственной безопасности – аббревиатура КГБ априори является для западных потребителей фактором страха, воспитанном в течение многих десятилетий. Кроме того, для

характеристики президента России используется фамильярное отрицательно-оценочное слово *gerissen* (пронырливый), которое в сочетании с обозначением *KGB-Mann Putin* создает образ хитрого, искушенного ловкача-шпиона.

Но Трамп – это еще цветочки. В текстах немецких СМИ о России и Путине встречаются сравнения президента России … с Адольфом Гитлером (!), причем последний выглядит в сравнении даже выигрышнее: *Etliche Beobachter – darunter auch russische – haben bereits die Krim-Annexion Putins 2014 mit der Annexion des Sudetenlandes durch Hitler 1938 verglichen. Allerdings gibt es einen prinzipiellen Unterschied: Das heutige patronalistische Regime in Russland ist eine Kleptokratie, während das deutsche faschistische Regime eine Ideokratie war. Hitler strebte eine geopolitische Weltrevolution an* [6]. Журналист опять использует прием «люди говорят» и, скрываясь за этим «чьим-то мнением», рассуждает так: Гитлер, по крайней мере, планировал совершить геополитическую революцию, и фашистский режим в Германии имел идеологические основания, а Путин, действуя при аннексии Крыма, так же, как Гитлер, использует преимущества власти для увеличения личного богатства и политического влияния (характеристики клептократии), никакими иными, более высокими идеями президент насквозь коррумпированной страны не руководствуется, более того, государственный строй в России называется журналистом режимом, термином, который приравнивает президентскую власть в современной России к государственной власти в фашистской Германии – удивительная неэтичность журналиста. Вот еще один образец похожих утверждений от имени некой оппозиции в газете „*Berliner Zeitung*“: *In der Opposition wird diskutiert, ob Putins Autoritarismus schon in Faschismus übergeht* [8], согласно которому можно констатировать постепенное установление фашизма со всеми его атрибутами как форму правления в России.

Итак, президент России – враг (антагонист) Запада, захватчик территорий, шантажист, диктатор, авторитарный, жесткий, хитрый, угрожающий свободе, руководствующийся в своей политической деятельности личными интересами и интересами олигархической верхушки. Таков наиболее частотный «портрет» В.В. Путина, насаждаемый, очевидно, по заказу его политических противников/конкурентов и влияющий на сознание немецких обывателей, формирующий их мнение и отношение к Путину и через него – к стране, которую он представляет.

Справедливости ради следует отметить, что спорадически встречаются и не то чтобы положительные, но хотя бы не резко отрицательные высказывания о В.В. Путине, как, например, следующее: *Putin wird als interessanter Typ gesehen, der das Land normal regiert* [7]. В этом примере нет эмоциональных сравнений и метафор, гипербол и жестких характеристик. Оценкадается с помощью невыразительных языковых средств (*interessanter Typ, normal regieren*), свойственных скорее речи подростков, такая «игра в

простонародность» как журналистский прием. И в этом выборе языковых инструментов тоже «просвечивает» продуманная тактика: не эксплицировать критику, но имплицировать ничем не измеряемую среднестатистичность (*normal*) руководства страной. Да и обозначение лидера мирового масштаба как *interessanter Typ* (не человек, не личность, а тип!) не очень похоже на искреннее уважение.

Разумеется, журналисты немецких СМИ вынуждены констатировать значимость фигуры президента России на игровом поле мировой политики: *Stubb räumte aber ein, dass die beherrschende Figur des Gipfels eigentlich der russische Präsident Wladimir Putin sei, der erst am Abend nach Mailand anreiste* [1]. Его роль во всех политических событиях настолько велика, что кажется, он присутствует одновременно повсюду: *Wenn man den Fernseher einschaltet: Putin. Wenn man irgendwo in Europa einen Stein umdreht – wahrscheinlich stößt man auf Putin* [17]. И даже в этой констатирующей фразе читается скрытое раздражение «надоедливостью» Путина, без которого не обходится ни одно событие: даже если он не принимает в нем личное участие, то даже в воздухе ощущается его виртуальное присутствие: *Putin ist wie ein Geist* [17].

Разумеется, образ президента в сознании читателей проецируется и на страну. Поэтому Россия в немецких СМИ тоже представляется страной-агрессором с большой военной мощью, пугающей Запад, угрожающей мировому порядку: *Die Sorge des Westens um den wachsenden russischen Einfluss in „Osteuropa“ ist groß* [19]; *Die machtpolitischen Ambitionen Russlands werden zunehmen* [2]; *Um es deutlich zu sagen: Statt einem Partner für die europäische Sicherheit haben wir in Russland eher eine potenzielle Gefahr. Der weltpolitische Akteur Russland ist zurück, er wird ein unbequemer Nachbar bleiben* [2]. Персонифицированный образ России – неудобный сосед с большими амбициями, активно расширяющий сферу своего влияния. Примерно в таком ключе говорят журналисты о России [3, 8, 12, 13, 21 и др.]. В этом тематическом кластере опять появляются типичные метафоры (Россия – грубый и злопамятный медведь), эмоциональные оценочные слова: *Wir haben Russland erniedrigt, was fatal ist. Wir haben den Bären entehrt. Und jetzt heizt Putin nationalistische Stimmung an* [21]. Вся политическая доктрина России представляется просто как злая месть за нанесенную когда-то обиду, это сводит политическую стратегию государства к просто мелким дрязгам между соседями. При этом проявляется некоторая ревность к тем, кто сотрудничает с Россией (Сербия): *Die Kooperation verwundert umso mehr, wenn man berücksichtigt, dass die Serben immer nur verloren haben, wenn sie sich auf Russland verließen* [19]. Посыл высказываний такого рода заключается в утверждении, что любого рода кооперация с Россией изначально не имеет смысла и не принесет успеха ни при каких обстоятельствах. Сама политика сотрудничества обозначается словосочетанием *Geschäfte machen* – термином из

сферах бизнеса, актуализирующим в рассматриваемом контексте значение нечестности, коррупционности лидеров стран-партнеров России: *Die politischen Führer dieser Länder können persönlich und für ihre jeweiligen Machtapparate besser Geld abzweigen, wenn sie Geschäfte mit den Russen machen*, sagt Krekó. *Und wer Geld von Moskau annimmt, der räumt den Russen im Gegenzug Einfluss ein* [19].

Итак, вторая грань образа России в немецких СМИ – страна-агрессор, внушающая страх, на кооперацию с которой идут только беспричинные лидеры, преследующие свои корыстные цели. Немудрено, что наша страна воспринимается читателями публикаций как главный враг человечества.

Еще один штрих к образу России, формируемый немецкими СМИ, – это указание на хаос и несправедливость, царящие в ней. Достаточно просто констатации мнений журналистов, чтобы представить себе описываемую ими картину:

- Россия – темная сторона мира, противостоящая светлой стороне – Европе. В России царят насилие и произвол: *Hier das helle Europa, das vernünftig regiert wird - dort das dunkle Russland, das der Gewalt, der Willkür und den Leidenschaften ausgeliefert ist* [17];

- Россия заполнена анархистами, террористами, к которыми приравниваются русские – граждане страны: *Überall Anarchisten, Agitatoren, Terroristen - und Russen* [17];

- российская полиция занимается взяточничеством, российское правительство бездействует, российские граждане ощущают абсолютную незащищенность: *Der Staat versagt, die Bürger fühlen sich ungeschützt, und die Polizei kassiert lieber im Geheimen Schmiergelder bei den Migranten, statt dem Gesetz zu dienen* [14];

- В России не соблюдаются законы, Конституция России – документ, существующий только на бумаге: *Zwar geht nach der russischen Verfassung die Macht im Staat vom Volk aus. Aber in Russland ist das eine papierene Wahrheit, die keiner recht ernst nehmen will, auch das Volk nicht* [11];

- в России не соблюдаются права человека, нет демократии, Россия не уважает территориальную и политическую независимость других государств: *Ob Menschenrechte, Demokratie, Rechtsstaatlichkeit, Respektierung der territorialen und politischen Unabhängigkeit anderer Staaten – alles, was die politische Identität Europas konstituiert, wird seither von Russland in Frage gestellt oder aktiv bekämpft* [5];

- русские – это стадо, им не нужна свобода, для них главное – стабильность: *Politik als Recht, aber auch als Pflicht, mitzuentscheiden, gilt sehr vielen Bürgern als überflüssig bis ungehörig. Und Wahlen bestenfalls als notwendiges Übel. Russland sehnt sich nach Stabilität, nicht nach Freiheit* [11].

Приведенные выдержки из публикаций немецких журналистов свидетельствуют о неприятии современной России и ее лидера людьми, принимающими политические решения. Журналисты не скрывают своей неприязни, открыто используют высокооценочные слова и словосочетания со знаком минус (*das dunkle Russland, Wilkür, Gewalt* и под.), в результате Россия предстает в глазах большинства как опасная для жизни страна, где правительство не следит за порядком, правоохранительные органы коррумпированы, народ закабален, общественное сознание деформировано.

Но как и в случае с президентом Путиным, журналисты не могут не признать необходимость хотя бы не ссориться с Россией. Ведь всем понятно, что решение многих мировых проблем невозможно без участия политических лидеров. Поэтому при характеристике страны время от времени используются и мирные «соседские» метафоры (*Die Russen sind unsere Nachbarn* [18]), слышны голоса о том, что следует восстановить отношения с Россией (*Deutschland und die Europäische Union müssen einen Weg finden, wie sie mit Russland wieder Beziehungen pflegen* [9]), что без российского посредничества не получится решить сирийский вопрос (*Ohne Russland geht in Syrien nichts voran – so lautet die Moskauer Botschaft. Womöglich stimmt sie sogar* [15]; *So erscheint es mir geboten, mit Russland die Möglichkeiten politischer Lösungen in Syrien weiter auszuloten* [5]).

Таким образом, мозаика распространяемого в Германии стереотипного образа России в общих чертах ясна, ключевыми в этой вербальной мозаике являются слова *аггрессия, угроза, опасность, враждебность, произвол, насилие, коррупция, незащищенность*. И лишь изредка эта «адская смесь» характеристик разбавляется словами *сотрудничество и добрососедские отношения*. Немалую роль, как показал анализ, в создании образа играет личность руководителя России, который представляется авторитарным, хитроумным, «заточенным» на интересы олигархии. Подобные открытые и завуалированные оценки страны и ее политики являются сильным средством политического воздействия, влияют на эмоциональную сферу сознания и подсознания читателей массмедиийных изданий. «Навешивание ярлыков» – излюбленный прием нечестной полемики, – рождая ассоциативные связи с отрицательным опытом читателей, безосновательно занижает авторитет страны и ее лидера.

Разумеется, никому из граждан нашей страны не придет в голову оспаривать мнение о том, что Россия и российская действительность сегодня – не сладкая вата: хотя в нашей жизни происходит множество положительных изменений, нам приходится испытывать и немало негативного. Поэтому было бы правильно сохранять честный объективный взгляд на события и отношения, ведь журналистскую этику никто не отменял. Но, к сожалению, в реальности происходит очевидный крен в сторону гипертрофированно негативного образа России. В ответ на вопрос, что делать с таким положением дел, авторы доклада

об образе современной России в Германии В.Б. Белов и И.Ф. Максимычев пишут о том, что для исправления искаженного образа нашей страны необходимо прежде всего «содействовать осознанию гражданами России своей национальной идентичности, способности сказать миру своё слово, а не рабски копировать то, что уже сделано другими народами и государствами, особенно западными» [2, с. 40]. Начав с себя, с наведения порядка в своем «доме», воспитания уважения к нему, мы сможем требовать такого же уважения и от других.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г., Гаврилина Е.А., Зенько А.А. Россия в зеркале Европы: образ России в европейских СМИ. М.: Вече, 2014. 326 с.
2. Белов В.Б., Максимычев И.Ф. Образ современной России в Германии. М.: Институт Европы РАН, 2010. 66 с.
3. Медведев, С.А. О формировании образа России в Германии накануне Великой Отечественной войны // Вестник ВГУ. 2009. №1. С. 2.
4. Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материалы международной научной конференции. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 238 с.
5. Орлова О.Г. Образ России в зарубежных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. С. 146-149.
6. Соловьева А.С. Негативный образ России (на примере американского издания “The New York Times” // Политическая лингвистика. 2011. №4. С. 152-156.
7. Сушко В. Международный имидж России в иностранных СМИ и социальных сетях // Обозреватель-Observer. 2019. №3. С. 45-58.
8. Уразаева Н.Р., Морозов Е.А. Концептуализация образа России в немецких СМИ: перемены к лучшему? // Мировая политика. 2017. № 3. С. 141-154.
9. Федоров А.В. Образ России в современной западной прессе // Медиаобразование. 2013. №4. С. 51-58.
10. Федякин А.В. Политика формирования позитивного образа Российского государства: теоретико-методологические и прикладные аспекты политологического анализа. М: МГУ, 2008. 51 с.
11. Цилюрик Д.Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе: по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008-2012 гг.: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. 289 с.
12. Шампарова С.И. Образ России в современных американских СМИ // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. №1. С. 17-19.

Список источников иллюстративного материала

1. Alle Augen auf Putin beim ASEM-Gipfel / Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/alle-augen-auf-putin-beim-asem-gipfel/a-18000201>
2. BND-Chef sieht Russland als "potenzielle Gefahr"/ Süddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/deutscher-geheimdienst-bnd-chef-sieht-russland-als-potenzielle-gefahr-1.3749160>
3. Das Risiko ist erheblich / Der Spiegel. URL: <https://magazin.spiegel.de/SP/2017/43/153888405/index.html>
4. Der Antagonist als Partner / Die Zeit. URL: <http://blog.zeit.de/ladurnerulrich/2013/09/16/der-antagonist-als-partner/>
5. Die politische Beheimatung Russlands in Europa ist vorläufig gescheitert / Tagesspiegel Causa. URL: <https://causa.tagesspiegel.de/politik/gehoert-russland-zum-westen/die-politische-beheimatung-russlands-in-europa-ist-vorlaeufig-gescheiternbsp.html>
6. Droht ein großer russisch-ukrainischer Krieg? / Focus. URL: http://www.focus.de/politik/experten/umland/russland-ukraine-konflikt-droht-ein-grosser-russisch-ukrainischer-krieg_id_7833266.html
7. Für den Durchschnitts-Amerikaner existiert Russland nicht / Die Welt. URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article170405175/Fuer-den-Durchschnitts-Amerikaner-existiert-Russland-nicht.html>
8. Interview mit Alexej Nawalny „Russland ist etwas viel Größeres als Putin“ / Berliner Zeitung. URL: www.berliner-zeitung.de/politik/interview-mit-alexej-nawalny--russland-ist-etwas-viel-groesser-als-putin--28874354
9. Kommentar: Die mit dem Bären tanzt / Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/kommentar-die-mit-dem-b%C3%A4ren-tanzt/a-18100321>
10. Kommentar: Zaren sind große Mode in Russland / Berliner Zeitung. URL: [https://www.berliner-zeitung.de/politik/meinung/kommentar-zaren-sind-grosse-mode-in-russland-28769532](http://www.berliner-zeitung.de/politik/meinung/kommentar-zaren-sind-grosse-mode-in-russland-28769532)
11. Putin weitet "Sapad"-Manöver an Nato-Ostgrenze aus / Der Spiegel. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/wladimir-putin-weitet-sapad-manoever-an-nato-ostgrenze-aus-a-1174786.html>
12. Russland darf man nicht duzen / Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/russland-darf-man-nicht-duzen/a-17980946>
13. Russland respektiert nur Stärke / OVB. URL: <https://www.ovb-online.de/politik/russland-respektiert-staerke-9251147.html>
14. Russlands Regierung ignoriert die Ausländerprobleme / Die Zeit. URL: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2013-10/moskau-auslaender-verhaftung-gewalt/seite-2>

15. Syriens Einlenken verschafft den USA Zeitgewinn / Die Welt. URL: <https://www.welt.de/debatte/article119857443/Syriens-Einlenken-verschafft-den-USA-Zeitgewinn.html>
16. Trump glaubt erst Putin, und dann doch FBI und CIA / Süddeutsche Zeitung. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/us-geheimdienste-trump-glaubt-erst-putin-und-dann-doch-fbi-und-cia-1.3745933>
17. Und schuld ist immer Putin / Der Spiegel. URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/europa-und-russland-der-westen-verteufelt-putin-a-1077406.html>
18. Verglichen mit Trump können wir froh sein, einen Putin zu haben / Die Zeit. URL: <http://www.zeit.de/2017/47/gerhard-schroeder-spd-bundestagswahl-wladimir-putin-donald-trump/komplettansicht>
19. Warum die Osteuropäer den Russen die Tür öffnen / Die Welt. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article170564091/Warum-die-Osteuropaeer-den-Russen-die-Tuer-oeffnen.html>
20. Warum Merkel mit Putin umgehen kann – und Obama nicht / Focus. URL: http://www.focus.de/politik/ausland/ist-der-russische-praesident-ein-psychopath-warum-merkel-mit-putin-umgehen-kann-und-obama-nicht_id_5185505.html
21. Wir haben Russland erniedrigt / Nordwest Zeitung. URL: https://www.nwzonline.de/interview/interview-wir-haben-russland-erniedrigt_a_32,1,689453382.html

Ульяницкая Любовь Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет
ulianitckaia_liubov@mail.ru

Шумков Андрей Арнольдович
доктор филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет
noizen@mail.ru

ОСНОВНЫЕ РОМАНСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ ВАЛЛОНИИ

В статье рассматривается сложная языковая ситуация в Валлонском регионе Бельгии, связанная с прогрессирующим исчезновением романских языков, исторически распространенных на этой территории. Каждый из языков имеет свои уникальные черты, а валлонский и пикардский языки играли в становлении франкофонного мира весьма значительную роль. Приводится краткая справка о лексических и грамматических особенностях современных романских региональных языков Бельгии, а также об особенностях их орфографии. Обсуждаются меры, принимаемые правительством Бельгии и международными организациями по поддержке и сохранению этих языков.

Ключевые слова: Бельгия, Валлония, миноритарные языки, романская группа, лоренский, шампанский, пикардийский, валлонский.

*Ulianitckaia Liubov Alexandrovna
Shumkov Andrey Arnoldovich
The main romance regional languages of Wallonia*

The article deals with the difficult language situation in the Walloon region of Belgium, associated with the progressive disappearance of the Romance languages historically widespread in this area. Each of the languages has its own unique features, and the Walloon and Picard languages played a very significant role in the development of the Francophone world. A brief reference is given on the lexical and grammatical features of the modern Romance regional languages of Belgium, as well as on the features of their spelling. The measures taken by the Belgian government and international organizations to support and preserve these languages are discussed.

Keywords: Belgium, Walloonia, minority languages, romance group, Lorrain, Champenois, Picard, Walloon.

На территории Валлонии существует четыре основных региональных языка, каждый из них имеет свои диалекты, различие которых на сегодняшний день весьма затруднено: валлонский (4 диалектальные группы), пикардский (2 диалектальные группы), лоренский, шампанский. Валлонский и

пикардский в настоящее время являются самыми употребляемыми в повседневной речи жителей Валлонского региона.

Валлонский язык сформировался в период с VIII по XII век, наряду с французским языком, но не является его вариантом. Основой валлонского языка, как и всех других романских языков Валлонии, был латинский язык, привнесенный солдатами, колонистами и торговцами из Рима.

Языки Валлонии, вследствие исторической и лингвистической близости со старофранцузским языком, часто считались диалектальными вариантами, поэтому языковым меньшинствам приходилось отстаивать свой правовой и культурный статус. С 1990 года валлонский язык признан региональным языком, но это признание – запоздалое. До Первой Мировой Войны он был самым распространенным языком в романской части Бельгии. Если около 1900 года 90% жителей Валлонии свободно говорили на валлонском языке, то сегодня в этом регионе остается лишь около 600 тысяч его носителей (18% населения) и около 300 тысяч за его пределами [6]. Все этнические валлоны владеют французским языком, валлонский используется в неформальной обстановке, преимущественно в кругу родственников и друзей.

Тем не менее, в различных областях современного Валлонского региона обнаруживаются четыре диалекта валлонского языка:

- центральный – распространен на востоке провинции Валлонский Брабант и в провинции Намюр (кроме округа Филиппвиль), в которой находится одноименная столица Валлонии. Этот диалект является наиболее стандартизованным, однако подвергается фонетическому влиянию со стороны западного и восточного диалектов. Отметим, что в коммуне Врес-сюр-Семуа, входящей в наши дни в область распространения центрального диалекта валлонского языка, прежде говорили на шампанском языке.

- западный – распространен на западе провинции Валлонский Брабант, в небольшой части провинции Намюр (округе Филиппвиль) и на востоке провинции Эно, в которой говорят также на пикардском. Западный диалект валлонского языка подвергся сильному влиянию пикардского и иногда даже считается переходным вариантом между пикардским и валлонским.

- восточный – распространен в провинции Льеж и на севере провинции Люксембург. Представляет собой наименее стандартизованный диалект валлонского языка, испытавший на себе сильное влияние немецкого.

- южный – распространен в центральной части провинции Люксембург. На юге этой провинции говорят на гомском (так называют лоренский язык Бельгии) и люксембургском языках. Эти языки оказывают на южный диалект валлонского языка довольно сильное влияние [10].

Валлонский язык можно услышать не только в Валлонском регионе Бельгии, но также в Брюсселе, где проживает часть валлонского населения, в небольшой части Франции в северных Арденнах, и в США в штате Висконсин,

куда в XIX веке иммигрировало весьма большое число валлонов [22]. В основном на этих территориях распространен центральный диалект.

Несмотря на локальные фонетические различия между этими четырьмя диалектами, на бельгийских территориях распространения валлонского языка существует тенденция к принятию общего правописания. Письменные формы призваны согласовать современные фонетические особенности с древними традициями и собственной фонологической логикой языка.

Валлонская фонетика сохранилась в уникальном историческом виде: язык оставался довольно близким к той форме, которую он имел в период позднего средневековья. Валлонский язык записывается посредством французского алфавита, к которому добавлена буква *â*. На сегодняшний день существуют две орфографические системы – уже упоминавшаяся система Жюля Феллера, которую используют, в основном, для записи диалектальных особенностей и система “*Rfoundou walon*” («общеваллонская») – система стандартизированной орфографии, разрабатываемая с 1989 года. Но только система Жюля Феллера позволяет записать, например, тридцать вариантов произношения слова *roytea* («птичка») с должной корректностью [7].

Несмотря на большое сходство с французским языком валлонский язык отличается рядом лексических и грамматических особенностей. Валлонский язык вбирает в себя не только романский, но и кельтский и германский субстрат. 90 из 100 валлонских слов – латинского происхождения, 9 – германского и 1 – кельтского. Со времен Французской революции (1789-1799) и даже с начала XX века в валлонский язык проникло множество французской лексики, подвергшейся весьма незначительной фонетической адаптации. Со стороны фламандских и лимбургских диалектов Фландрии на валлонский язык также оказывается существенное влияние.

Что касается лексического состава, формировавшегося в средние века, то в валлонском языке встречаются слова с латинскими корнями, исчезнувшими из вокабуляра романских языков Валлонии, например, *dispierter* («будить») существует лишь в испанском (*despertar*) и румынском (*deșteptare*), *sacwant* («некоторый») – в ретороманском (*insaquant*), *moude* («доить») – в итальянском (*mungere*) и румынском (*mulge*), *ouxh* («дверь») – в румынском (*ușă*), *cras* («толстый») – в румынском (*gras*). Некоторые слова заимствованы из поздней латыни, например, *arincrin* («паутина», от *araneae crinis*) или *tier* или *tienne* («граница, обозначенная холмом» от *termen*). Значительное число лексики было заимствовано из германских языков, например, лексемы *flåw* («вязлый», от нидерландского *flauw*), *dringuele* («чаевые», от нидерландского *drinkgeld*), *spiter* («брьзгать», от английского *spit*, нидерландского *spuiten* или немецкого *spüten*), *sprewe* («скворец», от нидерландского *spreeuw*), *crompire* («картофель» от немецкого *Grundbirne*) [15].

К морфологическим особенностям валлонского языка (за исключением южного диалекта) относятся следующие. Прилагательные женского рода во множественном числе перед существительным принимают окончание *-ès*, например, *li djaene foye* («желтый лист») и *les djaenès foyes* («желтые листья»). Определенный артикль и притяжательное местоимение не имеют родовых различий – так, французские *la voiture/le ciel* или *sa fenêtre/son corps* передадутся в валлонском языке как *li vweteure/li cir* или *si finiesse/si coir* соответственно. Местоимение *Vos* («Вы») используется не только в формальных, но и в неформальных ситуациях, даже при обращении к домашним животным. Напротив, местоимение *ti* («ты») считается крайне невежливой формой и употребляется в случае агрессии или гнева – *Taijhe tu!* («Заткнись»). Словообразование может происходить по германскому образцу, например, *foî-voye* («выезд», в нидерландском *uitvaart*, в немецком *Ausfahrt*) или *aberwetaedje* («загрузка (файла)», в английском *downloading*). Синтаксические особенности проявляются в постановке определительного прилагательного перед существительным, например, *on fwärt ome* («сильный человек», в нидерландском *een sterke mens*, а во французском *un homme fort*) или *ene blanke tâjhon* («белый дом», в нидерландском *en wit huis*, а во французском *une maison blanche*), а также в порядке следования объектных местоимений, например, *Dijhoz-m'el* («Скажи мне это», в отличие от французского *Dites-le-moi*). Местоимения прямого дополнения ставятся перед модальными глаголами, например, *Dj 'el sai scrire* или *Vos mi ploz houkî* («Я могу написать это» или «Ты можешь позвать меня», во французском *Je peux l'écrire* или *Tu peux m'appeler*). Возможны кальки с германских языков, например, *Hene ci pire la evoye!* («Выбрось этот камень!», в нидерландском *Gooi deze steen weg!*) или *Cwè çki c'est di ça po ene fleur?* («Что это за цветок?», в немецком *Was ist das für eine Blume?*, в нидерландском *Wat is dat voor een bloem?*, а во французском – *Quelle sorte de fleur est-ce?* или *Quelle sorte de fleur est-ce que c'est?*).

Приведем несколько лексических примеров, показывающих специфику валлонского языка в сопоставлении с французским:

- vatche* (корова) – *vache*
- djembe* (ветчина) – *jambe*
- spene* (шип) – *épine*
- mwaïsse* (мастер) – *maître*
- fiesse* (праздник) – *fête*
- tchesthesia* (замок) – *château*
- tins* (времена, погода) – *temps*
- steûle* (звезда) – *étoile*
- tchèt* (кошка) – *chat*
- pexhon* (рыба) – *poisson*

aprindre (узнавать) – *apprendre*

sûner (сочится) – *suinter*

pítit (маленький) – *petit*

rodje (красный) – *rouge*

bén (хорошо) – *bien*

Приведем также несколько примеров словосочетаний и предложений, показывающих специфику валлонского языка в грамматическом плане:

Vinéz châl! (Подойди-ка!) – *Viens ici!*

A! (Привет!) – *Salut!*

Bondjôû! (Добрый день!) – *Bonjour!*

Comint ça vos va? (Как дела?) – *Comment vas-tu?*

Dji n'sai nén (Я не знаю) – *Je ne sais pas.*

Dji n'a rén vèyou (Я ничего не видел) – *Je n'a rien vu.*

Diè wåde! (До свидания) – *Adieu!*

Å rvey! (До свидания) – *Au revoir!* [14].

Валлонский язык, находящийся в серьезной опасности уже с 1795 года, когда Франция на несколько лет аннексировала Валлонию и повсеместно внедрила французский язык, находится в зоне риска. После Первой Мировой Войны все обучение в школах стало вестись на французском, а в 1952 году вышел официальный запрет на использование валлонского языка в системе образования. В результате в наши дни молодое поколение владеет им в очень небольшой степени; в основном, на валлонском языке хорошо говорят этнические валлоны в возрасте от 65 лет и старше. Но валлонский язык является самым северным из романских языков, а также единственным языком Бельгии, который формировался исключительно в пределах Валлонии. В том числе и по этим причинам в его защиту существует активное культурное движение. С 1990 года валлонский язык может изучаться в школах. На нем издается более 10 журналов и газет, учитывающих диалектальные разновидности. Печатаются книги. В эфир выходят радиостанции, вещающие на валлонском языке. Телевидение транслирует передачи и фильмы с французскими субтитрами. Большинство церковных служб проводится на валлонском. Валлонское культурное движение проявляется также в деятельности организации “*Union Culturelle Wallonne*” («Валлонский культурный союз») [21], которая объединяет театральных деятелей, писателей, ученых, сторонников преподавания валлонского языка в школах, любителей культуры Валлонии. Целью «Валлонского культурного союза» является защита и поддержка как валлонского языка, так и других, соседствующих с ним – пикардского, лотарингского и шампанского языков. Этот союз является также составной частью организации “*Association internationale des langues et cultures minoritaires*” («Международная ассоциация исчезающих языков и культур»). “*Société liégeoise de littérature wallonne*” («Льежское общество валлонской

литературы»), которое было создано еще в 1856 году, продолжает свою работу, под названием “*Société de Langue et de Littérature Wallonne*” («Общество валлонского языка и литературы») [17]. Оно пропагандирует продвижение региональных романских языков Валлонии и художественной литературы, на них созданной. Это общество занимается также научной работой, проводит диалектологические и этимологические исследования на профессиональном уровне. Как уже говорилось выше, в «Манифесте валлонской культуры» (вышел в 1983 году) валлонский язык провозглашается неотъемлемой частью общеваллонской культуры, но не определяет её единолично. Валлония рассматривается как область, в которой господствует симбиоз различных романских языков и культур; одно из важных мест в нем занимает пикардская самобытность.

Пикардский (пикардийский) язык развился на основе простонародной латыни поздней античности. Он более близок к французскому языку, чем к валлонскому. Располагаясь вдоль романо-германской языковой границы, как и валлонский, он также подвергся сильному германскому влиянию, в основном, со стороны фламандских диалектов. В средние века пикардский язык находился между нормандским и валлонским языками, широко употреблялся в северной части Франции, а его литературная норма конкурировала с французской (которая сложилась на основе диалекта Парижа). Париж находится недалеко от севера Франции и взаимодействие этих норм было весьма сильным.

Пикардский язык был распространен в своем ареале наряду с южным вариантом нидерландского языка, жители городов Кале, Дюнкерк и соседних районов говорили в разные времена на двух языках. С 1990 года пикардский язык признан региональным языком, однако число говорящих на нем падает – около 200 тысяч его носителей проживают в Валлонии (6% населения этого региона) и 400 тысяч во Франции. Поскольку этнические пикардийцы также и франкоязычны, пикардский все более становится похож на региональную разновидность французского и используется для неформального общения.

В области современного Валлонского региона распространен северный диалект пикардского языка, в частности, на северо-западе провинции Эно.

Северный диалект можно услышать не только в Валлонском регионе Бельгии, но и во Франции, в области Нор-Па-де-Кале (за исключением района Вестхук, где исторически говорили на франко-фламандском диалекте, а теперь по-французски). Южный диалект распространен во Франции, почти в границах исторической области Пикардия. В северных департаментах О-де-Франс пикардский язык известен под названием *ch'ti* или *ch'timi*, а в городах Валансьен и Лилль – *rouchi*. Оба эти названия имеют интересную этимологию. Одно появилось в Первую Мировую Войну, когда в пикардских войсках по диалогу *Ch'est ti? – Ch'est mi!* («Это ты? – Это я!») можно было легко узнать

соотечественника. Другое происходит от *drouchi* («отсюда (родом), местный», что параллельно французскому *droit ici* или *d'ici*) [11].

Пикардский язык фонетически отличается от французского диалекта, давшего начало современному французскому языку, а равно и от других языков *d'oïl*, в частности, гораздо меньшей степенью палатализации, например, *keval* («лошадь» – французское *cheval* – латинское *cáballus*), *gambe* («нога» – *jambe* – *gám̥ba*), *kief* («голова» – *chef* – *sárit*) или *cherf* («олень» – *cerf* – *cérvus*) [4].

Существуют также фонетические различия между северным и южным вариантом. Так, «замок» в северном диалекте – *catiau*, а в южном – *catieu* (во французском – *château*). Северный вариант слова «собака» – *kien*, в отличие от южного *tchien* (во французском – *chien*). В северном диалекте лексема «хорошо» произносится как *bon* (не отличается от французской), а в южном – *boin* [3].

Северный и южный варианты объединяют в себе множество разных, но все же очень близких друг к другу диалектов. К северной группе относится, например, упоминавшийся выше боренский диалект, на котором говорят неподалеку от Монса. Все диалектальные разновидности обнаруживают в себе конкретные фонетические, морфологические или лексические черты, а иногда и определенную литературную традицию.

Письменная форма пикардского языка являлась прежде, в основном, транскрипцией его устной формы. Поэтому довольно часто использовалась французская орфография, что, в свою очередь, приводило к ошибочному мнению о пикардском языке как о диалекте французского. Начиная с 1960-х годов для придания пикардскому «визуальной» идентичности, отличной от французской, был принят ряд орфографических нововведений. В настоящее время существует определенный консенсус, по крайней мере, среди ученых, так называемое правописание Феллера-Картона. Эта система орфографии максимально отражает фонетические особенности пикардского языка с учетом романской традиции и весьма понятна для обучения. По существу, для записи различных вариантов пикардского языка используется система валлонской орфографии, разработанная Жюлем Феллером и адаптированная Фернаном Картоном, французским лингвистом.

Основы пикардских лексем весьма сильно схожи с французскими, однако некоторые слова, относящиеся, в основном, к шахтерскому делу или сельскому хозяйству, имеют свою специфику. Так, «лопата» на пикардском – *louchet*, а во французском – *bêche*. Пикардские слова *balle* и *barou* обозначают вагонетку для вывоза породы из шахты (во французском – *wagonnet*). Обед, который шахтеры брали с собой, назывался в пикардском *briquet* (во французском – *casse-croûte*). Французское *poule* («курица») может выглядеть в пикардском как *poulhe* и как *glin*. Французское *chèvre* («коза») в пикардском становится *maguette*. Погонщик

лошадей обозначается словом *carton* (французское *conducteur de chevaux*), а рабочий на ферме – *varlet* (французское *ouvrier de ferme*) [3].

Приведем несколько примеров пикардских лексем, основанных на иных корнях, чем соответствующие французские:

- biclo* – *vélo* (велосипед)
- doupes* – *argent* (деньги)
- piedsente* – *chemin* (дорога)
- piquetee* – *onglée* (гвоздь)
- renard* – *arnard* (лиса)
- riche* – *mirouille* (богатый)
- reposer* – *arposer* (отдыхать)
- gruger* – *avoir froid* (мерзнуть)

Примеры пикардских слов, заимствованных из нидерландского языка:

- watergang* – *canal* (канал)
- busse* – *tuyau de poêle* (печная труба) от *buis*

Приведем также несколько примеров словосочетаний и предложений, показывающих специфику пикардского языка в грамматическом плане:

- Salut ti z'aute!* (Привет (вам другим!) – *Salut (vous autres)!*)
- Bojour mes gins!* (Добрый день (моим людям!) – *Bonjour (mes gens)!*)
- Comint qu'i va ?* (Как дела?) – *Comment vas-tu?*
- Éj n'sais mie* (Я не знаю) – *Je ne sais pas.*
- Comint qu'os vos aplez?* (Как Вас зовут?) – *Comment vous appelez-vous?*
- Adé!* (До свидания) – *Adieu!*
- À *s'ervir!* или À *l'arvoüre!* (До свидания) – *Au revoir!* [6].

Часть разделительного вопроса «не так ли?» (французское *N'est-ce pas?* в пикардском выражается как *énon?* Перестраивается фраза, выражающая «пожалуйста» – в пикардском *san vos comander* в отличие от французского *s'il vous plaît (sans vous commander* – «без того, чтобы заставлять вас» используется крайне редко). Северный и южный варианты значительно различаются в орфографии, например, лексема «как» выглядит, соответственно, как *comint* и *kmint*. Важно отметить также, что в зависимых предложениях может удваиваться подлежащее, например, *I n'feut mie qu'chés glinnes is cantte pus fort qu'ech co!* – во французском *Il ne faut pas que les poules (ils) chantent plus fort que le coq!* («Курицы не должны кричать громче петухов») [2].

Пикардский не преподают во французских и бельгийских школах (за исключением специализированных курсов), средний возраст его носителей – 65 лет; использование этого языка резко сокращается от года к году и сегодня пикардский находится в серьезной опасности [20].

Лотарингский язык в своем романском варианте в конце XX века был отделен лингвистической наукой от лотарингского (франкского) диалекта, относящегося, как и люксембургский язык, к средненемецким диалектам.

Лотарингский язык распространен в регионе Лотарингия во Франции (наиболее архаичные формы сохранились в горном массиве Вогезы) и в области Гом на юго-востоке провинции Люксембург (общее число носителей – около 30 тысяч). Бельгийский вариант романского лотарингского языка называется также гомским языком, но для сохранения связи с романским корнем и для дистанцирования от лотарингского франкского диалекта мы склонны употреблять также довольно редкое название – лоренский язык. Лоренский (гомский) язык был подвержен сильному германскому влиянию – люксембургского и лотарингского франкского языков, распространенных в соседних областях. Как и другие региональные языки Бельгии, лоренский получил официальный статус в 1990 году. За десять лет до этого события была создана “*Académie du patois gaumais*” («Академия гомского диалекта») [9], завершившая в 2009 году масштабную работу по созданию французско-лоренского словаря. На гомском языке существует художественная литература, в том числе переводы с разных языков, например, перевод басен Лафонтина и повести «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери [16].

В конце XVIII века насчитывалось около 130 диалектальных вариантов лоренского языка, на сегодняшний день весьма условно можно выделить 7 диалектов. Дело в том, что лейтмотивом французской революции был девиз «один народ, один язык». К сожалению, это воспринималось и как призыв к одному единственному национальному языку, и «малые» языки стали вытесняться французским. Однако в противовес государственной языковой политике работали ученые-лингвисты (в основном, французские) и издавали свои труды, посвященные региональным языкам. Так, в 1881 году Люсьен Адам написал очерк грамматики лоренского языка [1], а Леон Зеликзон составил в 1924 году словарь мозельского диалекта [8].

Упадок лоренского языка был связан с экономическими причинами. В начале второй половины XIX века сельское население стало перемещаться в города в поисках работы. В фабричных цехах французский язык особо не пригождался, но для продвижения по служебной лестнице владеть им было необходимо. На государственную службу также могли претендовать только граждане, владеющие национальным языком. Французский язык становился обязательным условием для успешной карьеры.

Около 1900 года лоренские дети на вопросы, заданные на лоренском языке, отвечали по-французски, поэтому в наше время услышать лоренский язык в речи жителей Валлонии – весьма большая удача.

Лоренский язык продолжает оказывать интерференционное влияние на французский. Жители области Гом, говорящего по-французски, выдадут некоторые грамматические особенности, унаследованные из лоренского языка. Например, функцию указательного местоимения может выполнить определенный artikel с постпозитивным безударным наречием – вместо

cet homme («этот человек») говорится *l'homme là*. Своего рода эмфазу получают наречия – «здесь» и «там» (французские *ici* и *là*) становятся в лоренском варианте *to ci* и *to lè*. Существительные, которые относятся в общефранцузской норме к мужскому роду, могут обозначаться артиклем женского рода, поскольку женский род имеет в лоренском языке большее распространение. Так, *un arrosoir* («лейка») трансформируется в *une arrosoir*, а *un éclair* («молния») – в *une éclair* [1].

Грамматика лоренского языка весьма трудна. Леон Зеликзон выделил три группы глаголов, в каждой из которых не только сильные, но и слабые глаголы могут иметь нерегулярное спряжение. Возвратные глаголы всегда спрягаются со вспомогательным глаголом *avoir* [1].

В то время как французский сохранил максимальную приближенность к латинской системе спряжения глаголов (а английский отказался от нее совсем), лоренский язык различает лишь числа. Так, глагол *parler* («говорить») спрягается в прошедшем незавершенном времени следующим образом: *dje prakè, te prakè, è prakè, dje prakonne, vos prakonne, è prakonne*. При этом в лотарингском языке прошедшее незавершенное время может выражаться двумя формами: одна обозначает более близкое незавершенное, другая – более далекое незавершенное. Например, французское предложение *Ce matin les nuages venaient très vite alors qu'hier soir ils venaient moins rapidement* («Этим утром облака двигались быстро, тогда как вчера они двигались медленнее.») на лоренский манер будет звучать как *Ce matin les nuages venintor très vite alors qu'hier soir ils venint moins rapidement* [1].

В бельгийских школах гомский язык не изучается, но все же ему оказывается большая поддержка, чем во Франции. Несмотря на то, что школа перестала передавать этот язык молодому поколению, на лоренском в Бельгии появляется больше художественных произведений, чем во Франции, даже при отсутствие единой орографической нормы.

Вообще говоря, определить начало литературной традиции на гомском языке весьма затруднительно – древнейшие произведения часто не имеют датировок. В начале XVIII века служащий администрации города Виртон оставил в своих записях несколько слов на местном говоре. В это время в Гоме широкое распространение получает письменность, и это позволяет оставлять свое наследие на бумаге не только избранным классам, но и широкому кругу населения. На сегодняшний день для записи лоренских наречий, в том числе гомского, используются как система Феллера, так и орографическая система французского языка.

Как и лоренский язык в целом, гомский диалект имел сложную судьбу. В 1794 году, когда Гом был присоединен к Франции, аббат Григорий, родом из Лотарингии, представил Национальному Съезду свой доклад, в котором выступал за уничтожение «бесполезных» региональных языков и за всеобщее

использование французского языка. В 1815 году территория Гома была окончательно определена, и лоренский язык по обе стороны границы стал развиваться различно. Во Франции внедрение французского языка в школы весьма быстро привело к вытеснению лоренского языка уже в конце XIX века. В Бельгии то же самое произошло после Первой Мировой Войны.

Интерес к лоренскому языку в Бельгии в последние годы возрастает, на нем ставятся спектакли, издаются комиксы о приключениях Тинтина, проводятся религиозные службы, но все же гомский диалект находится в исключительно серьезной опасности. Говорящие на гомском диалекте в качестве первого языка встречаются все реже. Скорее, этот язык можно услышать от людей, часто пожилого возраста, которые изучили гомский диалект как второй язык и могут выражаться на нем вполне свободно. Число говорящих, по весьма приблизительной оценке, составляет около 15 тысяч.

Приведем несколько примеров слов и выражений на гомском диалекте:

âwe – eau (вода)

tchin – chien (собака)

crombîre – pomme de terre (картофель) от немецкого *Grundbirne*

waffe – gauffre (вафля) от немецкого *Waffel*

in houmme d'âdge – un homme assez âgé (пожилой человек)

co d'in paî – encore un peu (еще немного)

Rawâ ène miette! – Attends un peu! (Подожди чуть-чуть!)

Dj'a-n â pèsant – Ça me pèse (Мне тяжко (*J'en ai pesant*))

C'est plâji aveu lu – Il est gentil (Он любезен (*C'est plaisir avec lui*)) [5].

На юге провинций Намюр и Люксембург в пяти коммунах (в основном, в коммуне Врес-сюр-Семуа) остаточно распространен шампанский язык. Его следы обнаруживаются также во французской области Шампань-Арденны. Во Франции шампанский язык находится в катастрофической опасности и приближается к статусу мертвых языков. В 1990 году Бельгия официально признала его региональным языком. На ее территории шампанский язык имеет общую границу с валлонским, что приводит к существованию ряда переходных вариантов. Как и в случае пикардского языка, шампанский язык охватывал территории, близкие к Парижу, и мог оказывать на становление французского языка известное влияние.

Ранние проявления шампанского языка можно обнаружить в литературе, созданной на северных территориях современной Франции уже в XIII веке, однако обычно первые памятники на этом языке относят к концу XVI века. Отличительной особенностью литературы XVIII века были рождественские песнопения, представлявшие собой собрание разнородных по времени и по стилю текстов, облаченных в религиозную форму. В наши дни для записи шампанских вариантов используется система французской орфографии [18].

Шампанский язык отличается рядом грамматических и лексических особенностей, иногда сходных с теми, что существуют в соседних языках (на территории Франции он также граничит с пикардским и лоренским), а иногда не имеющих аналогов. В шампанском языке, как и в лоренском, превалирует женский род, это видно даже в притяжательных местоимениях – *ma bas* («мой чулок») вместо *mon bas*. Возвратные глаголы спрягаются с помощью вспомогательного глагола *avoir* – *J'm'ai approchi* («Я приблизился») вместо *Je me suis approché*. Специфические особенности проявляются в том, что перед именами собственными нередко употребляется определенный artikel в разных формах: *Le R'nèye, el' Paul, l'Antoine et La Simone étoent su la piace* («Рене, Поль, Антуан и Симона на месте») – *René, Paul, Antoine et Simone sont sur la place*). В некоторых диалектах глаголы «быть» и «иметь» в третьем лице единственного числа настоящего времени не отличаются по форме, и становится неясно, какой вспомогательный глагол избран для спряжения: *Il' é planté trois routes ed'canadas* («Он посадил три грядки картошки») – *Il a planté trois rangs de pommes de terre*). Иногда пропадает двойное глагольное отрицание – французское *Je n'aime pas cela* («Мне это не нравится») становится *J'aime pas*. Могут образовываться необычные глаголы, например: *cafeter* («сделать кофе»).

Приведем несколько примеров слов и выражений на шампанском языке:

ouache или *wache – flaque d'eau* (лужа)

huche – porte (дверь)

échaudure – ortie (крапива)

bûchon – buisson (куст)

ambre – framboise (малина)

framboise – myrtille (черника)

trobin – très bien (очень хорошо)

T'en veux-t-y? – Désires-tu quelque chose? (Ты что-нибудь хочешь?)

Rent' don j'allo cafeter – Entre, je prépare le café (Входи, я сделаю кофе)

Il éto co à l'auberge – Il est encore au café (Он еще в кафе) [12].

Все вышеупомянутые языки занесены в Красную Книгу исчезающих языков ЮНЕСКО, причем валлонский язык обозначен как подвергающийся «серьезной опасности». Пикардский, лоренский и шампанский языки имеют более категоричное обозначение – они подвергаются, по мнению экспертов этой организации, «крайне серьезной опасности». Если пикардский язык, благодаря своему историческому и лингвистическому «весу» может рассчитывать на свою самодостаточность (по своей литературной традиции и словарному составу он до наших дней вполне может соперничать с французским), а валлонский язык является исконным языком Валлонии и составляет ее неотъемлемую часть, то шампанский и лоренский языки таких шансов имеют мало. Со стороны Франции, как уже говорилось, поддержка этих языков недостаточна. Только в 2014 году подавляющее число французских

депутатов проголосовали за ратификацию Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств [19], подписанной Францией еще в 1999 году. Это лишь первый этап долгого и сложного пути – впереди долгие согласования в правительстве на самых разных уровнях. Однако шанс на благоприятный исход для всех языков Франции, включая 12 языков *d'oïl*, все-таки существует. Хартия содержит в своей ратификационной грамоте два списка: перечень принятых положений (известны 39 положений, выбранных Францией) и список языков (75 языков в списке, составленном в 1999 году профессором Бернаром Черкильини и поддержанном Генеральным советом по французскому языку и языкам Франции при Министерстве Культуры). Интересно отметить, что французская ассоциация “*Défense et promotion des langues d'oïl*” («Защита и продвижение языков *d'oïl*») [13] не включает в свое рассмотрение лоренский язык.

Бельгия, впрочем, вышеупомянутую Хартию до настоящего времени не подписала, что, видимо, объясняется особенностями федеральной системы этой страны. В целях содействия переговорам между общинами, регионами и федеративным государством Советом по эндогенным региональным языкам Федерации Валлонии и Брюсселя был подготовлен список из 38 положений, которые могут быть применены в Валлонии, и перечень соответствующих языков, в который входят 4 романских языка (валлонский, пикардский, лоренский (гомский) и шампанский) и 2 германских (люксембургский и рипуарский язык, представляющий собой, скорее, группу диалектов).

Подписание этой Хартии может иметь не только положительные культурные последствия, но и стать политически выгодным для правительства Валлонии, которое оказывает, например, поддержку рипуарскому языку, противопоставляя его нидерландскому и немецкому в продвижении французского языка в германоязычных областях своего региона. Романские региональные языки играют в этом противопоставлении еще большую роль и являются в Валлонии ярким выражением ее лингвокультурной самобытности.

Литература

1. Adam L. Les patois lorrains. Paris: Maisonneuve et Cie, 1881. 520 p.
2. Auger J. Picard et français: la grammaire de la différence // Langue française. Paris. №3. 2010. P. 19-34.
3. Beauvv F. Dictionnaire picard des parlers et traditions du Beauvaisis. Rieux: Impr. Mutualité agricole, 1990. 359 p.
4. Duquef M.-M., Amassoér dictionnaire Picard – Français et Français – Picard. Anmien: Librairie du Labyrinthe, 2004. 396 p.
5. Jacques N. Le vocabulaire de la vie familiale à Gérouville. Louvain: Université Catholique de Louvain, 1975. 135 p.

6. Eloy J.-M. La constitution du picard : une approche de la notion de langue. Louvain: Peeters, 1997. 259 p.
7. Feller J. Notes de philologie wallonne, Liège, H. Vaillant-Carmanne, 1912, In-8°, XXVII. 420 p.
8. Zéliqzon L. Dictionnaire des patois romans de la Moselle. Strasbourg: Librairie Istra, 1924. 720 p.
9. Académie du patois gaumais. URL : <https://www.tintigny.be/annuaire/academie-des-patois-gaumais> (дата обращения: 14.03.20)
10. Atlas linguistique de la Wallonie. URL : <http://alw.philo.ulg.ac.be/> (дата обращения: 15.03.20)
11. Blot D., Éloy J.-M., Rouault T. La richesse linguistique du nord de la France. INSEE Picardie, n° 125, 2004. URL: <https://www.epsilon.insee.fr/jspui/bitstream/1/4874/1/IPR125.pdf> (дата обращения: 14.03.20)
12. Daunay J. Parlers champenois. Ebooks libres et gratuits, 1998, 1567 p. URL : https://www.ebooksgratuits.com/pdf/daunay_parlers_de_champagne.pdf (дата обращения: 14.03.20)
13. Défense et promotion des langues d'oïl. URL: <https://www.languesdoil.org/> (дата обращения: 16.03.20)
14. La page de la langue wallonne. URL : <http://users.skynet.be/lorint/wallang/wal-fra.html> (дата обращения: 20.03.20)
15. Le "Petit Larousse" du wallon. URL: <https://moti.walon.org/> (дата обращения: 20.03.20)
16. Le Petit Prince en gaumais. URL : https://www.tvlux.be/video/le-petit-prince-en-gaumais_19880.html (дата обращения: 14.03.20)
17. Société de Langue et de Littérature Wallonne. URL :<https://slwallonnes.wordpress.com/> (дата обращения: 20.03.20)
18. Tarbe P. Recherches sur l'histoire du langage et des patois de Champagne, vol. 1, Reims, 1851. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54292000.pdf> (дата обращения: 25.03.20)
19. The European Charter for Regional or Minority Languages URL: <https://www.coe.int/en/web/european-charter-regional-or-minority-languages> (дата обращения 17.04.20)
20. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap/language-id-398.html> (дата обращения: 14.03.20)
21. Union Culturelle Wallonne. URL: <https://www.ucwallon.be/> (дата обращения: 20.03.20)

22. Université du Wisconsin : collection de documents sur l'immigration wallonne au Wisconsin, enregistrements de témoignages oraux en anglais et wallon URL: <https://uwdc.library.wisc.edu/collections/belgamrcol/> обращения: 20.03.20)

Цыцаркина Наталья Николаевна
доктор филологических наук, доцент
Курганский государственный университет
nnts98@yandex.ru

Саркисян Теймине Гарниковна
учитель школы № 55, Курган
temmartirosyan1991@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ В АНГЛИЙСКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена описанию фразеологических единиц, включающих компонент-фитоним. Сопоставительный анализ данных фразеологизмов в английском и армянском языках выявляет их универсальные черты и национально-культурную специфику.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фитоним, английский язык, армянский язык, национально-культурная специфика.

*Tsytsarkina Natalia Nickolayevna
SarkisianTeimine Garnikovna
Phraseological units with the phytonymic component
in the English and Armenian languages*

The paper deals with the peculiarities of English and Armenian phraseological units that contain a phytonymic component. Comparative analysis reveals the common and specific features of these units, their national and cultural specificity.

Key words: phraseological unit, phytonymic component, the English language, the Armenian language, national and cultural specificity.

Целью данной статьи является выявление универсальных характеристик и национально-культурного своеобразия фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-фитонимом современного английского и армянского языков.

Армянский и английский языки относятся к индоевропейской языковой семье: армянский принадлежит греко-фригийско-армянской ветви, английский входит в группу германских языков. Типологически в обоих языках доминируют признаки агглютинативных языков с некоторыми элементами изолирующего типа [15, с. 189]. Однако, несмотря на принадлежность к одной языковой семье и некоторое типологическое сходство, данные языки самобытны и активно не контактируют, так как народы, говорящие на них, территориально далеки друг от друга.

Сопоставительные исследования ФЕ с компонентом-фитонимом в неродственных языках или языках, непосредственно не контактирующих друг с

другом, в последнее время стали появляться достаточно часто. Например, проводились сопоставления ФЕ с компонентом-фитонимом в таких языках, как английский и русский [5; 17], русский и корейский [7], русский и китайский [12], татарский и французский [1], русский и французский [10], русский и чувашский [2], русский, английский и немецкий [19], сопоставлялись также славянские, германские и тюркские языки [11]. Исследователи считают, что такой анализ помогает обнаружить универсальные черты и национально-культурную специфику языковой картины мира, «выявить особенности так называемых европейского и восточного типов мышления, увидеть исторические отголоски более древних культур...» [1, с. 15].

Нужно отметить, что если английские ФЕ с компонентом-фитонимом изучены достаточно полно ([13; 16; 3; 8; 18; 9; 20]), то на материале армянского языка подобного рода исследования не проводились.

Английские и армянские ФЕ с компонентом-фитонимом были отобраны методом сплошной выборки из русско-английских [24], англо-русских [25; 28], английских [29; 30] и русско-армянских фразеологических словарей [23; 26; 27], по 90 фразеологических единиц из каждого языка.

По определению В.Н. Телия, фразеологические единицы – это семантически связанные словосочетания и предложения, которые,

«не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [14].

Под ФЕ с компонентом-фитонимом в статье понимаются фразеологизмы, в составе которых имеется видовое или родовое наименование растения в целом (дерево, кустарник, трава) или название его составной части (лист, стебель, корень, цветок, плод).

При анализе грамматической структуры за основу была взята структурно-семантическая классификация А.В. Кунина [6].

Как показало исследование, среди английских ФЕ с компонентом-фитонимом выделяются следующие группы:

субстантивные ФЕ: *a squeezed orange* – уставший, ненужный человек, *a hot potato* – неприятный вопрос;

адъективные ФЕ компаративного типа: *as green as grass* – неопытный, незнающей жизни, *welcome as flowers in May* – долгожданный, желанный;

адвербиальные ФЕ: *between grass and hay* – в юношеском возрасте, *in the flower of life* – во цвете лет;

междометные ФЕ: *my cabbage* – разг.; ласк. дорогой;

глагольные ФЕ: *bang the bush* – амер., разг. превзойти все ожидания; затмить всех; быть вне конкуренции, *bark up the wrong tree* – идти по ложному

следу, *lay in lavender* – приберечь на будущее, припрятать до первой необходимости, сохранять впрок;

коммуникативные ФЕ (пословицы и поговорки): *The apples on the other side of the wall are the sweetest* – «Яблоки по другую сторону забора – самые сладкие» (запретный плод сладок). *The grass is greener on the other side of the fence* – «Трава зеленее по другую сторону забора» (хорошо там, где нас нет). *He that will eat kernel must crack the nut* – «Тот, кто хочет съесть ядро ореха, должен сначала расколоть орех». *Grasp the nettle and it won't sting you* «Схвати крапиву резко – и не обожжёшься» (смелость – залог успеха).

Анализ показал, что в армянском языке, как и в английском, существуют субстантивные, глагольные и коммуникативные ФЕ с фитономическим компонентом:

субстантивные ФЕ: չկորած ձներուկ – «неразрезанный арбуз» (загадка, человек с неизвестным характером), տանձի պոյ – «хвост груши» (худой человек), անհոր ծաղիկ – «цветок без запаха» (ненужный, бесполезный), նարինջ ուլող – «пожиратель апельсинов» (проживающий легкомысленную и беззаботную жизнь);

глагольные ФЕ: դարձ պառուղներ ճաշակել – «исprobовать горькие плоды» (почувствовать тяжелые последствия допущенных ошибок), կանաչ խոտի վրա կրակ անել – «развести огонь на зеленой траве» (жить в плохих условиях);

коммуникативные ФЕ: Բանքասկուր նման է ընկույզով յի պարկի՝ որքան էլ թափ տիши, ձայն դուր կցի – «Сплетник – что мешок с орехами: сколько ни тряси, все голос подает». Այգեպանին սերմեր չեն վաճառում – «Садоводу семена не продают» (мастер своего дела). Լավ սեկիր զայլին է բաժին հասնում – «Хорошая дыня достается шакалу» (когда хорошее начало завершается плохим концом). Կովի մեջ չամիչ եւ ընկույզ չեն բաժանում – «В драке изюм и орехи не раздают» (в драке нет ничего хорошего). Ինձ ինչ նրանից, որ Բաղդադում շատ խոտինակ կա – «Что мне от того, что в Багдаде хурмы много» (не важно, что имеют чужие, важно, что имеешь сам).

В отличие от английского, в армянском языке не встречаются соответствующие единицы для таких групп, как адъективные, адвербальные и междометные ФЕ. Самыми многочисленными ФЕ с компонентом-фитонимом в английском и армянском языках являются коммуникативные фразеологизмы.

Как в том, так и в другом языке к самым частотным компонентам-фитонимам относятся компоненты **роза** («rose», «վարդ») и **дерево** («tree», «ծառ»). В английском языке компонент *rose* включен в субстантивные, адъективные, адвербальные и глагольные ФЕ: *English rose* – «английская роза» (настоящая английская леди), *a rose between two thorns* – красивая женщина среди мужчин. Роза ассоциируется, как отмечает С.С. Шумбасова, с чем-то приятным, легким, красивым и редким, а фразеологизмы с компонентом

rose используются часто как комплимент [18, с. 9]. Например: *a bed of roses* – лёгкая, счастливая жизнь, *gather life's roses* – срывать цветы удовольствия, *a blue rose* – что-то недостижимое, *under the rose* – по секрету, втихомолку, *as fresh as a rose* – свежа, как роза.

Компонент *tree* в английском языке входит в состав субстантивных, глагольных и коммуникативных ФЕ: *the top of the tree* – видное общественное положение; *pull up trees* – многое добиться; быть на многое способным; *flourish like a bay tree* – процветать, успешно развиваться; *The highest tree has the greatest fall* – «Самое высокое дерево с самым сильным грохотом и падает» (не взлетай высоко, не будешь падать низко); *Some people cannot see the wood for the trees* – «За деревьями лес не увидел»; *He that would eat the fruit must climb the tree* – «Кто хочет съесть плод, должен влезть на дерево»; *He that loves the tree loves the branch* – «Кто любит дерево, тот любит и каждую ее веточку» (любишь тепло, терпи и дым); *Remove an old tree and it will wither to death* – «Стоит пересадить старое дерево, и оно полностью завянет».

В армянском языке компонент *վարդ* (роза) является, как правило, частью коммуникативных ФЕ: *Անշնորհակալի այզում ոչ վարդ է անունուակ* – «В саду у неблагодарного ни розы, ни фиалки не цветут» (неблагодарному ничем не угодишь). *Սրտում վարդ բացվել* – «В сердце раскрылась роза» (быть в чудесном и счастливом настроении). *Հյուրը վարդ է տան տիրոջ համար* – «Гость – роза для хозяина». *Ճանապարհին վարդեր չեն փոխած* – «На дороге розы не валяются» (небеззаботная и трудная жизнь). *Վարկադրարար բացված վարդը բույր չի ունենում* – «Насильно раскрытая роза запаха не имеет» (то, что делается насильно, без желания и без любви не может быть результативным). *Առանց փշի վարդ չի լինում* – «Без шипов розы не бывает» (идеальных людей не бывает).

ФЕ с компонентом *վարդ* (роза) часто связаны с традициями и обрядами армянского народа: *Ճանապարհին վարդեր են փոխած* – «Розы под ногами» (пожелание доброго и счастливого пути), *Վարդ լաշկինակ* – «Платок из роз» (во время свадебной церемонии невесте дарят платок, разукрашенный розами).

Компонент *ծառ* (дерево) используется в пословицах и поговорках, реже – в глагольных ФЕ:

Ճարարին ծառը կապեցեր – «привязать сахар к дереву» (с удовольствием согласиться). *Աղբյուրին մոտ ծառը արագ է անում, քայց արագ էլ ծերանում է* – «Дерево у воды быстро растет, но и быстро стареет» (получив желанное и необходимое, нужно этим довольствоваться). *Ծառը տնկում են պատղներն ունեղու համար* – «Дерево затем и посадил, чтобы есть плоды» (в каждом деле главное – полученный результат). *Լավ ծառն ավելի լավ է, քան վաստ մարդը* – «Хорошее дерево лучше плохого человека» (одиночество лучше, чем дружба с плохим человеком). *Անպուղ ծառի վրա ոչ ոք քառ չի զգում* – «В бесплодное дерево никто камней не бросает» (несчастного человека никто не обижает). *Ոյ լավիահարիր այն ծառը, որից հավարփած են պատղները* – «Не тряси дерево, с

которого уже сняты плоды» (не делай бесполезную работу). *Երբ ծառն ընկնուի է, եղողերը բարձրանում են* – «Когда дерево падает, ветки поднимаются» (когда сильный падает, у слабого появляется шанс). *Ամեն ոք փորձում է իր ծառը ջրել* – «Каждый старается свое дерево поливать» (каждый человек должен найти свое место в жизни и делать все, чтобы создать условия для хорошей жизни).

Компонентами-фитонимами могут быть также гипонимы к слову *ծառ* «дерево». Так, гипоним *սոճի* «сосна» символизирует силу, мощь и имеет положительную коннотацию. Гипоним *բարդի* «тополь» означает нечто ненужное, бесполезное (отрицательная коннотация). Например: *Ինչ օգուտ, ոք բարդի բարձր է, եթե պայուղներ չեն տալիս* – «И тополь высок, да какая польза в нем, если не дает плодов» (независимо от возраста и социального статуса для каждого человека важны жизненные результаты); *Ամեն ծառ սոճի չէ* – «Не всякое дерево сосна» (не всегда внешнее определяет внутреннее содержание).

В английском языке силу и храбрость символизирует не сосна, как у армян, а дуб: *Great oaks from little acorns grow* – «Большие дубы вырастают из маленьких желудей (большое вырастает из малого); *Little strokes fell great oaks* – «Слабые удары валят большие дубы» (капля по капле и камень точит), *a heart of oak* – храбрый, мужественный человек.

Также многочисленна в армянском языке группа с компонентом «ձիերուկ» (арбуз), представленная преимущественно субстантивными и глагольными ФЕ: *Հնորիծ ձիերուկ* – «неразрезанный арбуз» (человек с неизвестным характером); *Ձիերուկի կեղև* – «корочка арбуза» (очень худой); *Ձիերուկի կորիզ կուլ տալ* – «проглотить арбузовую косточку» (забеременеть); *յժեւերի տալ ձիերուկ դնել* – «положить арбуз под мышку» (подбодрить пустыми обещаниями).

Существует народное предание, объясняющее армянское названия арбуза («дзмерук»). Рогатая змея, которой слуги армянского царя Гагика помогли избавиться от рогов, в благодарность оставила во дворце семечко. Из него вырос большой, странный плод. Слуги царя дали этот плод умирающему старику, и он излечился от смертельной болезни. После этого природное лекарство попробовал и сам царь и тоже почувствовал его целебную силу. С тех пор армяне называют подарок змеи чмерук, т.е. «не умер». Под влиянием ассимиляции звук «ч» превратился в «дз», таким образом, плод стал называться «дзмерук» [21].

В английском языке третьей по численности является группа фразеологизмов-фитонимов с компонентом *apple*: *The apples on the other side of the wall are the sweetest* – в чужом саду яблоки вкуснее, запретный плод сладок. *There is small choice in rotten apples* – выбирать тут не из чего, хрен редьки не слаше.

В обоих языках в составе фразеологизмов используются такие гиперонимы, как *ягода, цветок, плод, зерно, лист, ветка, дерево, трава*, т.е.

родовые названия растений и их составных частей, а также гипонимы *желудь*, *яблоко*, *апельсин*, *огурец*, *фиалка*, *роза*, *инжир* (*фига*), т.е. их видовые названия.

Для английского языка характерны фитонимы *bush* (куст), *bark* (кора), *oak* (дуб), *bean* (боб), *lavender* (лаванда), *nettle* (крапива), *pea* (горох), *mulberry* (тутовая ягода), *banana* (банан), *potato* (картофель), *cabbage* (капуста), *reed* (тростник, камыш). Армянскому языку свойственны фитонимы *սերմ* (семечко), *բուշակին* (овошь), *խաղող* (виноград), *սեխ* (дыня), *սերկելի* (айва), *խորմիչ* (хурма), *ձիմերով* (арбуз), *տանձն* (груша), *ձիթենի* (маслина), *շամիչ* (изюм), *սխորով* (чеснок), *երեքնով* (клевер), *ցորեն* (пшеница), *բրինձ* (рис), *սոնի* (сосна), *բարդի* (тополь). Видовое разнообразие фитонимов армянского языка, входящих в состав ФЕ, очевидно, объясняется особенностями географического положения Армении, а именно изобилием растительного мира субтропической зоны (и отчасти высокогорья), на широте которой она расположена. Большая часть английских и армянских фитонимов в составе фразеологизмов являются гипонимами.

Исследование выявило семантические, структурные и компонентные соответствия английских и армянских фразеологизмов с фитонимическим компонентом. Часть фразеологизмов обоих языков имеют одинаковые значения, похожую структуру и компонентный состав: *A tree must be bent while young* – «Дерево нужно гнуть, пока оно молодое», *Ծառի ճյուղերը մատղաշ ժամանակ են ուղղում* – «Дерево выпрямляют, когда оно молодое». Обе пословицы означают ‘ребенка нужно воспитывать с детства’. Однако в них прослеживается некоторая разница во взглядах на воспитание. В армянском варианте отражается стремление помочь ребенку, поправить, если это необходимо, в противовес английской суровой воспитательной системе, где «дерево нужно гнуть», а не «выпрямлять». Другая английская пословица, не содержащая компонент-фитоним, имеет тот же смысл, но более четко обозначает жесткость в подходе к воспитанию: «*Spare the rod and spoil the child*».

В обоих языках встречаются фразеологизмы с одинаковыми значениями и компонентным составом, но с разной структурой. О людях, которые повторяют и усугубляют ошибки и недостатки своих родителей, говорят: *As the tree, so the fruit* – «Какое дерево, таков и его плод»; *Պոլովը ծառից հեռու չի ընկնում* – «Плод далеко от дерева не падает» (русская пословица – «Яблоко от яблони недалеко падает»). Существует и аутентичная армянская пословица с тем же содержанием, но с другими компонентами и структурой: *Խաղողի ողկուզգները բրնձի չեն վերածնի* – «Виноградные косточки рисом не станут».

Некоторые фразеологизмы в английском и армянском языках имеют похожий смысл, но разную структуру и разный компонентный состав: *Ամեն սոնի չէ* – «Не всякое дерево сосна» (не все золото, что блестит), *You cannot judge a tree by its bark* – «Нельзя судить о дереве по его коре» (внешность

обманчива), В человеке существуют две стороны – добро и зло, хорошее и плохое: *Every bean has its black* – «В каждом бобе есть чёрное пятно», *Ովելունոյն ծաղկից օձը թուն է արրում, մեղոն մեղը* – «Из одного и того же цветка змея делает яд, пчела мед». Если нет выбора, определить лучший вариант сложно, приходится довольствоваться тем, что имеется: *Կացի բացակայության դեպքում կաղին էլ են ուսում* – «Когда нет хлеба, едят и желуди»; *There is small choice in rotten apples* – «Небольшой выбор между гнилыми яблоками».

Были выявлены ФЕ с фитонимическим компонентом, которые имеют в другом языке эквивалентные по смыслу фразеологизмы, не содержащие фитонимический компонент. Например: *Օտար երկրում ջրիր այն ծառը, որը այնուն է անում* – «В чужой стране поливай те деревья, которые там растут» (в чужой монастырь со своим уставом не ходят). Английская версия *When in Rome, do as the Romans do* (более поздняя – *When in Rome, do as the Pope does*) приписывается Св. Амвросию (Амвросию Медиоланскому), миланскому епископу, проповеднику и поэту [4, с. 104].

Ряд фразеологизмов с идентичным или похожим компонентным составом имеют разные, иногда противоположные значения:ср. *a bed of roses* (легкая жизнь) – **Վարդեալ անկողին** (постель из роз, т.е. плохие условия); **կանաչ վարդունակ** – «зелёный огурец» (здоровый и бодрый) – *as cool as a cucumber* (совершенно невозмутимый, спокойный, не теряющий хладнокровия). В последнем примере армянский фразеологизм относится к физическим качествам, английский – к чертам характера человека.

Также существуют фразеологизмы с компонентом «фитоним», которые употребляются только в английском или только в армянском языке, т.е. не имеют эквивалентов в другом языке. Это происходит из-за различий природной среды, этнической культуры, менталитета народа, исторических традиций: **англ. shake the pagoda tree** – быстро разбогатеть, нажиться; **be at grass** – быть без дела, без работы; **my cabbage** – дорогой, дорогая, **a heart of oak** – храбрый, мужественный человек; **арм. ծաղկի քաղել մեկի տնից** – «**у** кого-то из дома сорвать цветок» (свататься), **ցորեն լեզու** – «пшеничный язык» (язык без костей); **շաքարին ծառը կապեցեք** – «привязать сахар к дереву» (с удовольствием согласиться), **զիսին ընկույզ կտորել** – «колоть орех на голове» (доставить кому-либо неприятности); **ծառերի վրա ընել** – «спать на дереве» (о некультурном человеке); **Երբ էշը ծառը կրաքարանի** – «Когда осел поднимется на дерево» (когда рак на горе свистнет).

Появляются и новые фразеологизмы, не имеющие аналогов в других языках. Так, в 2015 г. в армянском языке закрепился фразеологизм **Խայկական անմոռուկ** – «армянская незабудка», символизирующая геноцид армян (24 апреля 1915 г.). Символ незабудки был утвержден Государственной комиссией Армении по проведению мероприятий, посвященных 100-й годовщине геноцида армян. Незабудка почти на всех языках означает ‘помнить, не

забывать'. Цвета незабудки (фиолетовый, светло-фиолетовый, желтый и черный) символизируют прошлое, настоящее и будущее, а пять лепестков – 5 континентов, на которых армянские беженцы создали свои диаспоры [22].

Исследование, проведенное О.В. Худенцовой, показало, что среди английских ФЕ с фитонимическим компонентом имеются библейские фразеологизмы. В соответствии с хронологической классификацией библейские ФЕ с компонентом-фитонимом относятся к четырем группам:

1) добиблейские ФЕ – прямые цитаты из Священного Писания, дословно переведенные на английский язык: *The tree is known by its fruit* – «дерево познается по плоду» (человек познается по своим делам);

2) собственно библейские ФЕ, возникшие в результате переосмыслиния свободных словосочетаний Библии: *olive branch* – «оливковая ветвь», *fig leaf* – «фиговый листок», *a tree of knowledge of good and evil* – «дерево познания добра и зла», *a tree of life* – «дерево жизни»;

3) постбиблейские ФЕ, возникшие на основе образов или сюжетов Священного Писания, символически обобщающие священные легенды: *to separate / to sift the grain / the wheat from chaff* – «отделять зёрна от плевел» (отделять главное, важное от второстепенного, несущественного), *forbidden fruit* – «запретный плод»;

4) окказиональные библейские ФЕ, возникшие в результате творчества писателей и поэтов, развития библейских тем в народном языке [16, с. 275–281].

Анализ языкового материала выявил в армянском языке прямые соответствия английским библеизмам, так как армяне так же, как и англичане исповедуют христианство (православие и католицизм соответственно). Библеизмы армянского и английского языков имеют, как правило, сходную структурно-грамматическую организацию и сходный компонентный состав. Так, английский добиблейский ФЕ *The tree is known by its fruit* – «Дерево познается по плодам» (человек познается по своим делам) имеет соответствующий армянский ФЕ *Ծառը պոլովի են ճանաչում* («Дерево узнается по плодам»). Однако за армянским фразеологизмом закрепилось иное значение – «Дети – зеркало семьи».

Так же, как и в английском, наиболее многочисленной в армянском языке является группа собственно библейских фразеологизмов: *թզենու տերելով* – *fig leaf* – «фиговый листок», фразеологизм, употребляемый в переносном смысле как маскировка нечестных или бесстыдных поступков; *կենաց ծառ* – *a tree of life* – «дерево жизни». В католическом христианстве дерево жизни (*tree of life*) представляет собой безупречное состояние человечества до грехопадения, в православии, в частности у армян, дерево жизни (*կենաց ծառ*) – любовь бога. В армянской мифологии Древо Жизни украшало стены крепостей и доспехи

воинов. Ветви дерева равномерно распределялись справа и слева от ствола; на каждой ветви – по одному листу, и один лист – на самой вершине дерева [22].

К постбиблейским ФЕ в английском и армянском языках относятся *forbidden fruit* – *արգելված պտղով* – «запретный плод»; *apple of knowledge*, *Եղիմական խնձոր* – «райское яблоко» (яблоко с дерева познания, т.е. причина соблазна), *կենաց ծափի խնձոր ուտել* – «съесть яблоко с дерева познания» (соблазниться).

Проведенный анализ ФЕ с компонентом-фитонимом английского и армянского языков показал антропоцентричность данных единиц. Английские и армянские ФЕ опосредованно дают характеристику моральным качествам человека, содержат мудрые наставления и советы, описывают жизненные наблюдения и, как правило, имеют оценочный характер.

ФЕ английского языка с компонентом-фитонимом связаны с земледелием, охотой, общественной жизнью, историей народа. Армянские фразеологизмы возникли на основе народных традиций, связаны с садоводством, земледелием и скотоводством. В ФЕ с компонентом-фитонимом зафиксировано, что наряду с общими для обоих народов моральными и физическими качествами (ум, трудолюбие, работоспособность, бережливость, терпение), у англичан как у традиционно много воевавшей нации высоко ценится мужество, храбрость, хладнокровие, стойкость, умение держать удар, ответственность и инициативность. Всем известна такая черта англичан, как индивидуализм.

Согласно ФЕ с компонентом-фитонимом, помимо общих с англичанами качеств армянскому народу присущи мудрость, гостеприимство, сострадание, верность традициям, привязанность к семье и детям, умеренность, целеустремленность, проницательность, умение довольствоваться малым, умение держать слово, нацеленность на результат труда, избирательность в дружбе. Общими порицаемыми качествами являются лицемерие, зависть и глупость. Англичане осуждают также неумение хранить чужие секреты, слабоволие, склонность к манипулированию окружающими людьми. У армян осуждается и порицается жадность, неблагодарность, самоуверенность, легкомыслие, мелочность, необразованность, а также прожектерство, безделье, склонность к распусканию слухов и сплетен. Не внушают уважение у армян невоспитанные и агрессивные люди.

Итак, ФЕ с компонентом-фитонимом английского и армянского языков, антропоцентричные по своей природе, обладают как рядом универсальных черт, связанных с относительной близостью грамматического строя языков, общностью религиозных и моральных устоев народов-носителей, так и этническим своеобразием семантики соответствующих единиц, обусловленным природными, историческими и культурными различиями.

Литература

1. Габбазова Р.Ф., Тагирова Ф.И. Универсальные и национально-культурные особенности фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в татарском и французском языках // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2016. № 1(89). С. 13-21.
2. Исаев Ю.Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Чебоксары, 2015. 43 с.
3. Киреева И.И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 22 с.
4. Котова Е.Г., Кузьмина Е.В. Этимологический анализ английской пословицы «When in Rome, do as the Romans do» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). Ч. 1. С. 103-105.
5. Крепкогорская Е.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-фитонимом в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 23 с.
6. Куин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 2005. 488с.
7. Пак Сон Гу. Фитонимы в русской и корейской фразеологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 12. С. 20-27.
8. Петрунина Е.А. Английские фразеологические единицы с компонентом-фитонимом // Вестник Университета Российской академии образования. 2008. № 3. С. 28-31.
9. Поломошнов Л.А. Фразеологические единицы с фитонимическим компонентом английского языка // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2016. № 2-2 (20). С. 94–101.
10. Седых А.П., Бондарева М.М. Фитонимическая фразеология и национальный дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5(83). Ч. 1. С. 155-159.
11. Сетаров Р.Д. Национальная специфика образной номинации: на материале названий растений в славянских, германских и тюркских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 19 с.
12. Синьюй Д. Фразеологизмы с компонентом «фитонимы» в русском и китайском языках: сопоставительный аспект. Молодой учёный. 2018. № 23 (209). С. 435–438.
13. Степанова И.С. Английские фразеологические единицы с флористическим компонентом: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. 24 с.

14. Телия В.Н. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/389e.html> (дата обращения 10.10.2019).
15. Хостикин Р.В. О некоторых типологических особенностях английского, армянского и русского языков. 2002. С. 184-189. URL: [http://lraber.asj-oa.am/812/1/2002-2\(184\).pdf](http://lraber.asj-oa.am/812/1/2002-2(184).pdf) (дата обращения 20.11.2019).
16. Худенцова О.В. Особенности фразеологических единиц с флористическим компонентом: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 17 с.
17. Хутова Э.Р., Даутова В.В. Пословицы и поговорки с компонентом-фитонимом в английском и русском языках. Apriori. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №3. С. 1-6. URL: <http://www.apriori-journal.ru> (дата обращения 30.11.2019).
18. Шумбасова С.С. Функционирование флористической лексики и фразеологии в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 20 с.
19. Юсупова Л.Г., Кузьмина О.Д., Кузнецова И.И. Паремиологические единицы с компонентом-фитонимом в русском, английском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 408-411.
20. Якунина Т.И. Фразеосемантическое поле «Поведение» (на материале фразеологизмов с компонентом фитонимом английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9(87). Ч. 2. С. 414-419.
21. Torkomyan H. Why Armenians Call The Watermelon “Dzemerook”. URL: <http://historyofarmenia.org/2017/05/15/1948/> (дата обращения 15.02.2020).
22. Wikipedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 02.12.2019).

Словари

23. Армянские фразеологизмы в рисунках / В.А. Саркисян; Худож. Г. Яралян. Ереван: Луйс, 1989. 206 с.
24. Кузьмин С.С. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Наука, 2006.
25. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык; Медия, 2006.
26. Русско-армянский фразеологический словарь / под ред. Р.Л. Мелкумяна и П.М. Погосяна. Ереван: ЕГУ, 1975.
27. Русско-армянский фразеологический словарь / Акопян А.Ц., Тер-Антонянц Е.Н. Ереван: Луйс, 1985.

28. Шитова Л.Ф., Брускина Т.Л. English Idioms and Phrasal Verbs / Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов. М.: Антология, 2007.
29. Dictionary of Idioms. Birmingham: University of Birmingham: HarperCollins Publishers, 1997.
30. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford: Oxford University Press, 2007.
URL: <http://english.a222.org/wp-content/uploads/2015/04/oxford-dic.pdf> (дата обращения 02.09.2019).

НОМО LOQUENS

КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР И ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЛИТЕРАТУРЕ

УДК 81'42

Бочегова Наталья Николаевна
доктор филологических наук, профессор
Курганский государственный университет
nbochegova1@yandex.ru

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ВНЕФАБУЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф. МАККОРТА «'TIS'..»

Данная статья посвящена анализу употребления внефабульных элементов в художественной литературе на примере текста романа Ф. Маккорта "Tis". Внефабульные связи являются одной из актуальных проблем современного литературоведения, однако в настоящее время классификация внефабульных элементов и особенности их представления в художественном тексте изучены недостаточно. В статье приводится краткий обзор научных работ, касающихся обозначенной проблемы, даётся определение внефабульных элементов и анализируется их использование в тексте романа Ф. Маккорта "Tis" с использованием лингвистического и литературоведческого подходов.

Ключевые слова: диалог культур, внефабульные связи, Ф. Маккорт, американская литература, русская литература, ассоциативные связи, интертекстуальные элементы.

Bochegova Natalya Nikolayevna
Dialogue of cultures and extra-fabular elements in fiction
as exemplified by F. McCourt's "Tis"

The article describes an analysis of the use of extra-fabular elements in fiction as exemplified by F. McCourt's "Tis". Non-plot-related elements are the current problem of literary studies. However, the classification of such elements and features of their presentation in fiction text are not studied sufficiently. The article gives a brief overview of scientific works related to the above mentioned problem, defines the non-plot-related elements and analyzes their usage in F. McCourt's novel "Tis" using linguistic and literary approaches.

Keywords: cultures dialogue, non-plot-related elements, F. McCourt, American Literature, Russian Literature, association links, intertextual elements.

Наше исследование находится в русле филологического подхода к анализу текста, методология которого объединяет и литературоведческий и лингвистический анализ текста. Сам термин «внефабульность» появился относительно недавно. К нему обратился Юрий Николаевич Чумаков в 1977

году. Он же кратко охарактеризовал новую категорию, подчеркнув ее фрагментарность, промежуточный характер, скрытый лиризм [4].

Внефабульные элементы – вставные эпизоды, рассказы и лирические (авторские) отступления в эпическом или драматическом произведении, не входящие в сюжетное действие, основная функция которых – расширить рамки изображаемого, дать возможность автору высказать свои мысли и чувства по поводу различных явлений жизни, напрямую не связанных с сюжетом. К внефабульным элементам чаще всего относят описания, авторские отступления, вставные эпизоды.

В русле данного направления активно изучаются вопросы рецепции, разного рода реминисценций, аллюзий, параллелей. Этими проблемами занимались под разным углом зрения И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, Т.И. Сильман, Р. Барт и др.¹

Большой вклад в разработку вопроса внефабульных связей на материале русской литературы XIX-XX веков внесла Г.М. Самойлова, защитившая докторскую диссертацию по данной проблематике. Были рассмотрены эпические произведения, в которых жёсткие фабульные конструкции дополнялись гибкими внефабульными построениями разного типа. Их количество было значительно расширено в результате тщательного анализа рассматриваемых произведений в данном аспекте.

Если фабульные связи изучались достаточно активно, то к внефабульности исследователи обращались эпизодически. Поэтому проблема систематизации внефабульных связей стояла достаточно остро. Г.М. Самойлова предложила рассматривать следующие типы внефабульных связей: «внутритекстовые, которые возникают и существуют в рамках произведения, транстекстовые, образованные перекличками между произведениями одного автора, сверхтекстовые, обращённые к внешнему миру» [2, с. 26]. Причём, сверхтекстовые связи образуют разнообразные вариации, которые ждут своих исследователей. Это не только археопоэтика (термин Е. Фарино), но и геопоэтика, астропоэтика, эгопоэтика (термины Г. Самойловой) и т.д. В реальных произведениях представлена обычно вся палитра внефабульных связей, хотя какой-то вид может доминировать.

Эти связи часто строятся как объективные ассоциации, к которым автор сознательно или бессознательно подталкивает читателя. Связи дискретны, прерывисты, в них часто смещаются акценты, незначительное становится

¹Прямо или косвенно к проблеме внефабульных связей подключались авторы, обращавшиеся к мотиву, подтексту и интертексту: Алексеев М.П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // А.С. Пушкин. Материалы и исследования. Т. IX. Л., 1979; Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики в интерпретации художественного текста. СПб, 1995; Барт Р. Избранные работы. М., 1989; Клейман Р. Сквозные мотивы творчества Достоевского. Кишинёв, 1995; Левитан Л.С., Цилевич Л.М. Основы изучения сюжета. Рига, 1990; Сильман Т. Подтекст – это глубина текста // Вопросы литературы. 1969. №1.

определяющим, а локальное обретает особые смыслы в контексте целого. (Более подробно данная проблема рассматривается в следующих монографиях Г.М. Самойловой: «Лабиринт сцеплений русского романа XIX века», «Тайны «Анны Карениной» Льва Толстого», «Типология внефабульных связей», а также в многочисленных статьях).

«Смыслопорождающая» функция внефабульных связей не может не приниматься во внимание, когда речь идёт о глубоком понимании текста и авторской позиции. Обращение к внефабульным связям в исследуемом нами произведении актуализирует диалог культур, перманентные внутренние переклички между американской и русской литературой.

По словам профессора Р. Темпеста из университета штата Иллинойс, «русские писатели, и, в особенности, Толстой и Достоевский, выполняют функции посланников доброй воли России в Америке. Писатели создают героев, которые хотя зачастую и эксцентричны, олицетворяют типы людей, которых можно встретить как в России, так и в США. Оба автора также описывают ситуации и философские позиции, которые резонируют с сегодняшними реалиями в Америке. Тем самым, русские писатели непроизвольно завлекают американского читателя больше узнать об истории и культуре России» [3, с. 1].

Примеры подобного диалога культур можно найти и у других американских писателей, например, у Э. Хемингуэя. Хотелось бы в связи с постановкой проблемы процитировать здесь несколько примеров из его автобиографического произведения «Праздник, который всегда с тобой»:

I started with Turgenev and took the two volumes of *A Sportsman's Sketches* and an early book of D.H. Lawrence, I think it was *Sons and Lovers*, and Sylvia told me to take more books if I wanted. I chose the Constance Garnett edition of *War and Peace*, and *The Gambler and Other Stories* by Dostoevsky [p. 16].

(Я начал с Тургенева и взял два тома «Записок охотника» и, если не ошибаюсь, один из ранних романов Д. Х. Лоуренса «Сыновья и любовники», но Сильвия предложила мне взять ещё несколько книг. Я выбрал издание «Война и мир» в переводе Констанс Гарнетт и Достоевского «Игрок и другие рассказы» Достоевского – *перевод Н.Б.*)

From the day I had found Sylvia Beach's library I had read all of Turgenev, what had been published in English of Gogol, the Constance Garnett translations of Tolstoy and the English translations of Chekhov...

...and at night you could live in the other wonderful world the Russian writers were giving you. At first there were the Russians; then there were all the others. But for a long time there were the Russians [p. 28].

(С тех пор, как я обнаружил библиотеку Сильвии Бич, я прочитал всего Тургенева, все вещи Гоголя, переведённые на английский, Толстого в переводе Констанс Гарнетт и английские издания Чехова.

И далее... а ночью – другой чудесный мир, который дарили тебе русские писатели. Сначала русские, а потом и все остальные. Но долгое время только русские – *перевод Н.Б.*).

Обратимся к произведению ““Tis”” («Вот так») Ф. Маккорта – американского писателя ирландского происхождения. Фрэнсис (Фрэнк) Маккорт – это современный классик ирландской и американской литературы, получивший Пулитцеровскую премию за роман «Прах Анджелы», написанный в 1996 году. Роман автобиографичен и повествует о перипетиях бедного ирландского семейства сначала в США, а затем на родине в Ирландии. Анализируемое произведение ““Tis”” является продолжением этой художественной биографии и повествует о жизни старшего из детей семейства Маккортов после его возвращения в США в возрасте 19 лет.

Это история выживания, превращения Фрэнка из нищего иммигранта с болезненной внешностью и неоконченным средним образованием в блестящего рассказчика и талантливого школьного учителя.

Примеры внефабульных связей, которые находятся в зоне нашего внимания – это ссылки на произведения русских писателей. Тема России никак не затронута в романе (за исключением, может быть, того факта, что во время службы в Германии его собаку звали Иван), поэтому появление ссылок на русскую литературу носит внефабульный характер и привлекает внимание своей неожиданностью.

Рассмотрим данные примеры:

Another orderly pushed a book cart into the ward and I have a feast of reading. Now I can finish the book I started coming from Ireland on the ship. Dostoyevsky's Crime and Punishment. I'd rather read F. Scott Fitzgerald or P. G. Wodehouse [woodhouse] but Dostoyevsky is hanging over me with his story of Raskolnikov and the old woman. It makes me feel guilty all over again after the way I stole money from Mrs. Finucane in Limerick when she was dead in the chair and I wonder if I should ask for an army chaplain and confess my awful crime [p. 125].

(Второй санитар закатил тележку с книгами в палату, и у меня начался пир чтения. Теперь я могу дочитать книгу, которую начал читать ещё на пароходе, отправившись из Ирландии. Это «Преступление и наказание» Достоевского. Я бы предпочел почтить Ф. Скотта Фитцджеральда или П.Г. Вудхауса, но я не могу оторваться от Достоевского, от его истории о Раскольникове и старухе-процентщице. Это снова и снова заставляет меня испытывать чувство вины из-за того, что я украл деньги у миссис Финнукейн в Лимерике, когда обнаружил её мёртвой в кресле, и я начинаю подумывать, не вызвать ли мне полкового священника и не исповедоваться ли в своем ужасном преступлении).

Внефабульные связи здесь представлены интертекстуальными элементами – фамилией русского писателя – Достоевского и упоминанием его романа

«Преступление и наказание». Герой романа – Фрэнк Маккорт ещё не получил филологического образования, не стал учителем-словесником, о чём мы узнаем позднее, но произведения Достоевского вносят значительный вклад в формирование его личности, мировоззрения, и наряду с другими произведениями мировой литературы определяют его дальнейшую судьбу преподавателя литературы и писателя.

Диалог текстов идёт в «большом времени», используя термин Бахтина (русский писатель XIX века и иммигрантский дискурс современной американской литературы).

Здесь будет уместно также привести высказывание преподавателя русской литературы одного из американских университетов, в котором он объясняет высокую популярность произведений русских классиков, и особенно Достоевского, среди американской студенческой молодёжи. «Великие философские и метафизические вопросы, которые задают герои русской литературы, зачастую напоминают студентам о собственных переживаниях. «Преступление и наказание», например, ассоциируется с жизнью некоторых студентов из неблагополучных семей, отмечает профессор Кнапп. «Я, конечно, не говорю про убийства, – поясняет он далее, – но эпизоды, схожие с семейной жизнью Мармеладова или сон Раскольникова о страдающей лошади, которой он не может помочь, подталкивают студентов задуматься о более широких вопросах гуманности».

Рассмотрим ещё один пример из романа:

People sitting at tables by the window look like poets and artists and they're probably wondering why I'm sitting at the bar with trousers caked with beef blood. I wish I could sit there by the window with a long-haired girl and tell her how I've read Dostoyevsky and how Herman Melville got me thrown out of the hospital in Munich [p. 191].

(Люди, сидящие за столиками у окна, похожи на поэтов и художников, и они, вероятно, задаются вопросом, почему я сижу в баре в брюках, на которых запеклась говяжья кровь. А мне хотелось бы тоже сидеть у окна рядом с девушкой с распущенными волосами и рассказывать ей, что я читал Достоевского и что из-за Германа Мелвилла меня выгнали из больницы в Мюнхене).

В данном контексте Достоевский становится знаком неординарности героя, его высокого интеллектуального статуса и тем признаком, который может придать ему вес и уважение в глазах воображаемой девушки.

Дальнейшее повествование также представляет собой лабиринт интертекстуальности:

I'm weary of knockwurst and liverwurst and the feel of frozen meat on my shoulders every day. I push the knockwurst away and leave a half stein of beer and walk out the door, across Hudson Street, along Bleecker Street, not knowing where

I'm going, and here I am in Washington Square and there's New York University and I know that's where I have to go with my GI Bill, high school or no high school.

But I read books. I've read Dostoyevsky and I've read Pierre, [Pee-air] or The Ambiguities. It's not as good as Moby Dick but I read it in a hospital in Munich [p. 192].

(Я устал от сарделек и пирожков с ливером и от ощущения мороженного мяса на плечах каждый день. Я отложил эту сардельку, и недопитые полкружки пива и вышел из бара. Перешёл на другую сторону Хадсон-стрит, пошёл вдоль Блеккер-стрит, не зная сам, куда иду, и вот я уже на площади Вашингтона, где находится Нью-Йоркский университет, и я понял, что я должен пойти туда со своим армейским сертификатом, независимо от того, окончил я среднюю школу или нет...

Но я читаю книги. Я читал Достоевского и Пьера, или Двусмысленности. Он не так хорош, как Моби Дик, но я читал его в больнице в Мюнхене).

То, что Маккорт читал произведения Достоевского и Мелвила, становится тем фактором, из-за которого его принимают в университет без аттестата о школьном образовании.

Далее в контексте произведения следует ещё одно упоминание о Достоевском.

Данные примеры ещё раз иллюстрируют утверждение М.М. Бахтина о том, что диалогичность присутствует на всех уровнях: от диалога в слове до диалога между культурами разных эпох и наций [1, с. 369].

Внефабульные сверхтекстовые связи, побуждающие читателя к активации ассоциативных связей с русской литературой представлены здесь в виде интертекстуальных включений – аллюзий. Они также являются механизмом межкультурной коммуникации – диалога текстов, принадлежащих к разным культурам в «большом времени».

Интерпретация внефабульных связей важна для осознания читателем концептуального пространства текста, глубина которого зависит, в том числе, и от активности воспринимающего субъекта. Анализ внефабульных связей с русской литературой в произведениях американских авторов может быть продолжен и ждёт своего исследователя.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Под ред. П. Е. Бухаркина. СПб.: СПбГУ, 1999. 444 с.
2. Самойлова Г.М. Внефабульные связи как структурообразующее начало в русском романе второй половины XIX века: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Н. Новгород, 2000.

3. Марат Э. Русская литература глазами американских читателей. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/russian-literature-2009-11-12-69892422/662980.html> (дата обращения: 24.07.2020)
4. Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина: Сб. статей / Ред. М.Н. Виролайнен. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999. 432 с.

Дашевская Анастасия Иосифовна
кандидат филологических наук, доцент
Институт иностранных языков, Санкт-Петербург
arago@yandex.ru

FANFICTION КАК СИНТЕТИЧЕСКИЙ ЖАНР: ЕГО ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Жанр фанатской литературы (*fanfiction*) существует приблизительно с середины 1960-х годов, но свое основное развитие он получил в эпоху интернета и в настоящее время является важной составляющей образа жизни молодежной аудитории в разных странах мира. В данной статье рассматриваются истоки и предпосылки возникновения жанра *fanfiction*, современное состояние жанра, внешние и внутренние интертекстуальные связи. Отражена дискуссия о возможности выделения *fanfiction* в качестве самостоятельного жанра. Статья рассказывает о роли *fanfiction* в жизни его авторов, динамике изменений внутри жанра, а также об источниках материала для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: жанр, текст, концепт, репрезентация, история текстов, языковая картина мира.

Dashevskaya Anastasia Iosifovna
Fanfiction as a synthetic genre: its peculiarities and role in the modern society

The genre of fanfiction has been around since mid-1960s, but it has flourished in the Internet era, and it is now an important part of many young people's lifestyle all over the world. The article looks into the sources of fanfiction, driving forces for its emergence, intertextual links, and discusses its legitimacy as a genre in its full right. There is also a description of the genre's place among the new media, of the role it plays in the lives of fic-writers, and of the present-day dynamics within the genre. The article also discusses some implication for the genre's development in the future.

Keywords: genre, text, concept, representation, history of texts, linguistic world view.

За последние 20 лет жанр фанатской литературы (*fanfiction*, фанфикшн) приобрел большую популярность. Это относительно новое и стремительно развивающееся явление в литературе и лингвистике, которое занимает все большее место в жизни людей самых разных возрастов в самых разных странах. Хотя до сих пор ведутся дискуссии о том, правомерно ли выделять *fanfiction* в отдельный жанр, многие исследователи сходятся во мнениях, говоря, что это – самостоятельное и самобытное явление, изучение которого представляет несомненный интерес прежде всего с точки зрения формирования и развития современной языковой картины мира.

Алан Кирби (*Alan Kirby*) в своей книге *Digimodernism* описывает новую культурную парадигму, пришедшую во второй половине 1990-х годов на смену

постмодернизму – диджимодернизм, или цифровой модернизм [5]. Он явился прямым следствием компьютеризации текста и развития нового вида текстуальности, для которой характерно, в том числе, анонимное или коллективное авторство. В своей статье, развивающей положения А. Кирби, И. Нечаев пишет о том, что диджимодернизм вызвал кардинальные изменения в культуре в традиционном ее представлении, создавая новые взаимоотношения в том числе и в сфере текстов [3, стр. 5]. Нам представляется, что культурное и социальное явление, которое представляет собой фанфикшн, полностью вписывается в эту культурную парадигму.

Обобщая различные определения, можно сказать, что *fanfiction* представляет собой процесс и результат переработки образов и персонажей, созданных другими авторами. Насчет истоков жанра *fanfiction* существует множество мнений, поэтому датировать его возникновение довольно сложно. Поскольку фанфик – это пересказ и развитие предшествовавшего ему текста, а такое обращение с текстами уходит корнями глубоко в историю, можно предположить, что *fanfiction* в той или иной форме сопровождает жизнь общества на протяжении многих веков. Большинство средневековых текстов – это пересказ сюжетов, существовавших ранее (напр., «Роман о Розе»). Тем не менее, как представляется, современный фанфикшн по своим прагматическим задачам отличается от сходных явлений, имевших место в Средневековье или в начале 20 века.

Согласно мнению исследователей, одними из первых текстов в жанре фанфикшн в той форме, в какой мы его знаем сегодня, можно считать продолжения текстов Джейн Остин (общество *Janeites* и продолжения романов Остин, написанные поклонниками *Old Friends and Fancies – an Imaginary Sequel to the Novels of Jane Austen* (by Sybil Brinton, опубликован в 1913) [6]. Однако параллель эта тоже в известной степени условна. Нынешние тексты жанра фанфикшн, которых, вероятно, насчитываются миллионы, существуют в более удобном формате и близком доступе для читателя, чем тексты из вышеуказанного примера. Современные фанфики – тексты самого разного объема, от двух-трех страниц (драббл) до нескольких сотен – размещены на общедоступных сайтах (например, русскоязычный сайт *ficbook.com* или англоязычный сайт *fluky.gossamer.org*).

Современный фанфик – это продолжение и/или развитие сюжетов и персонажей, которые изначально появились в текстах самых различных типов; чаще всего это книги, игровые фильмы, анимационные фильмы и телесериалы. По опыту изучения сообщества *ficbook* и личного общения как с фикрайтерами (авторами текстов), так и с читателями, очевидно, что к определенным фандомам (сообществам вокруг определенного произведения) принадлежат чаще всего люди определенных возрастных и социальных групп. Часто это люди, которым на момент выхода фильма/книги и пика их популярности было

приблизительно от 10 до 25 лет. Возможно, такую тенденцию можно объяснить более высокой эмоциональной «включенностью» зрителей, читателей и писателей этой возрастной группы. Например, тем, кто принадлежит к фандому сериала «Секретные материалы» (*X-Files*, выходил с 1993 по 2018 год), сейчас приблизительно от 30 до 48 лет. Большинству из тех, кто читает и пишет в фандоме анимационного фильма «Как приручить дракона» (*How to Train Your Dragon* и сопутствующей франшизы, 2010-2019), примерно 14-30 лет. Соответствующим образом различается и качество текстов. Многие тексты, созданные авторами более старшего возраста, отличаются грамотностью, продуманной структурой, сложными интертекстуальными связями и часто имеют сноски с лингвострановедческим комментарием. Напротив, многие тексты «младших» фандомов более эмоциональны, но при этом качество языка и текста в целом может быть ниже.

Фанфикшн и интертекст

Фанфикшн – особый тип текста, который не имеет единоличного авторства. Аллан Кирби утверждает, что текст эпохи цифрового модернизма (диджимодернизма) очень часто создается при участии читателя, зрителя или потребителя текста в иной форме [5, стр. 50]. Некоторые авторы фанфиков пишут свои тексты по заявке: читатели фандома могут оставлять на сайте свои предложения по сюжетам новых произведений, и авторы нередко заходят в отдел заявок (особенно если у них самих закончились творческие идеи), чтобы почерпнуть там источник вдохновения. Автор заявки обычно указан после заглавия текста. Кроме того, авторы очень внимательно относятся к отзывам, которые сопровождают каждую главу текста. Иногда автор может прислушаться к пожеланиям читателей и учесть их идеи в последующих главах. Таким образом, связь между авторами и читателями жанра фанфикшн гораздо прочнее, чем связь между писателями и читателями традиционных книг.

Фанфик основан на прецедентном тексте, а чаще – на нескольких таких текстах. Многие авторы экспериментируют, создавая сочетания сюжетов и миров нескольких фандомов одновременно; такое сочетание называется кроссовером (crossover – пересечение). Например, популярны кроссоверы мира «Гарри Поттера» с мирами других фандомов; вполне можно представить себе сюжет, когда профессор Снейп («Гарри Поттер») прибывает на аукцион, чтобы купить себе дракона (*Race to the Edge* – «Гонки по краю»). В качестве отправной точки для фанфика часто используются фразы или фрагменты из реальных эпизодов книги или фильма. Например, один текст, продолжающий сюжетную линию эпизода *Orison* сериала *X-Files*, начинается с завершающих фраз, сказанных персонажами в этом эпизоде: *Bible allows for vengeance / But law doesn't* [1]. Даже в заглавиях фанфиков могут использоваться цитаты из других текстов, порой относящихся к другому фандому, или позаимствованные из самых разных художественных произведений. Например, один текст по *X-*

Files называется «Устав бюро, или Шалость удалась» (вторая половина фразы – цитата из «Гарри Поттера»). Один из текстов драматического характера по вселенной *How to Train Your Dragon* называется «Дневник его жены» (название фильма Алексея Учителя, 2000) [2]. Название текста *Fathoms Five* [4], также имеющего драматический характер, является прямой ссылкой к драме У. Шекспира «Буря» и строке *Full fathom five*, описывающей нечто, находящееся на глубине пяти саженей, то есть настолько глубоко, что утеряно безвозвратно.

Иногда происходит так, что тексты жанра фанфикшн прямо или косвенно влияют на дальнейшее развитие сюжетов и характеров крупных сериалов. Между вторым и третьим сезонами сериала BBC *Sherlock* («Шерлок») прошло почти три года. Второй сезон завершился драматичным эпизодом *Reichenbach Fall* («Рейхенбахский водопад»), и поклонники сериала пустили в ход всю мощь своей фантазии, чтобы объяснить, как удалось выжить главному герою; за эти три года были написаны сотни фанфиков, в которых авторы предлагали свои версии того, как Шерлок выжил, спрыгнув с крыши больницы Св.Варфоломея. Согласно распространенному мнению, многие сюжетные линии 3 сезона были вдохновлены фанфиками или напрямую позаимствованы из них.

Фанфикшн и современная реальность

Причин популярности фанфикшн много; назовем лишь некоторые из них:

- Доступная возможность для самовыражения;
- Возможность «продлить жизнь» любимым героям или изменить их дальнейшую жизнь согласно собственным представлениям;
- Стремление быть частью группы единомышленников, чувствовать себя причастным к созданию текста.

В рамках настоящего исследования был проведен опрос небольшой группы респондентов (50 человек в возрасте от 14 до 48 лет) с целью выявить степень их осведомленности о жанре фанфикшн. В результате выяснилось, что пишут фанфики 4,5% опрошенных, только читают 20,5%, слышали о данном явлении, но не интересуются им 52,3%, и никогда раньше не слышали о нем 22,7% респондентов. На основании полученных данных можно сделать общее заключение о том, что большинство респондентов обладают хотя бы минимальной информации о жанре фанфикшн. Результаты этого небольшого исследования нельзя считать строго репрезентативными; при оценке количества авторов и читателей на сайте *ficbook*, а также при анализе тематических групп в социальных сетях можно сделать вывод о том, что фанфикшн – важная составляющая повседневной жизни значительного количества молодежи в возрасте 15-35 лет.

Фанфикшн – крупное и многогранное явление; его невозможно подробно проанализировать в рамках небольшой статьи. Опыт довольно длительного его изучения показывает, что количество людей, стремящихся попробовать себя в

роли авторов-волонтеров (фанфикшн не предполагает извлечение прибыли), неуклонно растет; растет и число их читателей. Поэтому, как нам кажется, этот жанр представляет собой очень интересную и богатую сферу для дальнейших исследований.

Литература

1. Двоев в темноте. URL: https://ficbook.net/readfic/5825993/14969801#part_content
2. Дневник его жены. URL: https://ficbook.net/readfic/8357899/21843068?status=1&show_comments=1&rnd=0.6271597057716707#com76509336
3. Нечаев И. Диджимодернизм в культурном ландшафте постмодернизма (концепция А. Кирби) // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 124. М: «Социум», 2010. URL: file:///C:/Users/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%81%D0%B8%D1%8F/Downloads/Nechaev_Digimodernism.pdf.pdf
4. Fathoms Five. URL: <https://penumbra23.livejournal.com/13920.html>
5. Kirby A. Digimodernism. Continuum, New York/London, 2009. 282 p.
6. Morrison E. In the beginning, there was fan fiction: from the four Gospels to Fifty Shades. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/aug/13/fan-fiction-fifty-shades-grey>
7. www.ficbook.net
8. <http://fluky.gossamer.org>

УДК 81

Капилупи Стефано Мария,

кандидат философских наук, PhD по филологии,

Русская христианская гуманитарная академия,

Санкт-Петербургский политехнический университет,

Римский университет Ла Сapiенца

s_capilupi@yahoo.it

Обухович Ольга,

студентка 2 курса магистратуры,

Римский университет Ла Сapiенца (Рим, Италия)

РАЗВИТИЕ РОМАНА В РОССИИ И ИТАЛИИ В XIX В.: НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. МАНДЗОНИ, А.С. ПУШКИНА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В XIX в. европейский роман прошёл определённый эволюционный путь, отмеченный тремя ключевыми узлами: «историческим» романом, романтическим романом и романом «реалистическим». В статье этот путь рассматривается на примере работ А. С. Пушкина, А. Мандзони и Ф. М. Достоевского: особое внимание при этом уделяется рецепции творчества упомянутых русских писателей в Италии и итальянского романиста в России. Следует отметить, что влияние романа Мандзони «Обручённые» на творчество Пушкина было установлено не только итальянскими, но и русскими литературоведами, однако мы выдвигаем теорию, что этот роман также мог читать и Достоевский; этот факт, как нам кажется, позволяет по-новому посмотреть на творчество этого русского писателя, а также на логику развития русского романа в целом.

Ключевые слова: исторический роман, романтизм, реализм, Мандзони, Пушкин, Достоевский, сравнительное литературоведение.

***Stefano Maria Capilupi,
Olga Obukhovich***

*The evolution of the novel in Russia and Italy in the 19th century:
A case study of Manzoni's, Pushkin's, and Dostoevsky's works*

In the 19th century, the European novel underwent a certain evolution that was marked by three key stages: the “historical” novel, the romantic novel, and the “realistic” one. This article throws light on this path examining a number of works by Pushkin, Manzoni, and Dostoevsky, with particular attention paid to the reception of the Russian novels under study in Italy and the Italian novels in Russia. It is worth noting that the influence of Manzoni's novel *The Betrothed* on Pushkin's work was noted not only by Italian literary critics, but also by Russian ones. In this paper we propose the theory that Dostoevsky would also have read this novel; this fact could allow us to take a fresh look at works of the Russian novelist, as well as at the logic of the development of the Russian novel as a whole.

Keywords: historical novel, romanticism, realism, Manzoni, Pushkin, Dostoevsky, comparative literature.

Насыщенный судьбоносными событиями XVIII век повлиял не только на ход истории всех Европейских держав, но и на восприятие его человеком и определение себя в историческом контексте. Колossalный исторический опыт, который принесли с собой Французская революция и военная кампания Наполеона, коснулись каждого человека. Именно изменение во взглядах общественности на исторический процесс и себя в нем положило начало развитию нового жанра в литературе, мировым основоположником которого по праву считается Вальтер Скотт.

Шотландский автор обращает внимание на то, что главное – это изображение истории в движении, а не стремление в точности описать быт и нравы ушедшей эпохи. В предисловии к роману «Айвенго» В. Скотт отмечал, что для описания исторического прошлого вовсе не следует пользоваться архаизированным языком или делать более примитивными человеческие чувства. Он подчеркивал, что не следует перегружать романы историей. Шотландский писатель создал жанр исторического романа Нового Времени, «до него не существующий», – писал В. Г. Белинский.

XVIII век, с его войнами, революциями и кровопролитием, сделал человека более восприимчивым к проблеме своего места в истории. Это также отражается в рождении философии истории, взявшей начало в трудах итальянского мыслителя Джамбаттиста Вико (1668-1744). В своем труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) он заложил методологию философии истории. Взяв за основу древнеегипетскую истину, изложенную Геродотом, он описывает суть концепции исторического круговорота, по которому любая нация проходит три этапа в своем историческом развитии: Век Богов, Век Героев и Век Людей [4, с. 637]. По мнению Вико, история – это процесс развития самосознания целого народа, а не отдельных выдающихся личностей.

Эти изменения обусловили появление нового жанра в литературе, где наравне с событиями мирового масштаба перед читателем разворачивается жизненный путь простых героев из народа.

Зачатки нового литературного жанра можно увидеть ещё в европейской античности. В трудах, посвященных македонскому царю Филиппу II и походам Александра Великого [36], история присутствует в полной мере, однако это обусловлено в первую очередь желанием автора завладеть доверием читателя и превознести личность героя.

Мастерство Вальтера Скотта заключалось в способности определения и представления прошлого как предыстории настоящего. Произошедшие события

оказывались живо вплетены в прочное полотно настоящего. В произведениях шотландского автора появляется историческое мышление, которое также обуславливает влияние особенностей исторической эпохи на характеры персонажей.

Главным признаком классического исторического романа Н.Д. Тамарченко считает «сочетание авантюренности и историзма». Это соединение он называет каноном жанра, по которому определяются особенности жанровой структуры [31, с. 45]:

- типические композиционно-речевые формы (исторический комментарий и др.) и организация их в единую систему.
- повторяющаяся последовательность событий и ситуаций, связанная с особыми пространственно-временными условиями.
- характерная система персонажей и особое место в ней фигуры главного героя.

Исторический романист «проделывает трудную работу – онаучивание художественных рефлексов» – писал Алексей Толстой в размышлениях «О литературе» [32, с. 202].

Первые шаги к появлению исторического романа в Италии делает Alessandro Verri, обращаясь к античной истории. Большой успех имело его сочинение «Римские ночи у гробницы Сципионов» (1792–1804), где автор общается с тенями великих людей прошлого, вспоминая важнейшие страницы истории Рима.

Следующим автором, приблизившим появление нового жанра, стал Винченцо Куоко. Он пишет «Путешествие Платона в Италию» (1804–1806), где он изобразил свою страну накануне утраты независимости населявших её племен. Глубокое понимание национальных проблем современной Италии и обращение к прошлому делают это произведение важным памятником раннего Рисорджименто.

Одно из первых высказываний об особенностях нового жанра принадлежит итальянскому писателю Уго Фосколо (1778–1827). В 1803 году он пишет:

«Романист изображает обычаи, мнения и, так сказать, поступки и лики людей там, где историк никогда не может их видеть; вообще, история изображает государства и их формы, романист же изображает семьи и слушающееся с ними; история анализирует ум тех немногих, которые правят; романист анализирует сердца многих, которые подчиняются...» [7, с. 288].

Вдохновленный книгой И.В. Гёте «Страдания юного Вертера» Фосколо пишет в эпистолярном жанре «Последние письма Якопо Ортиса», которые станут первым романом в итальянской литературе.

В России почвой для появления нового жанра стала историческая повесть, более скромная по объему и сюжетным поворотам. Лучшими её примерами по праву считаются «Наталья – боярская дочь» (1792) и «Марфа Посадница» (1803), оба произведения Н.М. Карамзина. Историк, ввиду своих политических убеждений, проявляет мягкость и беспристрастность в описании событий прошлого.

К.Н. Батюшков, под влиянием Карамзина, пишет повесть «Предслава и Добрыня» (1810), посвященную трагической любви главных героев. Однако и здесь история является лишь внешним приемом. «...Повесть не летопись. Здесь вымысел позволен», – признается сам автор, ощущая некую неопределенность жанра.

Следующий этап в развитии исторической повести связан с именем декабриста А.О. Корниловича (1800–1834). В 1828 году он пишет рассказ «Утро вечера мудренее», где подробно описывает убранство дома князя Ромадановского, а также обращает внимание на детали свадебных нарядов и пира того времени. По мнению литературоведа-пушкиниста М. Альтшуллера, именно Корниловичем был сделан первый шаг к историческому роману валтерскоттовского типа, где вымысел сочетается с правдой.

Первым русским историческим романом считается «Юрий Милославский» М.Н. Загоскина (1829), а уже в 1836-м пушкинская «Капитанская дочка» обозначит вершину отечественного варианта жанра. Е.Н. Пенская называет время с 1829 по 1836 год «замечательным семилетием» [23], ставшим одним из наиболее продуктивных в истории русской культуры XIX века.

Ту же роль, которую сыграла «Капитанская дочка» Пушкина в русской литературе, сыграет в Италии исторический роман «Обрученные» Алессандро Мандзони.

В руках Евгения Онегина, когда он предается размышлению, в числе прочих оказывается книга знаменитого итальянца. Как отмечает Фиорнандо Габбриелли, автор недавнего перевода «Евгения Онегина» [44, с. 192], в библиотеке у Пушкина была книга «Обрученные» на итальянском и французском. В VIII главе поэмы русский автор пишет о своем герое:

«Стал вновь читать он без разбора.
Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора».

Александр Сергеевич Пушкин, как предполагает И. П. Володина, впервые познакомился с романом «Обрученные» на французском языке. Русскому писателю также была близка тема истории в литературном контексте. К моменту выхода книги итальянского автора в 1827 году А.С. Пушкин уже создал первые произведения в историческом жанре («Южные поэмы», «Полтава»), однако первый свой исторический роман он напишет лишь в 1835

году. И Пушкин, и Мандзони стремились создать в своих произведениях тонкое полотно, сотканное из Истории и придуманных сюжетов, верных по своей внутренней структуре выбранному историческому контексту.

На переклички пушкинской «Капитанской дочки» и «Обреченные» А. Мандзони одним из первых обратил внимание Н. П. Прожогин. Схожая оценка фигуры Наполеона, реакция обоих поэтов на его смерть (А. Мандзони *“Cinque maggio”* («Пятое мая»), А. С. Пушкин «Наполеон»), обращение к историческому прошлому своего народа, – всё это побудило исследователя искать параллели также в контекстах их главных романов.

Одним из самых важных сходств в композиционном оформлении романов Александро Мандзони и А.С. Пушкина является способ подачи материала. Оба автора обращаются к рукописям, случайно попавшим в их руки.

В обоих романах важную роль также играет симметрия. Ю. М. Лотман так пишет о композиционном оформлении произведения «Капитанская дочка»: «Композиция романа построена исключительно симметрично. Сначала Маша оказывается в беде – суровые законы крестьянской революции губят ее семью и угрожают ее счастью. Гринев отправляется к крестьянскому царю и спасает свою невесту. Затем Гринев оказывается в беде, причина которой, на сей раз, кроется в законах дворянской государственности. Маша отправляется к дворянской царице и спасает жизнь своего жениха» [14].

У А.С. Пушкина симметрия становится не только внешним композиционными приемом. С ее помощью русский писатель сопоставляет реальных исторических личностей романа: образ Екатерины II и Емельяна Пугачева. Симметрия также обнаруживается в композиционном построении произведения Александро Мандзони.

Роман «Обреченные» можно разделить на несколько частей:

Первое ядро (главы I-IX) – начало повествования, неудавшаяся помолвка главных героев, их бегство из родной деревни

Первое отступление (главы IX-X) – история монахини Гертруды

Второе ядро (главы XI-XVII) – Ренцо в Милане

Второе отступление (главы XVIII-XIX) – планы по похищению Лючии и появление Безымянного

Третье ядро (главы XX-XXVII) – похищение главной геройни, встреча с Бео страшным Безымянным и обращение его к христианскому пути Безымянного через встречу с Борромео

Третье отступление (главы XXVIII-XXXII) – описание голода и чумы

Четвертое ядро (главы XXXIII-XXXVIII) – воссоединение главных героев и эпилог.

В композиционном оформлении романа А. Мандзони мы видим симметричное расположение основных сюжетных линий романа. В первом и

последнем смысловом ядре произведения присутствуют оба главных героя, в то время как во второй и третьей части они оказываются разлучены.

Главы «Капитанской дочки» также можно разделить на несколько смысловых частей:

I-II главы – Детство Гринева и начало его путешествия. Появление Емельяна Пугачева

III-V главы – Жизнь Гринева в крепости. Знакомство с семейством Мироновых. Объяснение в любви с Машей.

VI глава «Пугачевщина» – Описание начала крестьянского бунта. Эта глава является «водоразделом» в цепи личной истории Гринева.

VII-IX главы – Ожидание нападения Пугачева. Взятие крепости. Разлука Гринева с Машей.

X-XIII главы – Жизнь Гринева в Петербурге. Спасение Маши Мироновой. Арест главного героя.

XIV глава – Суд над Гриневым и встреча Маши с Императрицей.

В расположении смысловых частей повести прослеживается симметрическая организация. Как и у итальянского писателя, в первой главе главный герой покидает отчий дом, чтобы, пройдя все испытания, вернуться туда с невестой в finale романа.

А. Мандзони, как и многие его современники, считал, что именно на литературу возложена роль воспитания народного самосознания и каждого человека, а на это способна только литература правдивая. Итальянский автор дает своему читателю уникальную возможность при желании смело пропускать все «исторические» главы романа без ущерба для сюжетной линии героев, однако вряд ли кто-то действительно последовал смелому предложению автора. По словам Джованни Негри, для тех, кто научится читать историю, как делал это Мандзони, она станет «поэтичнее самой поэзии» [1].

Творчество А. Мандзони, в особенности его роман «Обрученные», сразу же было высоко оценено современниками, европейскими писателями и деятелями культуры того времени (В. Скотт, Дж. У. Гете, С. Сисмонди). Когда известность Мандзони достигла России, многие писатели, такие как И. И. Козлов, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский [24, с. 371-372], посещая Италию, стремились познакомиться с ломбардской романтикой и лично засвидетельствовать свое восхищение итальянскому романисту. По словам Вяземского, Мандзони «держал в руках умы поколения». Очень высокую оценку, по словам П.И. Бартенева, также давал Мандзони А. С. Пушкин, который «хотя и весьма уважал Вальтера Скотта, но ставил «Обрученных» выше всех его произведений» [3]. Следует признать, что слава Мандзони даже предшествовала появлению переводов его произведений на русский язык. Первым языком общения русского народа с романом стал французский.

В Италии, как известно, «Фермо и Лючия» выходили отдельными выпусками в 1825–1827 годах. Ключевую роль в судьбе этого произведения в России сыграли литературные журналы. Еще в 1827 году в «Московском вестнике» выходит перевод отрывка романа Мандзони авторства С. П. Шевырева, который включал одну из первых сцен встречи дона Аббондио с двумя брави. В том же издании была рецензия на роман, впервые опубликованный в *“Journal des Débates”* [19, с. 178-182, 219-227]. Первое французское издание было опубликовано в 1828 году, а две рецензии появились в русском журнале «Сын отечества» [29, с. 314-316; 30, с. 274-278].

В скобках отметим, что современная транскрипция фамилии итальянского писателя – Мандзони. Более ранняя транскрипция и она же, на наш взгляд, более правильная – Мандзони. Во всех цитатах сохраняется оригинальная орфография.

После того как П. А. Вяземский лично трижды встретился с Мандзони во время своих визитов в Италию, он опубликовал довольно подробный обзор «Обрученных» в журнале «Старая записная книжка» [9, с. 32-34]. А. С. Пушкин успел познакомиться с романом до 1829 года (согласно мемуарам А. Керна), вероятно, на языке оригинала или в одном из двух французских переводов [11, с. 87]. Многие исследователи подчеркивают сходство убеждений Мандзони и Пушкина о жанре драмы. В частности, оба автора заявили о своей верности классическому правилу единства места и времени действия в пьесе. Подобное совпадение взглядов на законы драмы, конечно, можно отнести к общим тенденциям времени, но наличие некоторых сюжетных параллелей между «Обрученными» и «Капитанской дочкой» указывает на возможное влияние работы Мандзони на Пушкина. Сам А. С. Пушкин выражал огромное восхищение двумя великими авторами европейского исторического романа: Вальтером Скоттом и Алессандро Мандзони [33, с. 25-251]. Однако сюжет романа Пушкина мог развиваться и в полной независимости от знакомства русского автора с романом Мандзони, поскольку тематическая линия восходит к В. Скотту.

Еще до выхода русскоязычного издания «Обрученных» русской публике был известен перевод И.И. Козлова хора «Умирающая Эрменгарда» [13], фрагмента трагедии «Адельгиз», который был фактически первым опубликованным переводом поэзии Мандзони в России. Стихотворение «Пятое мая» 1821 г., переведенное Ф. Тютчевым в начале 1920-х гг., было опубликовано только в 1885 году [6, с. 200]. Перевод Н. Павлищева (мужа сестры А.С. Пушкина) введения к роману был опубликован в «Литературной газете» в 1831 г. Предполагался полный перевод десятого итальянского издания романа, но, видимо, эта работа осталась незаконченной и так и не увидела свет. В отдельном издании первая часть «Обрученных» была опубликована в Москве в 1833 году в переводе с французского. Перевод той же первой части, но с

оригинала, был выполнен В.С. Межевичем и опубликован в 1840 г. с введением Мандзони. Полная версия романа была опубликована в Москве только в 1854 году, когда сам Мандзони уже навсегда оставил литературную деятельность. Отзывы о качестве вышеупомянутых переводов были нелестными: «Изящные произведения должно переводить изящным слогом», – написал один рецензент, жалуясь, что язык романа не соответствует блестящему оригиналу [22, с. 53]. Московский критик в журнале «Современник» [28, с. 1-9] также подчеркнул отсутствие перевода в отношении «превосходного языка оригинала». В 1884 г. вышел второй перевод «Обрученных» на русский язык (переводчик под псевдонимом «М.Ч.» неизвестен). В советское время роман был переведен еще трижды [7, с. 45].

Что же увидели современники в романе «Обрученные», благодаря каким художественным открытиям итальянский писатель завоевал успех у публики? Европейская оценка, отраженная в первых отзывах на роман «Обрученные», как мы уже отмечали ранее, поставила автору в заслугу введение в качестве главных героев действия крестьян, простых людей. Это соответствовало конкретному запросу эпохи и отвечало новому витку развития литературы: в качестве основы общества воспринималось именно крестьянство, поскольку на его труде зиждилось благополучие других сословий. Представляя крестьян носителями высоких нравственных ценностей, Мандзони тем самым указывал на благонравную почву человеческого общества, его естественную добродетельную природу [2, с. 165].

Российская публика заметила и оценила, что у Мандзони впервые персонажи из крестьянского мира стали нравственным центром литературного произведения [27, с. 71].

В целом российская оценка романа была очень схожа с высокими европейскими отзывами. Рецензия в «Литературной газете» (№ 7, 1830), вероятно, принадлежащая руке О.М. Сомова [5, с. 395], дала, как отмечает Н.П. Прожогин, «наглядное представление о том, что именно ценилось, а что деликатно не принималось друзьями и единомышленниками Пушкина в произведении автора итальянского исторического романа» [24, с. 364]. Взгляды литературных критиков и передовых кругов российского общества во многом совпали с тем, что нашли в «Обрученных» европейские писатели: романтическое произведение, в котором затрагивалась такая жизненно важная для России тема, как «стради народные в борьбе с чужевластием», и это, безусловно, привлекало читателей своей живостью, подробностями описания итальянских манер и исторической эпохи.

Демократический дух и патриотическая направленность творчества Мандзони сделали автора особенно интересным для интеллигенции эпохи. В 1940-х годах, подтверждая этот огромный интерес общественности, имя Алессандро Мандзони часто упоминалось в русских журналах, где были вновь

опубликованы некоторые отрывки из «Обрученных» [18], а также переведена на русский трагедия «Граф Карманьола» (П. Пятериков) [16]; всё в той же «Литературной газете» выходит фрагмент эссе «История позорного столба», в переводе М. Лихотина [17]. После смерти итальянского писателя в 1873 году два российских журнала опубликовали его некрологи [8, с. 603].

Примерно за год до этого печального события в журнале «Беседа» появилась новая рецензия на роман Софии Никитенко, дочери петербургского историка литературы А. В. Никитенко [21], в свою очередь автора рецензии на первый роман Достоевского «Бедные люди» (1846) [20]. Именно работа Софии Никитенко и два длинных отрывка Мандзони, вероятно, попали на глаза Достоевскому, который сам печатался в этом журнале, в фундаментальный момент его творческой карьеры.

Иногда, возможно, мы забываем или недостаточно размышляем о том факте, что в истории европейского романа девятнадцатого века Мандзони был первым, кто превратил исторический роман Вальтера Скотта в маленький и великий эпос «смиренных» [45, с. 273; 46, с. 24-53], объявив *ante litteram* новую эпоху, эру литературного реализма, как Де Санктис уже подчеркивал в университетских лекциях 1871–1872 гг. [36, с. 72; 38, с. 274; 39, с. 224; 43, с. 8-9]. Интересно заметить, что в Евангелии единственное качество, которое Иисус относит к себе самому – это *mite* (кrotкий) *e umile* (смиренный).

Существует, конечно, более поздний реализм Золя и Верга, который jxтум социален и связан с настоящим. Однако именно известное и удачное выражение Достоевского, то есть реализм «в высшем смысле», позднее названный Вячеславом Ивановым «символическим», указывает на общий горизонт, который позволяет нам сравнивать Мандзони и Достоевского. Это этический реализм, привнесенный такими писателями в историю, как Мандзони, Пушкин и Толстой; а позже – Достоевским в воображаемом контексте хроники (событий), современной для писателя. Если у Толстого необходимо признать тонкую и изящную правдивость поведения людей, то у Достоевского реализм сознания проявляется как в этико-философском, так и в психологическом смысле. Если Толстой – совершенный художник подлинной видимой и внешней морали, Достоевский – невидимой и внутренней. Воображение писателя играет важную роль в этом реализме, и осознание этого приводит в искусстве к процессу созревания, которое, в постепенном переходе из девятнадцатого в двадцатое столетие, также проявляется в кинематографе. Это находит отражение в словах великого режиссера Федерико Феллини, отражая новую и глубокую истину: «реалист – сновидящий».

Философ Г. П. Федотов назовет «Капитансскую дочку» «самым христианским из произведений русской литературы» [34, с. 268-273]. По Пушкину, история не подконтрольна человеку. Она может быть жестока, разрушая мирную жизнь семьи Мироновых и всей Белогородской крепости. Но

в это же время, для двух влюбленных Петра и Маши история становится светлой силой, благодаря которой герои вновь обретают друг друга.

Несложно провести аналогии двух романов: в главной героине Маше Мироновой, как в Лючии Мандзони отражается как образ преследуемой девушки, так и христианский кроткий голос совести и сердца других героев, какими бы они ни были, спасенными или потеряянными. «Капитанская дочка» – это замечательный роман Воспитания (*Bildungsroman*) *sui generis*, в то время как «Обрученные» остаются эпическим, хотя и трагическим и во многом нерешенным, романом Провидения. Воспитание и Провидение, таким образом, являются двумя различными и пересекающимися способами, посредством которых «исторический роман» первой половины XIX века отвечает этически-реалистическим требованиям духа Пушкина и Мандзони. Пушкинские аристократы с ходом истории взрослеют и совершенствуются, а простые герои Мандзони обнаруживают в эпилоге только то, что «Вера», являющаяся «непрестанной радостью невыражаемой надежды» (пер. автора) [42, с. 402], не избегает зол истории, но помогает их вынести.

Важно также отметить то, как проявляется дух эпохи самого А.С. Пушкина, характеризующейся царскими образовательными реформами и желанием интеллигенции действительно служить народу. Можно отметить, как высказанная религиозная тема, волнующая Мандзони, раскрывается в «Капитанской дочке».

Профessor-славист Клаудия Ла Сорса обращает внимание на обилие выражений, связанных со словом «Бог» и его производными. Это в том числе связано с множеством значений и вариантов использования таких выражений именно в русском языке, в отличие от европейских: «Нет власти как от Бога», «Доселе Бог миловал», «Боже ты милостивый», «Молись Богу, он тебя не оставит» [41, с. 127-141].

Интересно, что если искать напрямую слово «Бог», то мы найдем множество упоминаний именно в репликах людей из народа: Савельича и Пугачева. Таким образом, наблюдается интересное сходство между религиозностью крестьян одного и другого автора. О разнице между Россией и Европой говорит сам Пушкин:

Гизо объяснил одно из событий христианской истории: европейское просвещение. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя все отдаленное, все постороннее, случайное, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и, наконец, расцветающие века. Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра.

Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия пророчества [25, с. 323-324].

Следует сказать, что Мандзони подвергся критике со стороны своих современников по поводу «Обрученных» как подлинного «исторического романа»: например, исторические отступления казались слишком длинными. Сам Мандзони ответил на критику очерком «Об Историческом романе и в общем о произведениях, объединяющих в себе историю и вымысел» *“Del romanzo storico e in genere de’ componimenti misti di storia e d’invenzione”*, написание которого он начал в 1829 году и завершил в 1845 году. В «Беседах с Гёте в последние годы его жизни» (опубликовано в 1836) Иоганна Питера Эккерманна, можно обнаружить гётеанское свидетельство величия поэта и прозаика Мандзони. Однако уже пожилой Гёте (он умер в 1832 году) прояснил свою похвалу, сказав, что «Он [Мандзони] слишком заботится об исторической правде» (беседа 31 января 1827 года); не говоря уже о том, что «Мандзони страдает перегрузкой истории» (интервью от 23 июля 1827 года). Это было не совсем лестное суждение, которое также появилось в вдохновленном Гёте журнале *“Uber Kunst und Altherthum”* (том VI, 1827) в размышлении об «исторических истоках», прежде всего об отступлениях третьего тома, о которых Мандзони скорее всего узнал через друзей. Поэтому именно осознание необходимости реагировать на критику Гёте побуждает Мандзони исправлять теоретические постулаты и конкретные результаты своей работы; и как раз тогда, когда неудовлетворенный собой как писатель, он начинает «полоскать» страницы своей книги в Арно. На время работы над второй редакцией романа автор переехал из Милана во Флоренцию, чтобы ориентироваться на флорентийскую языковую норму и, отшлифовав язык произведения, избавиться от ломбардских диалектизмов. Поэтому Мандзони пишет:

Исторический роман подвергается двум различным критическим замечаниям, в действительности прямо противоположным [...], которые касаются не чего-то дополнительного, а самой сущности такой композиции [...]. В итоге [...] мы, кажется, можем сделать вывод: и правы те, кто желает, чтобы историческая действительность была представлена какая она есть, и те, кто желают, чтобы роман такого жанра был бы охарактеризован в первую очередь своей внутренней гармонией, но неправы те и другие в том, что требуют от романа и первого и второго. В результате, требования к историческому роману очень разноречивы, первые несовместимы с его формой, которая является повествовательной; вторые с его материалами, которые неоднородны. Они просят правильных необходимых вещей; но они спрашивают тех, кто не может их дать. Ведь в конечном итоге в любом случае виноват будет исторический роман, который был бы неправильным во всех отношениях.

Одно дело романтизировать историческое событие, где главные герои будут известными персонажами истории, совсем другое – вставить роман о героях, придуманных, но правдоподобных, в реальный исторический контекст. Роман должен с поэтической точки зрения быть причиненным и обусловленным тем историческим контекстом.

Смиренные герои Мандзони стремятся к тому, чтобы исправить этот недостаток совести, который обнаруживается у «великих людей» истории, причем не случайно ранее являвшихся объектом творчества Мандзони, драматурга и поэта. Джорджио Барбери Скуаротти в 1980 году еще раз подчеркнул, что как традиционное «возвышенное», относящееся ранее в литературе только к сильным и «великим», в романе Мандзони превращается в гротескное и комическое, в то время как подлинными носителями «возвышенного» становятся «смиренные» (*gli umili*).

Тот факт, что Мандзони уже полагал, что обсуждение «исторического романа» было пустым, говорит нам о том, насколько важнее для него моральная «истина», обусловленная Историей, но требующая по самой своей природе «скромных» вымышленных персонажей наряду с реальными великими личностями, связанными с переменами и катастрофами мировой истории. Всё это отметил ещё историк литературы Франческо де Санктис; речь идет о той же этической истине, которая волновала Пушкина и позднее Толстого, и которую Достоевский стремится достичь в контексте и проблемах своей современности, позиционируя себя в творческом противостоянии к роману «Война и мир». Исходя из этого противостояния Толстому в 1873 году рождаются «Бесы».

Достоевский в предисловии к русскому переводу шедевра Гюго «Собор Парижской Богоматери» в 1862 году выражает свое определение миссии всей европейской литературы девятнадцатого века: восстановление погибшего человека. В том же предисловии он также объявляет, что хочет конкурировать с Данте в описании человеческих грехов и их возможного искупления. В том же 1862 году Достоевский впервые посетил Флоренцию. В последующие годы публикация «Преступления и наказания» в 1864 году и «Идиота» в 1869 году, похоже, уже полностью выполнила великую цель, высказанную Достоевским в 1862 году, «соперничать с Данте». Впрочем на итальянском языке популярное до настоящего времени название “*Delitto e castigo*”, как подтверждается последним исследованием, неверно: «Преступление и наказание» переводится как “*Il delitto e la pena*”. В первой итальянской версии (1889 г.) переводчик дал роману название “*Delitto e castigo*”, переводя его с французского “*Le crime et le châtiment*” 1884 г. (работа переводчика Виктора Дерели), где слово *châtiment* на итальянский язык может быть переведено только словом *castigo* [37, с. vi], что не имеет никакого юридического смысла. Однако сам Достоевский обозначил перевод русского термина «Наказание» как *pena*. Это следует из его письма редактору журнала «Русский вестник»: «В моем романе также есть отсылка к

идее, что юридическое наказание за преступление пугает преступника гораздо меньше, чем законодатели думают, отчасти потому, что он тоже морально этого ждет».

Эти размышления Достоевского были, кроме того, напрямую связаны, как и само название романа, с трактатом Чезаре Беккарии «О преступлениях и наказаниях» (1764), известным в России благодаря переводу 1803 года [40, с. 11]. Это возводит еще один яркий и таинственный мост к опыту, а также к культурному и духовному наследию Мандзони, внука Беккарии.

Достоевский посещал Италию дважды. Первый раз он приехал в страну со своей возлюбленной А.П. Сусловой (1862–1863), будущей женой философа В.В. Розанова. Во второй раз он отправился туда со своей второй женой и «спасительницей» А.Г. Сниткиной (1867–1868), и именно во время своего второго флорентийского пребывания (1867–1868), прямо на родине Данте и в городе, где Манзони «прополоскал свои пожитки в водах Арно» в 1827 году, Достоевский заканчивает «Идиота» и пишет черновик «Житие великого грешника». Ещё Мандзони, по словам критика Джакалоне, видел в грехе больше «несчастья», чем «вины». В отрывках из Евангелия от Иоанна, прочитанных, перечитанных и подчеркнутых Достоевским, говорится: «не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии» (Ин. 9:3) [12] по отношению к слепому, чудесно излеченному Христом: слепой человек Евангелия всегда метафорически включает в себя и тайну человеческих болезней, и страдания, рассматриваемые не как следствие греха, а как избранное место для прославления Бога; и тайну самого греха в целом, символизируемого слепотой духа. В Евангелии от Иоанна (9:1–3) подчеркивается фраза: «Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии». Всё это должно быть увидено у Достоевского в полной взаимодополняемости с той истиной, изложенной сначала монахом Тихоном в «Бесах» (1), а затем отцом Зосимой и его братом Маркелем в «Братьях Карамазовых» (2) о всеобщей человеческой солидарности за вину каждого из них, причем солидарная ответственность понимается не как роковое наследство, но, как смелая и в тоже время смиренная способность брать на себя всякое «чужое» и действовать:

- (1) Согрешив, каждый человек уже против всех согрешил и каждый человек хоть чем-нибудь в чужом грехе виноват. Греха единичного нет. Я же грешник великий, и, может быть, более вашего. [Полное собрание сочинений, т. 11, с. 26]
- (2) ...зной, что воистину всякий пред всеми за всех и за всё виноват. [Полное собрание сочинений, т. 14, с. 262]

Человек может стать жертвой «несчастья», а не греха. Это не отменяет личной ответственности, но делает возможным и необходимым, с точки зрения

обоих великих авторов, искупление «несчастного» человека (см. также «И несчастная ответила» [42, с. 199] Мандзони в отношении Гертруды, монахини из Монцы). В этом смысле восстановление падшего человека соответствует и его оправданию, и его поэтическому и эстетическому преображению.

В 1873 году, в год смерти и торжественных похорон с почестями Алессандро Мандзони, где прозвучал великолепный «Реквием» Джузеппе Верди, Достоевский написал в России в «Гражданине» рецензию на статью «Наши монастыри», опубликованную в за год до этого в том же номере журнала «Беседа», в котором был напечатан обзор Никитенко на книгу «Обрученные» с новым переводом отрывков о чуме в Милане и об обращении Безымянного. В том же 1873 году, как упоминалось выше, в двух российских журналах были опубликованы некрологи по случаю смерти Мандзони [8, с. 395; 10, с. 603]. В это же время вышли в печать «Бесы» Достоевского, в которых вместе с «Подростком» отражается часть единого неизданного проекта, начинающегося с «Атеизма», о котором Достоевский пишет своему другу Майкову в 1868 году, и завершающегося в «Житии великого грешника», придуманном в 1869 году. «Братья Карамазовы», впервые задуманные автором осенью 1874 года, в конечном итоге должны были стать, по заявлению самого Достоевского, первой частью большого романа «Житие великого грешника», отложенного на будущее и никогда не завершенного.

Интерес итальянского читателя, внимательного к диалогу культур, не могут не вызвать сравнения, с одной стороны, встречи Ставрогина с Тихоном и его ужасное признание, в течение многих лет подвергавшееся цензуре и впоследствии публиковавшееся в течение длительного времени только в приложении к книге, а с другой – обращение Безымянного и его встреча с кардиналом Борромео. Неслучайно совпадение, что обращение Безымянного и его встреча с Борромео было отрывком из Мандзони, который Достоевский, имея в руках журнал «Беседа», мог прочитать в 1872 году. Вероятно, не в первый раз, учитывая великий успех и популярность Мандзони в Европе и России в девятнадцатом веке и частые поездки Достоевского по Франции и Италии. Достоевский, на наш взгляд, нашел материал для вдохновения как в общем сюжете «Обрученных», уже известном ему ранее, так и в отрывках, которые могли попасть ему на глаза в 1872 году. Сюжет и избранные отрывки, переведенные заново Никитенко в 1872 году, посвященные Безымянному и чуме в Милане, наполненные образами страдающих матерей и младенцев, представляют собой почву для развития черновика «Жития великого грешника». В последующих «Братьях Карамазовых» путь «праведных» Зосимы и Алеши и их встреча с измученными грешниками, то есть с другими Карамазовыми, будут сознательно или бессознательно повторять различные мотивы Мандзони: прохождение праведных через сомнения, Бога, который

посыпает им испытания, фигура праведника, который обнимает и даже опускается на колени, как Лючия и Зосима, перед грешником:

– Бог! Бог! Если б увидеть его! Если б услышать! Где он, этот бог? – Вы меня спрашиваете об этом? Вы? Да кто же к нему ближе вас? Разве не чувствуете вы его в своём сердце, которого он коснулся и потряс, взволновал его, не даёт ему покоя и в то же время влечёт вас к себе, дав вам проблеск надежды на примирение, на утешение, беспредельное, полное утешение, лишь только вы познаете господа, станете его исповедовать, будете молиться ему [15].

Не случайно осенью 1874 года, когда «Подросток» был почти завершен, Достоевский также написал, как уже упоминалось, первую версию будущих «Братьев Карамазовых», в которой позднее появятся сходства тем и сюжетов с Мандзони: от преступного, а затем искупленного и, наконец, святого юношества Фра Кристофоро и отца Зосимы до общего мотива Теодицей у Достоевского и Провидения у Мандзони: новая «Теодиця», анти-схоластическая, была провозглашена Достоевским в главе «Русский монах», в то время как Раймонди справедливо определяет Провидение Мандзони как «категорию сознания, а не истории». Фактически Теодиця Достоевского и Провидение Мандзони, наконец, оказываются абсолютно не «схоластическими» и очень внутренними (даже очень светский Итало Кальвино видел в Мандзони «далеко не провиденциализм»): кардинал Борромео открыто говорит о Славе Бога, которая проявляется в тот момент в сердце Безымянного, и в этом также есть большая часть мира Достоевского.

Анализ этого сравнения, в конечном итоге можно определить следующим образом: Достоевский – поэт оправдания человека, а Мандзони – его преображения. Пушкин, в свою очередь, в истоках развития «этического реализма» показал, как литература может оказаться воплощением как измерения «со-радования» между героями, так и манифестации достойных сочувствия и сострадания к людям, без «крови и слез» Достоевского, но при этом не менее искренних [34, с. 268-273].

Литература

1. Акименко А.А. «Обрученные» – вершина творчества А. Мандзони // Вестник Ленинградского университета. Вып. 20. Л.: ЛГУ, 1977. С. 35-39.
2. Акименко А.А. Некоторые аспекты нравственной проблематики романа Алессандро Мандзони «Обрученные» // Проблемы истории зарубежных литератур. Вып. 1. История и современность в зарубежных литературах. Межвуз. сб. к 75-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР проф. Б.Г. Ремизова. Л.: ЛГУ, 1979. С. 164-173.
3. Бартенев П.И. Пушкин-критик. М.: Художественная литература, 1951.

4. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М.: REFL-book; Киев: ИСА, 1994.
5. Виноградов В.В. Критика мнений о статьях «Литературной газеты», приписывавшихся А.С. Пушкину // Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Художественная литература, 1961. С. 369-415.
6. Володина И.П. Заметки о восприятии творчества А. Мандзони в России (1820-1960) // Итальянская традиция сквозь века. Из истории итальянской литературы XVI–XX вв. СПб.: СПбГУ, 2004.
7. Володина И.П., Акименко А.А., Потапова З.М., Полуяхтова И.К. История итальянской литературы XIX–XX вв. М.: Высшая школа, 1990.
8. Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. V год. Т. 9. №25. СПб.: Г. Д. Гоппе, 1873.
9. Вяземский П.А. Полное собр. соч. Издание графа С.Д. Шереметева. В 12 т. Т. 8: Старая записная книжка. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1883.
10. Иллюстрированная неделя. №38. СПб.: Петербургская типография, 1873.
11. Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда, 1989.
12. Кириллова И. А. Отметки Достоевского на тексте Евангелия от Иоанна. // Достоевский в конце XX века. М.: Классика плюс, 1996. С. 48-59.
13. Козлов И. Умирающая Эрменгарда // Литературная газета. Т. III. №11. 1931. С. 88-90.
14. Лотман Ю.М. Идейная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю. М. Избранные статьи в 3 тт. Т. 2. Таллин: Александра, 1992. С. 416-429.
15. Мандзони А. Обручённые. Повесть из истории Милана XVII века. М.: Художественная литература, 1955.
16. Манцони А. Граф ди Карманьола // Москвитянин. Ч. II. №11. М.: Университетская типография, 1843. С. 17-78.
17. Манцони А. История о позорном столбе // Москвитянина. Ч. I. №2. Науки. М.: Университетская типография, 1844. С. 481-483.
18. Манцони А. Моровая язва в Милане в 1630 году // Современник. Т. 24. Рассказы и повести. СПб.: Петербургская типография, 1841. С. 1-57.
19. Московский вестник. №22. М.: Университетская типография, 1827.
20. Никитенко А.В. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Библиотека для чтения. № 3. СПб.: Типография Карла Крайя, 1846. С. 18–36.
21. Никитенко С.А. Очерки новейшей итальянской литературы: Манцони и его роман «Обрученные» // Беседа: Журн. ученый, литературный и политический. М.: С.А. Юрьев, 1872. IX-XI.
22. Отечественные записки. Т. 10. Библиографическая хроника. СПб.: Типография Н. Греч, 1840.
23. Пенская Е.Н. Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о

- прошлом: Коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: ВШЭ, 2012.
24. Прожогин Н.П. Пушкин и Мандзони // Московский пушкинист. Вып. 7. – М.: Наследие, 2000. С. 359-375.
  25. Пушкин А.С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. Критика и публицистика. 1819-1834. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 323-324.
  26. Пушкин А.С. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово 1827-1832. Л.: Изд-во Сабашниковых, 1925.
  27. Сапрыкина Е.Ю. Алессандро Мандзони // Итальянский романтизм в его основных концептах. М.: Тезаурус, 2014. С. 55-76.
  28. Современник. Новые книги. №11. СПб.: Петербургская типография, 1854.
  29. Сын Отечества. Ч. 117. №3. СПб.: Типография Н. Грече, 1828.
  30. Сын Отечества. Ч. 121. №19. СПб.: Типография Н. Грече, 1828.
  31. Тамарченко Н.Д. «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 58. № 2. М.: Наука, 1999. С. 44-53.
  32. Толстой А.Н. Собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 4. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. 1958.
  33. Томашевский Б.В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, Л.: ГИЗ, 1925.
  34. Федотов Г. Новый Град. Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1952.
  35. Юстин М.Ю. Эпитома сочинения Помпея Трога *“Historiae Philippicae”*. СПб.: СПбГУ, 2005.
  36. Bergamaschi A. Manzoni fra storia e verità. Reggio Emilia: Libreria editrice Frate Francesco, 1973.
  37. De Michelis C. G. Introduzione // F. Dostoevskij. Delitto e castigo. Roma: La Biblioteca di Repubblica, 2004.
  38. De Sanctis F. La letteratura italiana nel secolo XIX, a cura di L. Blasucci. V. I. Bari: Laterza, 1953.
  39. Derla L. Il realismo storico di Alessandro Manzoni. Varese: Istituto editoriale cisalpino, 1965.
  40. Gherbezza E. Dei delitti e delle pene nella traduzione di Michail M. Scerbatov. Firenze: Firenze University Press, 2007.
  41. Lasorsa S. Cl. Le rappresentazioni correnti della divinità nella lingua russa e nella lingua italiana. Osservazioni sul canone linguistico-culturale europeo // Rifrazioni. Scritti in onore di Michaela Böhmig, a cura di E. Dammiano, D. Di Leo, E. Gironi Carnevale, E. Mari, O. Trukhanova. Cosenza: La Mongolfiera Editrice, 2017. P. 127-141.
  42. Manzoni, A. I promessi sposi. Milano: Mondadori, 1985.

43. Negri G. Sui “*Promessi sposi*” di Alessandro Manzoni. Commenti critici, estetici e biblici. Parte III. Milano: Scuola tip. Salesiana, 1904.
44. Puškin A.S. Eugenio Onegin / a cura di e con trad. it. di Fiorando Gabbielli. Pavia: Università degli studi di Pavia, 2006.
45. Ulivi F. Manzoni: storia e provvidenza. Roma: Bonacci, 1974.
46. Zottoli A. Umili e potenti nella poetica del Manzoni. Roma: Tumminelli, 1942.

УДК 821.111(73)

Филиппова Юлия Владимировна
кандидат культурологии, доцент
Русская христианская гуманитарная Академия
zeleniyprid@mail.ru

Мирзоева Севиль Расимовна
студентка 4 курса факультета мировых языков и культур,
Русская христианская гуманитарная академия
sevilmirzoeva1998@gmail.com

МОТИВЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ РОМАНА Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «НОЧЬ НЕЖНА»

В статье представлены мотивы, вдохновившие Ф.С. Фицджеральда на создание романа «Ночь нежна». Для изучения проблемы определены основные социокультурные явления США 20-30-х годов, рассмотренные через призму мировоззрения автора, а также проанализированы средства художественного выражения темы «потерянного поколения», используемые Ф.С. Фицджеральдом в романе «Ночь нежна».

Ключевые слова: история литературы США, потерянное поколение, Ф.С. Фицджеральд, стилистический анализ, художественные средства выразительности.

*Mirzoeva Sevil Rasimovna
Filippova Julia Vladimirovna
Motives and background of F.S. Fitzgerald's novel «Tender is the night»*

The article presents the motives that inspired F. S. Fitzgerald to create the novel «Tender is the night». To study the problem, the main socio-cultural USA phenomena of the 20s -30s are defined, considered through the prism of the author's worldview. The artistic means of expression of the «lost generation» theme used by F. S. Fitzgerald are also analysed.

Key words: history of American literature, lost generation, F.S. Fitzgerald, stylistic analysis, artistic means of expression.

Произведения Ф.С. Фицджеральда как объект исследования представляют интерес ещё с 1920-х годов и не только для специалистов. Автор, провозгласивший период с 1919 по 1929 «веком джаза», был не просто писателем, а живой легендой и воплощением духа своего времени. Для американской молодежи 1920-х годов Ф.С. Фицджеральд стал идолом, умевшим блестательно выражать собственное мироощущение. Известный писатель и критик М. Бредбери писал:

«По сути, Фицджеральд – выдающийся историк двух пересекающихся городских миров: города культуры и города анархии. Его подвиг в том, что он вобрал эпоху в

себя и придал ей человеческое измерение. Подобно Хемингуэю, но еще уверенней, еще наблюдательней, он исследует психологическую историю времени – времени безудержной погони за удовольствием, самой дорогостоящей оргии» [1].

Это утверждение позволяет в полной мере представить насколько сильным талантом передачи атмосферы своего времени обладал писатель.

Одной из отличительных черт творчества этого примечательного автора является глубокий психологизм, который присущ всем его произведениям. Благодаря этой незаменимой черте, Ф.С. Фицджеральду удалось описать дух безудержного веселья, царившего вокруг, но также посредством литературных персонажей, внутренний мир людей того времени, который создавал хаос не только в их душах, но и в жизни.

Тема «потерянного поколения» является основной для произведений Ф.С. Фицджеральда, так как писатель был одним из первых в американской литературе, кто обратился к теме молодого поколения, которое «боялось бедности и склонялось перед успехом» и для которого, как он писал в романе «По эту сторону рая» (1920), «все боги умерли, все битвы остались позади, всякая вера в человека подорвана» [3].

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что тема поколений всегда актуальна. Тем более что для комплексной интерпретации социокультурных и литературных явлений современное литературоведение не просто обнаруживает конфликты поколений и сюжеты в литературе, но и использует понятие поколения как единицу литературного процесса.

В американской поколенческой литературе XX века отразились все социальные процессы, происходившие в стране, начиная с 20-х годов. Именно тогда в американском социуме национально-культурная, социальная идентичность (мы – они) уступает место осознанию индивидуальной инаковости (я – они) и оказывается одной из характеристик, определяющих литературный процесс до конца 60-х годов.

Следует отметить, что для поколенческой литературы также характерны элементы автобиографизма. В начале XX в. внимание американских писателей было направлено на объективно и достоверно изложенные факты культурно-исторической и политической действительности, и постепенно формируется другая проблематика автобиографических изысканий: вопрос о поиске самоидентичности в окружающем обществе, культурной действительности, восприятии и принятии современных идеалов и ценностей.

Анализ произведений американской литературы XX в., в которых имеет место конфликт поколений, показал, что произведения можно относить к поколенческим по следующим критериям:

- их принадлежность к литературе о поколении и для поколения;
- героями являются молодые люди, которые решают характерные для их возраста проблемы;

– новое поколение является прежде всего «адресатами» этой литературы.

Тема конфликта поколений отражает круг актуальных для молодежи проблем, их культурные и мировоззренческие приоритеты, систему ценностей по сравнению с «отцами» и сверстниками. Всё вышесказанное имеет, несомненно, важное значения для изучения творчества Ф.С. Фицджеральда, поскольку его произведения относятся к поколенческой литературе, которым свойственны черты автобиографизма.

«Ночь нежна» является одним из наиболее сильных и глубоких произведений Ф.С. Фицджеральда. Возможно причиной этой основательности был зрелый и переосмысленный взгляд не только на происходившее вокруг, но и на собственную жизнь. Для полноценного изучения романа необходимо определить факторы, побудившие автора обратиться к теме трагичности судьбы творческой личности в современном ему обществе.

Идея создания романа появилась у Ф.С. Фицджеральда в середине 20-х, в один из самых насыщенных периодов его жизни, когда писатель знакомится с Э. Хемингуэем, они открывают для себя Париж, общаются с Г. Стайн, посещают светские вечеринки вместе с местной богемой. В этот период Ф.С. Фицджеральду не удается писать, потому что его жена Зельда ревнует его к работе, а он в свою очередь ревнует ее к окружающим на посещаемых ею вечеринках. Всё это превратилось в замкнутый круг, из-за которого творчество писателя приостановилось почти на год. В результате чета отправляется в тихий французский курортный город Жуан ле Пен с целью обрести спокойствие и освободиться от ряда светских забот и шумных вечеринок. Жуан ле Пен положительно повлиял на творческую деятельность Ф.С. Фицджеральда, его больше ничего не отвлекало и все свободное время он посвящал новому роману, но Зельде было скучно, и она стала встречаться с французским летчиком Э. Жозаном. Сначала отношения между Э. Жозаном и Зельдой были больше похожи на приятельские, их часто видели на пляже, но вскоре они стали любовниками, дружеская граница была стерта, вместе они гуляли до утра, танцевали и беззаботно проводили время. Через некоторое время Э. Жозан оставил Зельду, что стало для нее личной трагедией. Ф.С. Фицджеральд старался делать вид, что у них все хорошо и вскоре их отношения наладятся, но той нежности, что была раньше между супругами, больше не было, даже спустя годы, они вспоминали и рассказывали друзьям и знакомым историю о романе с летчиком так, словно писали роман. Жизнь Зельды и Ф.С. Фицджеральда перестала быть безмятежной, так как роман с Э. Жозаном испортил отношения между ними на долгое время: Зельда неадекватно себя вела, ее настроение варьировалось от безмятежности до агрессии, для того, чтобы хоть как-то скрасить дни, она и Ф.С. Фицджеральд развлекались дни и ночи напролет. Вскоре Зельда и Ф.С. Фицджеральд успокоились, стали меньше пить и бездумно тратить деньги на веселье,

поэтому Ф.С. Фицджеральд возобновил работу. Но вскоре в гости к молодой семье приехал Э. Хемингуэй и заметил нечто странное в поведении Зельды, об этом он написал в книге «Праздник, который всегда с тобой»: «...она наклонилась ко мне и сообщила по большому секрету: – Эрнест, вам не кажется, что Ал Джолсон выше Христа?», далее он писал: «Скот не написал ничего хорошего до тех пор, пока не понял, что она безумна» [4, с. 204].

Ф.С. Фицджеральду открывается новая Зельда, с которой он не был знаком до этого, вся мятежность что была внутри его возлюбленной, теперь выплынула наружу, вечеринки стали безумнее, а поведение Зельды ещё более вызывающим, чем прежде, даже их друзья Сара и Джеральд Мерфи устали от ее странностей и впоследствии сократили встречи и времяпровождение с Фицджеральдами. Болезнь Зельды стала событием, раскрывшим накопившееся презрение к окружению, что долгое время таилось во внутреннем мире Ф.С. Фицджеральда.

Чета Фицджеральдов была центром общества «очень богатых людей», тех, кто относился к классу выше среднего в Америке, но считались неизмеримо богатыми в Европе и других странах. Благодаря деньгам «очень богатые люди» чувствовали такую свободу, которая позволяла им не считаться с личным пространством других людей, ведь в Европе они могли нарушать законы и избегать наказания в случае каких-либо проблем, что подметил сам Ф.С. Фицджеральд в эссе «Отзвуки Века Джаза»: «На летней Ривьере все сходило с рук, и получалось, что все каким-то образом имеет отношение к искусству» [1, с. 161]. Окружившие Зельду «очень богатые люди» привели ее к отчаянию: потерявшись в однообразной роскошной жизни и круговороте нескончаемых вечеринок, она стала душевнобольной, поэтому тематика «очень богатых людей» важна для Ф.С. Фицджеральда, именно эти люди затягивали в сети своей праздной жизни, пропагандируя гедонизм, приводящий к человеческому бессилию по отношению к своим желаниям. Несмотря на то, что писатель часто проводил время с «очень богатыми людьми» он осознавал, что общение с ними пагубно. В книге «Праздник, который всегда с тобой», Э. Хемингуэй написал: «Скоту не нравились ни места эти, ни компания; чтобы вытерпеть эти места и компанию, ему приходилось выпить больше, чем он мог, не теряя контроля над собой, а потом уже пил, чтобы не заснуть, хотя прежде от такого количества свалился бы» [4, с. 199].

Тема «очень богатых людей» является ключевой в романе, несмотря на то, что произведение тематически многогранно, например, мотив судьбы творческой личности в буржуазном мире также важен для Ф.С. Фицджеральда, но в романе он дополняет тему «очень богатых людей». Основной целью автора являлось точно изобразить общество потребителей и их влияние на окружение, для этого Ф.С. Фицджеральд использует средства художественной выразительности, которые значимы для романа, особенно для описания

персонажей, потому что именно через характеристику героев можно понять мораль и смысл произведения. Писатель часто использует сравнения (метафоры и открытые сравнения), поскольку это наиболее распространенный способ, который позволяет читателям точно раскрыть и осознать замысел автора, проследить жизненные перипетии и отражение той действительности, в которой существуют персонажи, и которая порождена социокультурными процессами, происходящими в современной автору стране.

Текст насыщен средствами художественной выразительности, коннотативными значениями в авторских описаниях персонажей. Приведем некоторые иллюстрации сказанному.

Примером открытого сравнения является предложение: *They were all tall and slender with small heads groomed like manikins' heads, and as they talked the heads waved gracefully about above their dark tailored suits, rather like long-stemmed flowers and rather like cobras' hoods.* Ф.С. Фицджеральд открыто сравнивает головы молодых девушек то с цветами, то с кобрами, показывая их отношение к тому или иному человеку [5, с. 108].

При описании персонажей писатель часто использует метафоры, например: *The sponsor of the story was a white-haired woman in full evening dress, obviously a relic of the previous evening, for a tiara still clung to her head and a discouraged orchid expired from her shoulder,* где автор описывает не только внешность женщины, но и ее эмоциональное состояние, которое передано метафорой *discouraged orchid* (увядшая орхидея), это указание на усталость женщины, побывавшей прошлой ночью на вечеринке [5, с. 9].

Для изображения «очень богатых людей» часто встречается гипербола, например: *Nicole was the product of much ingenuity and toil. For her sake trains began their run at Chicago and traversed the round belly of the continent to California; chicle factories fumed and link belts grew link by link in factories...* [5, с. 82]. В предложении присутствует насмешка над обществом потребления, автор использует гиперболу, сравнивая приобретения Николь с масштабами промышленной работы в США, писатель специально преувеличивает, ведь именно так себя ощущают «очень богатые люди» – напыщенными, внemасштабными и грандиозными.

На смену эпохи «очень богатых людей» пришла великая депрессия, во время которой Ф.С. Фицджеральд написал «Ночь нежна», по этой причине такая метафора как *The hostess – she was another tall rich American girl, promenading insouciantly upon the national prosperity* обретает определенный смысл, ведь молодая американка беззаботно тратит деньги на роскошные вещи, в Америке ее капитал не имеет большой ценности, поэтому ей приходится хвастаться своим *national prosperity* (национальное экономическое процветание) в Париже, в то время как экономика страны приближается к самому страшному кризису за всю историю США. Слово *promenading*

применяется автором для того, чтобы подчеркнуть, с какой легкостью тратятся американские деньги в Европе, в Кембриджском словаре значение этого слова определяется как *to walk slowly along a street or path, usually where you can be seen by many people, for relaxation and pleasure* (медленная прогулка по многолюдной улице, совершающаяся для релаксации, обычно в многолюдном месте) [5, с. 110].

Более того, в романе Ф.С. Фицджеральд делит «очень богатых людей» на две группы: к первой относятся люди, выбрасывающие деньги на ветер, вечно пьяные и не соблюдающие никакие светские правила, потому что чувствуют себя безнаказанными: *There were the Americans and English who had been dissipating all spring and summer, so that now everything they did had a purely nervous inspiration. They were very quiet and lethargic at certain hours and then they exploded into sudden quarrels and breakdowns and seductions* [5, с. 108]. Писатель дает понять, в каком настроении были англичане и американцы, в словосочетании *nervous inspiration* (нервические порывы) присутствует объяснение этому: они, словно безумцы, то затихали, то срывались с цепи, повинуясь неконтролируемым животным порывам.

К другой группе «очень богатых людей» относятся более спокойные представители этого общества, те кто задает ритм шумной светской жизни, они имеют большое состояние и спокойно наблюдают за первой более активной группой людей, словно актеры в театре: *The other class, who might be called the exploiters, was formed by the sponges, who were sober, serious people by comparison, with a purpose in life and no time for fooling* [5, с. 108].

Таким образом, можно сделать вывод, что одной из предпосылок создания романа послужила авторская вовлеченность в американское общество «очень богатых людей». Роман написан в годы великой депрессии, поэтому Ф.С. Фицджеральд воспроизводит в произведении время финансовой стабильности и роскошной жизни не со светлой стороны, а с мрачной. «Ночь нежна» передает настроение Ф.С. Фицджеральда, его разочарование не только в финансовом положении страны, но и в обществе. Темой романа является жизнь «очень богатых людей» и проблема их влияния на окружающих. Автор показывает, как, пресытившись своими возможностями, они буквально не знали, чем себя занять, день за днем устраивая монотонный праздник, делая его всё жизнерадостней, подогревая в себе интерес при помощи сплетен и алкоголя. Кроме того, сам автор подтверждает всеобщий алкоголизм американского общества в романе «Ночь нежна»: «— Сейчас так много умных людей разваливается на куски... Те же художники — Фернан, к примеру, — выпивкой не балуются. Почему в ней тонут только американцы?». Эта фраза, принадлежащая Николь, могла бы послужить эпиграфом к любому произведению Ф.С. Фицджеральда, ведь почти каждое из них повествует о

героях, страдающих алкоголизмом, растративших свои таланты и потерявшимся в жизненной суете [2, с. 144-145].

Роман «Ночь нежна» – не только история, похожая на биографию автора, но и исповедь о временах, ставших самыми громкими и вызывающе веселыми в истории XX века. Это произведение, послужившее прямым доказательством того, что вследствие Первой Мировой войны была подорвана не только общественная мораль, но и традиционный уклад былой Америки. Ф.С. Фицджеральд передает дух эпохи «века джаза», используя такие средства художественной выразительности как метафора, сравнения и эпитеты, с их помощью роман приобретает должный смысл и выражает тему «потерянного поколения», воссоздавая все социокультурные явления того времени.

Литература

1. Фицджеральд Ф.С. Заметки о моем поколении: повесть, пьеса, статьи, стихи. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.
2. Фицджеральд Ф.С. Ночь нежна. М: Издательство «Э», 2018.
3. Фицджеральд Ф.С. По эту сторону рая. М: КАРО, 2009.
4. Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: АСТ, 2015.
5. Fitzgerald F.S. Tender is the night. [URL:https://www.planetebook.com/free-ebooks/tender-is-the-night.pdf](https://www.planetebook.com/free-ebooks/tender-is-the-night.pdf) (дата обращения: 15.03.20)

Антонио Сорелла
профессор, директор кафедры итальянистики,
Государственный университет Абруцци (Италия)
sorella@italianistica.it

LETTURE FIGURALI DELLA COMMEDIA NELLA CASA DI DANTE IN ABRUZZO

Дом Данте в городе Абруццо, из которого я приехал в Санкт-Петербург, чтобы рассказать Вам о нашей деятельности, это культурная ассоциация, известная с 1980 года благодаря организации ежегодных выставок изобразительного искусства в замке Гицци в Торре-де-Пассери. Еще во время проведения самых первых показов зрители и критики выражали организаторам свое признание за оригинальнейшую идею почтить память Данте не только через проведение чтений его произведений, но и через проведение в залах Замка Гицци выставок работ итальянских и зарубежных художников, вдохновленных «Божественной комедией». С эпохи Средневековья и до сегодняшнего дня «Божественная комедия» остается источником вдохновения для многих деятелей искусства. На протяжении всей своей жизни Данте был дружен с представителями искусства, особенно с Джотто, которому в Доме Данте была посвящена выставка осенью 2001 года. Согласно историческим источникам, Данте познакомился с Джотто в Падуе, где тот работал над фресками капеллы Скровеньи (см. рис. 1: Джотто, Капелла Скровеньи, фрески, 1303-1306). Существует и мнение о том, что во время пребывания в Равенне Джотто написал портрет своего друга поэта – сегодня, к сожалению, утраченный. Великие художники эпохи Возрождения подарили нам изображения Данте, опираясь на те портреты, которые, вероятно, тогда еще существовали. Вспомним об изображении Данте Микеланджело в Сикстинской Капелле или знаменитую голову поэта в «Диспуте» Рафаэля (см. рис. 2: Рафаэль, голова Данте, Станца делла Сеньятура, Ватикан, 1508-1511). Наше короткое путешествие в «Ад» Данте проходит по карте, написанной Сандро Боттичелли (см. рис. 3: Сандро Боттичелли, «Карта ада»). Конечно, нельзя истолковывать в современном смысле любовь Паоло и Франчески (см. рис. 4: Иоганн Генрих Фюссли, Кунстхаус, Цюрих, 1808 г.), тем не менее неоспорима «современность» Данте, рассматривающего убийство любовников мужем Франчески как варварское преступление, если учитывать тот факт, что в Италии так называемое «убийство чести» на протяжении многих веков рассматривалось весьма снисходительно, даже на уровне законодательства. Если, описывая ад, Данте проявил большое воображение, смешивая классические мифы и информацию из священных текстов, то в «Чистилище» он выступил поистине как новатор. Действительно, вера в Чистилище сбивает с толку, поскольку большинство священных источников и текстов отцов Церкви в основном повествуют об аде и рае. Если в пятой песни «Ада» на первом плане стоит фигура Франчески, то в пятой песни «Чистилища» изображена другая женщина – Пия Де Толомеи, убитая мужем Нелло де Панноккески из ревности (см. рис. 5: Данте Габриэль Данте за данный христианству пример бедности. В песне XXIX мы обнаруживаем высказывание Данте относительно противоречивого толкования священных текстов: «Не думают, какою куплен кровью / Его посев и как тому, кто чтит / Его смиренно, воздают любовью» (Рай, XXIX, 91-93). Эти стихи заставили многих художников обратиться к изображению благочестия Марии, были восприняты как напоминание всем людям о кровавой жертве Иисуса Христа (см. рис. 7: Микеланджело, Pietà для Витории Колонны рисунок мелом на картоне, Музей Изабеллы Стюарт Гарднер, Бостон, первая половина XVI века). Многие произведения, вдохновленные

«Божественной комедией» показывают, насколько важную роль это произведение играет для западной культуры, задавая интеллектуальные координаты нашей цивилизации.

Ключевые слова: Данте, Божественная комедия, живопись, Джотто, ад, цивилизация, Чистилище, Рай, христианство, Рафаэль, Микеланджело, Боттичелли, Альберто Мартини, Данте.

Antonio Sorella
Figural readings of the Comedy in the house
of Dante in Abruzzo

Dante's House in Abruzzo, from which I came to St. Petersburg to tell you about our activities, is a cultural association known since 1980 for organizing annual exhibitions of fine art at the Gizzi Castle in Torre de Passeri. Even during the very first shows, viewers and critics expressed their recognition to the organizers for the original idea of honoring Dante's memory not only by holding readings of his works, but also by holding exhibitions of works by Italian and foreign artists inspired by the Divine Comedy in the halls of the Gizzi Castle. From the Middle Ages to the present day, "The Divine Comedy" remains a source of inspiration for many artists. Throughout his life, Dante was friends with representatives of the arts, especially with Giotto, to whom an exhibition was dedicated in the fall of 2001 at Dante's House. According to historical sources, Dante met Giotto in Padua, where he worked on the frescoes of the Scrovegni Chapel (see Fig. 1: Giotto, Scrovegni Chapel, frescoes, 1303-1306). There is also an opinion that during his stay in Ravenna, Giotto painted a portrait of his friend the poet - today, unfortunately, lost. The great artists of the Renaissance gave us images of Dante, drawing on those portraits that probably still existed then. Recall the image of Dante Michelangelo in the Sistine Chapel or the famous head of the poet in Raphael's Dispute (see Fig. 2: Raphael, Dante's head, Stanza della Senyatura, Vatican, 1508-1511). Our short journey to Dante's "Hell" follows a map written by Sandro Botticelli (see Fig. 3: Sandro Botticelli, "Map of Hell"). Of course, the love of Paolo and Francesca cannot be interpreted in the modern sense (see Fig. 4: Johann Heinrich Füssli, Kunsthäus, Zurich, 1808), nevertheless, the "modernity" of Dante is undeniable, considering the murder of lovers by Francesca's husband as a barbaric crime if take into account the fact that in Italy the so-called "honor killing" for many centuries was considered very leniently, even at the level of legislation. If, in describing hell, Dante showed great imagination, mixing classical myths and information from sacred texts, then in "Purgatory" he was truly an innovator. Indeed, the belief in Purgatory is confusing, as most of the sacred sources and texts of the Church Fathers are mostly about hell and heaven. If in the fifth canto of "Hell" the figure of Francesca is in the foreground, then in the fifth canto of "Purgatory" another woman is depicted - Pia de Tolomei, killed by her husband Nello de Pannocchieschi out of jealousy (see Fig. 5: Dante Gabriel Dante for the example given to Christianity Poverty In canto XXIX we find Dante saying about the contradictory interpretation of the sacred texts: "They do not think with what blood was bought / His sowing and how one who honors / Him humbly is rewarded with love" (Paradise, XXIX, 91-93). forced many artists to turn to the depiction of the piety of Mary, were perceived as a reminder to all people of the bloody sacrifice of Jesus Christ (see fig. 7: Michelangelo, Pietà for Vitoria Colonna, chalk drawing on cardboard, Isabella Stewart Gardner Museum, Boston, first half of the 16th century) Many works inspired by the "Divine Comedy" show how important this work is for Western culture, setting the intellectual coordinates of our civilization.

Key words: Данте, Divine Comedy, painting, Giotto, hell, civilization, Purgatory, Paradise, Christianity, Raphael, Michelangelo, Botticelli, Alberto Martini, Данте.

La *Casa di Dante in Abruzzo*, di cui sono venuto a presentarvi le attività qui a San Pietroburgo, è un'associazione culturale che si è conquistata un suo specifico rilievo organizzando ogni anno, dal 1980, mostre di arte figurativa presso il Castello Gizzi di Torre de' Passeri. Sin dalle prime manifestazioni, il pubblico e la critica attribuirono un plauso generale agli organizzatori, che avevano scommesso fortemente sull'originale idea che si potesse celebrare Dante non solo attraverso *lecturae* critiche dei suoi versi, ma piuttosto raccogliendo nelle sale del Castello Gizzi le opere della migliore creatività artistica italiana e straniera ispirate dalla *Commedia*. Del resto, l'indiscussa capacità di Dante nel seguire il precetto oraziano e classico *ut pictura poësis* ha fatto sì che dal Medioevo fino ad oggi la *Commedia* sia stata adottata più di qualsiasi altra opera letteraria come fonte di ispirazione da generazioni di pittori, scultori e artisti. Inoltre, durante la sua vita, Dante ebbe numerose frequentazioni e vera e propria amicizia con i protagonisti dell'arte coeva, e in particolare con Giotto, a cui abbiamo dedicato una delle ultime mostre della Casa di Dante in Abruzzo, nell'autunno del 2001. Le fonti storiche concordano nel sostenere che Dante conobbe il concittadino Giotto a Padova, quando questi lavorava colà agli affreschi della Cappella degli Scrovegni (da poco riaperta al pubblico dopo un laborioso restauro). In particolare, Benvenuto da Imola nel suo commento scrive: «Accidit autem semel quod dum Giottus pingeret Paduae, adhuc satis iuvenis, unam cappellam in loco ubi fuit olim theatrum, sive harena, Dantes pervenit ad locum: quem Giottus honorifice receptum duxit ad domum suam, ubi Dantes videns plures infantulos eius summe deformes, et, ut cito dicam, simillimos patri, petivit: “Egregie magister, nimis miror, quod cum in arte pictoria dicamini non habere parem, unde est, quod alienas figuræ facitis tam formosas, vestras vero tam turpes!”. Cui Giottus subridens, praesto respondit: Quia pingo de die, sed fingo de nocte”. Haec responsio summe placuit Danti, non quia sibi esset nova, cum inveniatur in Macrobio libro Saturnalium, sed quia nata videbatur ab ingenio hominis»². Gli storici e i commentatori successivi tramandarono altri racconti simili, più vicini alla fantasiosità romanzesca che alla realtà, secondo i quali Dante in un primo momento si sarebbe risentito per il fatto che Giotto non aveva tenuto in nessun conto il suo *Inferno* per la delineazione degli affreschi, ma poi si sarebbe prodigato in consigli utili per il pittore allo scopo di apportare aggiunte per meglio definire alcune allegorie rappresentate nella Cappella (cfr. fig. 1: Giotto, *Cappella degli Scrovegni*, affreschi, 1303-1306³).

² Cfr. BENVENUTO DA IMOLA, *Commentum super Dantis Aldicherij Comoediam*, a cura di G.F. Lacaita, Firenze, Sansoni, 1887, *Purgatorio*, XI, vv. 73-108 (in *I commenti danteschi dei secoli XIV, XV e XV*, a cura di Paolo Procaccioli, Archivio Italiano, Lexis, CD Rom).

³ Cfr. *Giotto e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri dal 13 ottobre al 30 novembre 2001, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Skira editore, 2001, p. 184.

Dante passò gli ultimi anni della sua vita, ancora in esilio dalla sua Firenze, a Ravenna, dove lo aveva chiamato il signore locale, Guido Novello da Polenta, intorno al 1318 (a Guido sono dedicati i seguenti versi di *Inferno*, XXVII, vv. 36-42: «O anima che sè la giù nascosta, / Romagna tua non è, e non fu mai, / senza guerra ne' cuor de' suoi tiranni; / ma 'n palese nessuna or vi lasciai. / Ravenna sta come stata è

molt'anni: l'aguglia da Polenta la si cova, / sì che Cervia ricuopre co' suoi vanni»). Sembra che in questi anni Dante spendesse tutta la sua autorevolezza per fare in modo che Giotto andasse a lavorare a Ravenna, e anche che lo presentasse egli stesso a Guido Novello⁴. Giotto, infatti, accettò l'invito e dipinse tra le altre cose gli affreschi di San Francesco a Ravenna, dove sono conservate le tombe dei da Polenta. A Ravenna, come è noto, c'è an

che la tomba di Dante, che vi morì nel 1321. Lo stesso Dante, nella *Commedia*, istituendo un paragone tra diverse arti, considera sé e Giotto i principali rappresentanti, rispettivamente, della pittura e della letteratura coeve (cfr. *Purgatorio*, XI, vv. 94-99: «Credette Cimabue nella pittura / tener lo campo, e ora ha Giotto il grido, / sì che la fama di colui è scura: / così ha tolto l'uno a l'altro Guido / la gloria de la lingua; e forse è nato / chi l'uno e l'altro cacerà del nido»). Si dice inoltre che Giotto, durante il suo soggiorno a Ravenna, dipingesse un ritratto, ora perduto, dell'amico poeta⁵. Più tardi, nel Rinascimento, altri grandi artisti ci hanno consegnato raffigurazioni di Dante, forse derivate da ritratti che a quell'epoca erano ancora conservati. Vanno ricordate, in particolare, una figura dipinta da Michelangelo nella Cappella Sistina, che sembrerebbe rappresentare Dante⁶, e la celebre testa del poeta che si individua chiaramente nella *Disputa del Sacramento* di Raffaello (cfr. fig. 2: Raffaello, testa di Dante nella *Disputa del Sacramento*, Stanza della Segnatura, Città del Vaticano, 1508-1511⁷).

⁴ Cfr. *Dante istoriato. Vent'anni di ricerca iconografica dantesca*, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Skira editore, 1999, p. 27.

⁵ Cfr. C. GIZZI, *Giotto e Dante*, in *Giotto e Dante*, cit., p. 66.

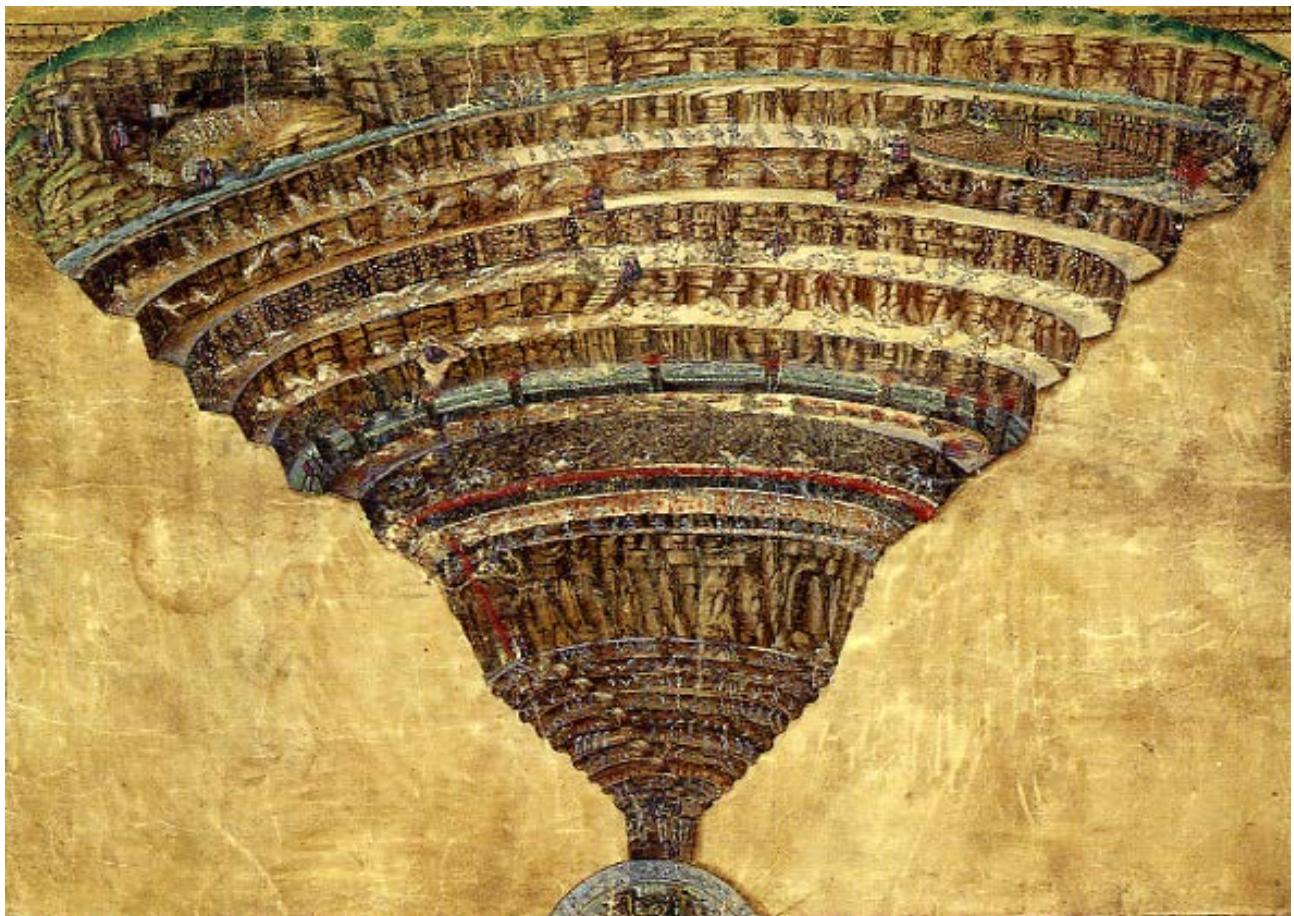
⁶ Cfr. *Dante istoriato*, cit., p. 255; cfr. anche *Michelangelo e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri dal 30 settembre al 30 novembre 1995, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Electa, 1995, p. 229.

⁷ Cfr. *Dante istoriato*, cit., p. 173; cfr. anche p. 169 e *Raffaello e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri dal 26 settembre al 30 novembre 1992, a cura di Corrado Gizzi, Milano-Firenze, Charta, 1992, p. 163.

Nel parlare della *Commedia*, non si può fare a meno di sottolineare il particolare successo che in tutti i secoli ha avuto la sua prima cantica, l'*Inferno*. Non che il *Purgatorio* e il *Paradiso* siano poco significativi, ma certo l'*Inferno*, per il tema trattato, per la felicità e la straordinaria originalità del linguaggio utilizzato dall'autore, per la forza espressiva di quasi tutti i suoi canti, rappresenta, a giudizio quasi unanime di tutti i lettori di ogni epoca, il capolavoro inarrivabile del poeta fiorentino. Non a caso, dal XIV secolo fino ad oggi, la prima cantica è quella che ha maggiormente ispirato gli artisti figurativi e il nostro stesso immaginario collettivo. Anzi, si può pacificamente affermare che la figurazione dantesca dell'*Inferno* ha condizionato la nostra visione dell'oltretomba. Anche per questo, oggi, leggere Dante significa capire un po' meglio nel resto del mondo i parametri di riferimento della civiltà occidentale.

Possiamo cominciare il nostro breve viaggio nell'*Inferno* dantesco con una guida di tutto rispetto: la mappa dipinta da Sandro Botticelli (cfr. fig. 3: Sandro Botticelli, *Mappa dell'«Inferno»*, ms. conservato in parte, 88 fogli, a Berlino e in parte, 7 fogli, nella Biblioteca Apostolica Vaticana, risalente al 1496 circa; si tratta di una delle illustrazioni eseguite dall'artista su un codice pergameno con il testo della *Commedia* per Lorenzo di Pierfrancesco de' Medici, cugino di Lorenzo il Magnifico⁸).

Botticelli interpreta finemente il razionalismo medievale dell'architettura dantesca, con i nove cerchi concentrici che si assottigliano man mano che procedono verso il centro della terra, dove è conficcato Lucifer, il principe dei demoni e dei peccatori. La minuziosa descrizione botticelliana mostra la perfetta conoscenza dei versi danteschi, l'amorevole studio del poema e ci induce a pensare che forse anche Dante si dové servire di simili illustrazioni, da lui stesso concepite e disegnate, prima di realizzare il suo capolavoro. Vorrei sottolineare che nel catalogo della mostra botticelliana allestita nel Castello di Torre de' Passeri nel 1990 furono pubblicati per la prima volta i 19 disegni danteschi della prima serie (incisi da Baccio Baldini e

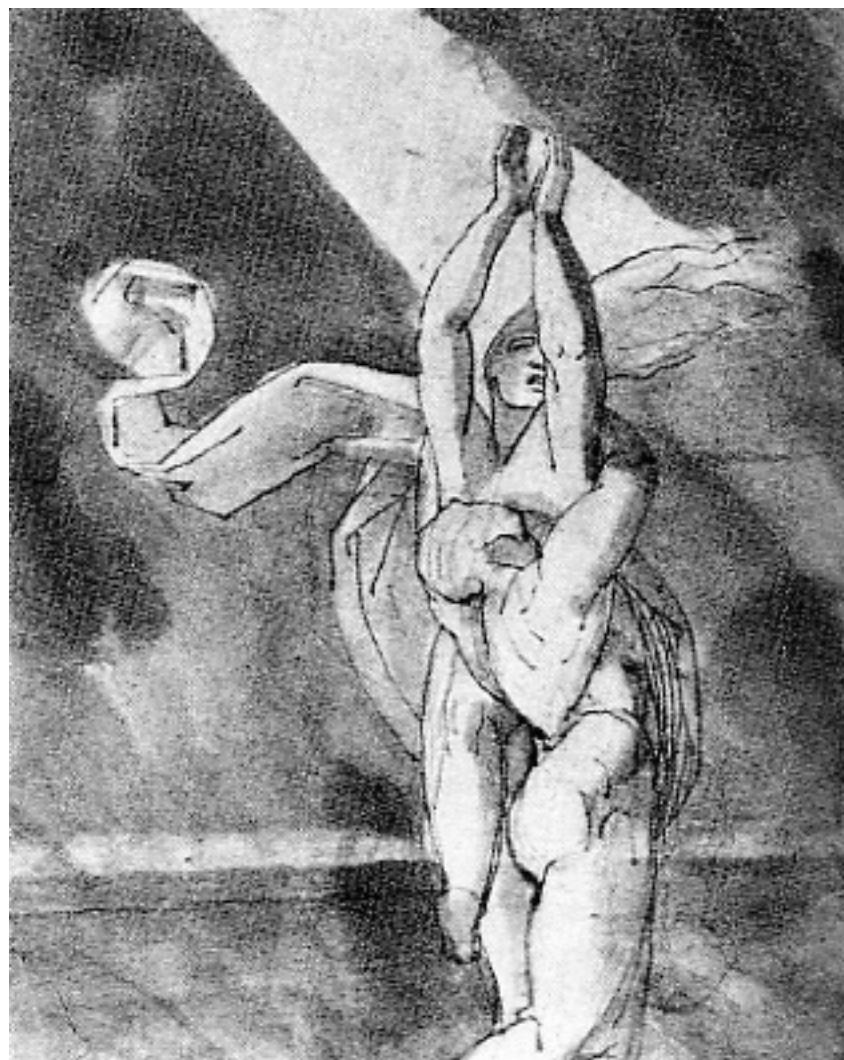
⁸ Cfr. *Dante istoriato*, cit., p. 122; cfr. anche *Botticelli e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri dal 20 ottobre al 30 novembre 1990, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Electa, 1990, p. 105.

collocati all'inizio dei primi canti dell'*Inferno*, nell'edizione della *Commedia* stampata a Firenze il 30 agosto 1481, presso Niccolò della Magna, con il commento di Cristoforo Landino) e i 92 della seconda serie (8 disegni, conservati a Roma presso la Biblioteca Apostolica Vaticana e 84 a Berlino, presso i musei Dahlem e Kupferstichkabinet). Recentemente i 92 disegni della seconda serie sono stati ripubblicati a Parigi, per cura dello storico dell'arte e direttore degli archivi di Berlino Peter Dreyer, dalla casa editrice Dyane De Selliers.

Una delle figure più riuscite della *Commedia* è senz'altro Caronte, il demonio traghettatore delle anime infernali attraverso il fiume Acheronte⁹. Il poeta latino Virgilio aveva rappresentato questo personaggio in versi di grande forza espressiva, ma è il Caronte di Dante, così medievale e pure così moderno nella sua rudezza, ad essersi imposto nelle coscienze del mondo occidentale, anche grazie alle numerose raffigurazioni di pittori e scultori che si ispirarono al canto dantesco per delinearne la figura e le movenze. Ma l'episodio certamente più famoso della *Commedia* è quello di Paolo e Francesca nel quinto canto dell'*Inferno*. Numerose sono state le interpretazioni critiche dei versi della *Commedia* che riguardano i due amanti sfortunati, e ancora oggi sono decine e decine gli studiosi che propongono riletture di questo canto. Certo, non si può pensare che Dante avesse una visione moderna dell'amore adulterio di Paolo e Francesca, come si poté credere durante il Romanticismo e come ancora oggi molti pensano (cfr. fig. 4: Johann Heinrich Füssli, *Paolo e Francesca sorpresi da Gianciotto*, Kunsthäus, Zurigo, 1808¹⁰).

⁹ Una rappresentazione particolarmente riuscita del personaggio dantesco mi pare quella di Francesco Scaramuzza (XIX sec.); cfr. *Scaramuzza e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri dal 5 ottobre al 30 novembre 1996, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Electa, 1996, p. 110.

¹⁰ Cfr. *Dante istoriato*, cit., p. 357; cfr. anche *Füssli e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri, settembre-ottobre 1985, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Mazzotta, 1985, pp. 133 e 139.

Un simile tentativo di lettura modernizzante è da rigettare in quanto antistorico, ma d'altra parte è innegabile la “modernità” di Dante che guarda all'omicidio dei due amanti da parte di Gianciotto Malatesta, marito di Francesca, come a un delitto barbaro, disumano e ingiustificabile, se pensiamo che in Italia il cosiddetto “delitto d'onore”, in presenza di un flagrante adulterio, è stato trattato per secoli con molta indulgenza, anche dalla legislazione pubblica. Nello svenimento di Dante dinanzi al racconto dello sfortunato amore della coppia si potrebbe anche vedere un riferimento al pericolo che egli stesso e i suoi amici stilnovisti avevano corso, quando da giovani avevano teorizzato e praticato l'amore platonico come fonte di ispirazione poetica e di raffinamento spirituale. Questa fase dell'esperienza umana e amorosa di Dante, all'epoca della *Vita nova*, da lui composta prima della *Commedia*, è stata il soggetto

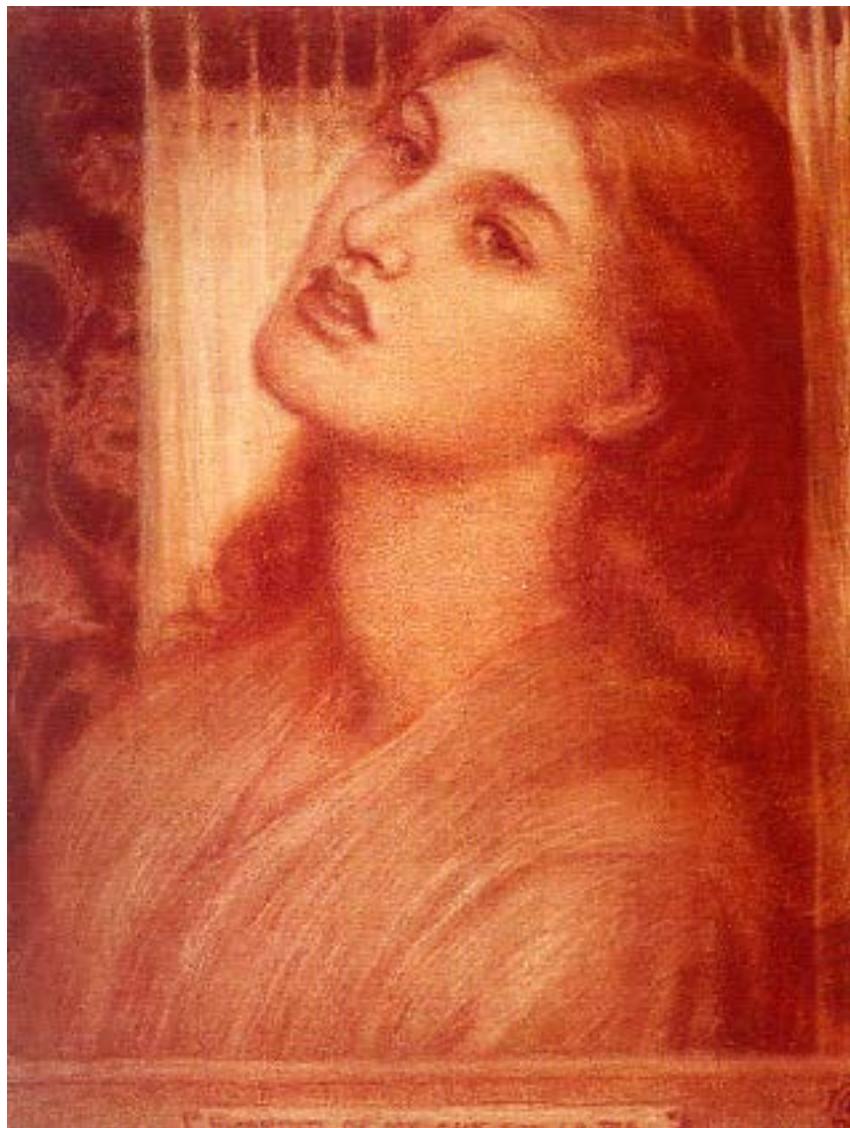
di numerose e significative opere del già citato Dante Gabriel Rossetti nel Romanticismo¹¹.

Se nell'*Inferno* Dante diede prova di grande immaginazione, nel fondere miti classici e notizie tratte dai testi sacri, è nel *Purgatorio* che egli fu veramente innovativo, nella concezione teologica e nella risoluzione di problemi che concernevano lo stesso impianto di questo secondo regno dell'aldilà. Infatti, le notizie sulla credenza in un *Purgatorio* prima del poema dantesco sono confuse e contraddittorie, poiché la maggior parte delle fonti sacre e dei testi dei padri della Chiesa si soffermano soprattutto su un *Inferno* e un *Paradiso*. Dante arriva a concepire un mondo intermedio, perfettamente corrispondente agli altri due, organizzato tenendo sistematicamente a modello il numero sacro 9, multiplo di 3, indicante la perfezione della Trinità (anche il *Purgatorio*, infatti, è diviso in nove settori più l'Eden, così come l'*Inferno* in nove cerchi più l'Antinferno e il *Paradiso* in nove cieli più l'Empireo). Anche molte scene del *Purgatorio* presentano notevoli affinità con altrettante della cantica precedente e di quella seguente, a cui risultano collegate anche strutturalmente. Già dai primi canti del *Purgatorio* il percorso di Dante e Virgilio sembra ripetere, con variazioni di atmosfera e di tono, quello intrapreso nell'*Inferno*. Infatti, come nella prima cantica Caronte svolgeva il compito di traghettare le anime dei dannati sull'altra sponda dell'Acheronte, nella seconda è un Angelo nocchiero a trasportare le anime su una navicella fino alla spiaggia dell'Antipurgatorio¹². Se il quinto canto dell'*Inferno* era stato dominato dalla figura di Francesca, il quinto del *Purgatorio* presenta un'altra donna dai forti lineamenti psicologici, Pia dei Tolomei, uccisa dal marito Nello dei Pannocchiechi, per gelosia o per la prospettiva di un nuovo matrimonio (cfr. fig. 5: Dante Gabriel Rossetti, studio per la *Pia dei Tolomei*, *Purgatorio*, V, vv. 130-36, gesso rosso e bianco, con un po' di nero, Fitzwilliam Museum, Cambridge, 1868¹³).

¹¹ Cfr. per es. Dante Gabriel Rossetti, *Dantis Amor*, olio su tela, Tate Gallery, Londra, 1860, in *Dante istoriato*, cit., p. 51; cfr. anche *Dante Gabriel Rossetti e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri, settembre-ottobre 1984, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Mazzotta, 1984, pp. 151-185.

¹² Cfr. *Dante istoriato*, cit., p. 386; cfr. anche *Koch e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri, settembre-ottobre 1988, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Mazzotta, 1988, p. 26.

¹³ Cfr. *Dante istoriato*, cit., p. 51; cfr. *Dante Gabriel Rossetti e Dante*, cit., pp. 129, 155 e 193-94.

Ma anche Pia, come gli altri peccatori che tardarono a pentirsi e morirono di morte violenta, è condannata ad attendere nell'Antipurgatorio prima di poter accedere alle balze della montagna purgatoriale per espiare le proprie colpe terrene. Finalmente, nel canto XXX, Dante può rivedere Beatrice, la donna a cui era stato legato da un amore stilnovistico e che era morta molto prematuramente (cfr. fig. 6: Alberto Martini, *Purgatorio*, XXX, *Beatrice, quasi ammiraglio in su la sponda*, guazzo su cartoncino, collezione Tischer, Saronno, 1920-40¹⁴).

¹⁴ Cfr. *Dante istoriato*, cit., p. 105; cfr. anche *Alberto Martini e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri dal 23 settembre al 30 novembre 1989, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Electa, 1989, p. 171.

La figura di Beatrice è stata interpretata in vario modo dalla critica, ora come quella di una donna reale di cui Dante sarebbe stato veramente innamorato, ora come un'immagine meramente simbolica, adoperata nel periodo stilnovistico del poeta per interpretare il ruolo di donna angelicata e poi nella *Commedia* a rappresentare la teologia. Tuttavia, generazioni di lettori e di artisti che si sono ispirati nelle loro opere ai versi danteschi, fino ad oggi, hanno voluto vedere in Beatrice una donna reale,

addirittura l'unica donna amata dal poeta, che peraltro aveva anche moglie e figli. Forse ciò dipende dal bisogno quasi innato che abbiamo di credere nella veridicità delle invenzioni letterarie, oppure dall'indubbia capacità di seduzione del tema dell'amore “eterno”, perdurante oltre la morte della donna amata. Comunque sia, Beatrice nella *Commedia* è anche chiamata a svolgere la sua funzione di guida simbolica nei cieli del *Paradiso*, analogamente a quanto aveva fatto Virgilio fino al canto XXIX del *Purgatorio*. Anzi, Beatrice ha anche il compito di rimproverare severamente Dante per i suoi peccati, affinché egli si penta e si prepari alla vista dei beati.

Nella terza cantica, Dante immagina di ascendere da un cielo all'altro, tra un'atmosfera di crescente luminosità e armonia musicale. Una delle figure più riuscite del *Paradiso* è senz'altro Francesco d'Assisi, particolarmente amato da Dante per l'esempio di povertà che aveva dato a tutta la cristianità, nel momento in cui la corruzione della Chiesa ne stava minando le radici; la critica più recente è d'accordo nel ritenere che Giotto e Dante fossero entrambi influenzati dall'*Arbor vitae* scritto da Ubertino da Casale nel 1305 e dalla dottrina francescana “spirituale”¹⁵. Nel canto XXIX, troviamo un'altra affermazione dantesca che fece molto riflettere i contemporanei e le generazioni successive, quando Dante si scaglia contro le interpretazioni riduttive o capziose dei testi sacri: «Non vi [sulla terra] si pensa quanto sangue costa / seminarla [la divina scrittura] nel mondo e quanto piace / chi umilmente con essa s'accosta» (*Paradiso*, XXIX, vv. 91-93). Tali versi furono presi come spunto da molti artisti per la raffigurazione della *Pietà di Maria*, come monito a tutti gli uomini del sacrificio del sangue di Gesù (cfr. fig. 7: Michelangelo, disegno della *Pietà* per Vittoria Colonna, Isabella Stewart Gardner Museum, Boston, prima metà del XVI secolo¹⁶).

¹⁵ Cfr. Giotto, *La rinuncia degli averi di Francesco*, *Paradiso*, XI, vv. 55-63, affresco della parte inferiore della navata della Chiesa Superiore di San Francesco in Assisi, primi anni del XIV secolo, in *Giotto e Dante*, cit., p. 32.

¹⁶ Cfr. *Dante istoriato*, cit., p. 273; cfr. *Michelangelo e Dante*, catalogo della mostra svoltasi nel Castello Gizzi a Torre de' Passeri dal 30 settembre al 30 novembre 1995, a cura di Corrado Gizzi, Milano, Electa, 1995, p. 96.

Abbiamo così concluso il nostro viaggio nei territori della fantasia dantesca, consapevoli di aver dato solo un piccolo assaggio delle molteplici implicazioni ideologiche e tematiche del capolavoro della letteratura italiana, visto dalla prospettiva tutta particolare di tanti artisti, dal Trecento ad oggi. Le numerose opere ispirate alla *Commedia*, di cui noi abbiamo presentato alcune tra quelle esposte nei ventiquattro anni di attività della Casa di Dante in Abruzzo, mostrano quanta parte della cultura occidentale si sia fondata su questo poema per disegnare le coordinate intellettuali della nostra civiltà. Ora, nel momento in cui ci presentiamo a dialogare con le altre grandi civiltà del mondo, dopo tanti secoli di eccessiva chiusura culturale nel nostro microcosmo occidentale, Dante ci può forse aiutare a gettare un ponte per

un reciproco avvicinamento, sulla base di valori comuni e universali dell'intera umanità.

ЛОГОС. ЭТОС. МИФ: ЛИКИ И ОТБЛИКИ КУЛЬТУР – V

УДК 82-3

*Веселова Светлана Борисовна
член Международной ассоциации
арт-критиков и историков искусства AICA
artlocustransit@mail.ru*

ИГРА С МНЕМОСИНОЙ КАК УЗНАВАНИЕ НЕУЗНАВАЕМОГО (БЕРЛИНСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА НАБОКОВА)

Две разные перспективы рассмотрения игры Набокова с традицией прекрасного в горизонте порядка и хаоса, Эроса и Танатоса и игры с Памятью как мерой предельного погружения души в безмерность становления, растягивающей себя в интервале прошлого и будущего, создают стереоскопический эффект видения, попытку отгадать загадку автора. Романы Набокова не только написаны, но и нарисованы с использованием приемов экспрессионистского кинематографа UFA.

Ключевые слова: Набоков, память, игра, желание, космология, искусство, роман.

*Veselova Svetlana Borisovna
Play with Mnemosyne as a Recognition of an Unrecognizable
(The Berlin Period of V. Nabokov's Work)*

Two different perspectives on examining Nabokov's game with a tradition of beautiful in the horizon of order and chaos, Eros and Thanatos, and playing with Memory as a measure of the ultimate immersion of the soul in the immensity of becoming, stretching itself in the interval of the past and future create a stereoscopic vision effect, an attempt to guess the author's riddle. Note that Nabokov's novels are not only written, but also painted using the techniques of expressionist UFA cinema.

Key words: Nabokov, memory, play, desire, cosmology, art, novel.

Данная статья является продолжением нашего очерка «Берлинский период творчества Набокова как игра с традицией немецкой эстетики», который должен выйти в петербургском журнале «*Terra aestheticae*» [4].

В 1922 году Набоков на волне русской эмиграции прибывает в Берлин. Не позволяя навязать себе позу ностальгирующего изгнанника, он оказывается одновременно везде и нигде. Отказываясь от места «своего» в эмигрантских сообществах, высмеивая высокопарный тон утративших «серебряный век» изгнанников, пренебрегая литературными кругами, за исключением общества Айхенвальда и Ходасевича, Набоков дает немецким юношам и девушкам уроки

тенниса и бокса, «торгует своей тенью», снимаясь статистом на киностудии UFA, и отказывается от подобающей буржуа работы служащего банка, куда его устраивает отец невесты Светланы Северт.

Постоянно путавший имена литературных мэтров, заимствующий у них тексты без кавычек и ссылок «не узнавать знакомых, обращаться, после многих лет знакомства, к Ивану Иванычу как к Ивану Петровичу, называть Нину Николаевну – Ниной Александровной, книгу стихов «На западе» публично назвать «На заднице», смывать с лица земли презрением когда-то милого ему человека, насмехаться над расположенным к нему человеком печатно (как в рецензии на «Пещеру» Алданова), взять все, что можно, у знаменитого автора и потом сказать, что он никогда не читал его» [3], «одинокий и надмененный» Набоков в Берлине не снимет маску-псевдоним Сирин и под этим щитом войдет в литературную игру.

Киргизская сказка через «очки Мнемосины»

Судьба ведет нас, шествуя из детства, из его игр, из его сказок. Мы становимся теми, в кого играли, если конечно с годами не превращаемся в трусов, выдающих познание – за мир, психоанализ – за душу, теорию бессознательного – за тайну. И если и вправду у Мнемосины есть очки, как полагал Набоков, что отыскивают в пропущенном прежде фрагменте целый каскад переходов к безграничному полю Памяти, то как соединить разрозненные детали, в которых Память хоронит и хранит себя в забвении? Высвобождающее воспоминание может обернуться и чудом встречи с тайной, и катастрофой разрыва жизни, и психоаналитической терапией. Воспоминание может быть спонтанным, а может быть результатом процесса взглядывания, рождающего длительность, пронизывающую прошлое и будущее. Приводя душу в движение, по ту и по эту сторону глубины, между тем, что мы вспоминаем, и тем, что забыли, воспоминание задает парадоксальное движение в будущее и в прошлое, интервал которого не определен и уводит взгляд к чудовищно ускользающим точкам вселенной. Так, сидя в парикмахерской, бросаешь взгляд в зеркало, ожидая увидеть там свое лицо, и неожиданно обнаруживаешь в нем спину неизвестного прохожего, «уходящего в отвлеченный мир, – который вдруг перестает быть забавным и обдает душу волною ужаса». Беспечно он уносит замершую душу в Замирье – царство памяти Вселенной – Мнемосины, отделенной от нас «глухой стеной времени Жизни».

«Я готов был стать единоверцем последнего шамана, только бы не отказаться от внутреннего убеждения, что себя я невижу в вечности лишь из-за земного времени, глухой стеной окружающего жизнь... я не совсем понимал, что безграничное на первый взгляд время есть на самом деле круглая крепость» [10].

Память Вселенной существует в себе (оставаясь мне внешней), со мной (в припоминании) и без меня. Явление Памяти в припоминании (анамнезисе) отделяет ее от самой себя. Являясь, она перестает совпадать с самой собой, различается с собой через вспоминающего. Тайна, которую представляет Память, для меня становится и тайной Памяти, коли в момент моего припоминания она растождествляется. Память, припоминаясь через человека, приоткрывает всегда часть закрытых карт, сочетая их в разных комбинациях. Память гетерогенна: границы разводят разные состояния воспоминания. Не в эти ли комбинации попадается герой Набокова Лужин, перемещая по полю черных и белых квадратов воспоминания и забвения фигуры?

В игре памяти судьба рассказчика оказывается опаснее судьбы писателя.

Деррида, ссылаясь на «Теэтета» Платона, выстраивает обвинительный список против письма: Письмо протягивает руку гипомнезии (мнемотехнике), а не живой памяти. Письмо противостоит чуду анамнезиса, оно заменяет живую память вспомогательной, органа – протезом, член тела – вещью, настоящее воспроизведение памяти — механическим и пассивным «выучиванием наизусть» [7, с. 133].

Письмо, разрывая, раскалывая восковую табличку памяти, пытается закрыть разрыв знаками, персонами, масками, укрывая автора, тогда как рассказчик-странник выступает с непокрытой головой. В отличие от сказа, письмо – двойник Памяти. Письмо появляется только с написанием Закона, тогда как память содержит весь процесс Творения, что всегда уже предшествует человеку: Свет, Отделение дня от ночи, Протяженность (что есть двойничество), Светила, действиям которых подвластны тела, Чувства восприятия, Человек, Закон = появление письма. Или же в герметической традиции в «театре Памяти Камилло»: Простые элементы, смешение в Пещере, Разум, Соединение души и тела, действие, искусства и науки, религия и законы = письмо.

Письмо, которым пишут закон, – лишь эхо памяти, остается за коном. А что или кого бросают на кон? Кто и что ставит на кон? К Памяти восходят в пробуждающем душу анамнезисе, письмо же нисходит в гипомнезисе к отображениям на память. Платон, пересказывая египетский миф о боге письма [Федр. 13, 275a], говорит о письме как о средстве не запоминания, а забвения. Память отлична от записи на память. В записи память сохраняется в форме забвения. Судьба рассказчика-странника теряется в пространстве, не вписывается в книгу сына: В Романе «Дар» отец Федора (гений, соединяющий своим существованием множество регистров, он – путешественник, ученый, практический исследователь Центральной Азии, титанический труженик, ему присущи способность любить и искрящееся остроумие), исчезает где-то в неписанной памяти вселенной – в неистовом движении войн, революций и

научных экспедиций, чтобы являться в воображении и снах сына. Сын вспоминает о нем как о Боге, не веря, что отец мог умереть. Стойная, ясная книга о нем никак не складывается у сына, растворяется во тьме черновиков, но остается рассказанная киргизская сказка, ведущая от отца – рассказчика-странника к сыну-писателю:

«Единственный сын великого хана, заблудившись во время охоты (чем начинаются лучшие сказки и кончаются лучшие жизни), заприметил между деревьями какое-то сверкание. Приблизившись, он увидел, что это собирает хворост девушка в платье из рыбьей чешуи; однако не мог решить, что именно сверкало так, лицо ее или одежда. Пойдя с ней к ее старухе матери, царевич предложил дать в калым кусок золота с конскую голову. «Нет, – сказала невеста, – а вот возьми этот мешочек – он, видишь, едва больше наперстка, да и наполни его». Царевич, рассмеявшись («И одна, – говорит, – не войдет»), бросил туда монету, бросил другую, третью, а там и все бывшие при нем. Весьма озадаченный, пошел он к своему отцу. Все сокровища собрав, все в мешочек побросав, хан опустошил казну, ухо приложил ко дну, накидал еще вдвое, – только звякает на дне. Призвали старуху: «Это, – говорит, – человеческий глаз, хотящий вместить все на свете», – взяла щепотку земли да и разом мешочек наполнила»[9, с. 121].

Сказка – скатерть самобранка намеков – уроков и мудрости. Охотник идет. За чем? За истиной, душой, правдой? Он выпадает из своего хода благодаря случаю. Ему выпадает случай. В отличие от разума, не признающего случай, вытесняющего случай на периферию логической связи понятий, сказка делает его своей средой обитания. Случай и сверкает – соблазняет, и оказывается мешком без дна. Можно провалиться – случай! Можно получить дар видения мира, полнота которого отступает во тьму невидимого, в восковую подложку памяти, недостижимо внутреннюю и внешнюю одновременно. Притча рассказывает о «бездонном оке» художника, через которого Вселенная поминает/припоминает себя. Русское слово при-по-минание удерживает вблизи что-то, о чем уже отслужили поминки (закрыли гробовой крышкой) через приставку при-, обращается к минувшему – поминает, окликает по имени – по-именование, или выкликает имена, мнится в протяженном, суть которого – двойничество, дает найти или пройти мимо незаметно-главного. Сколь скоры мы на переходы, переносы невыносимого, столь непроходима для нас «глухая стена времени», оставляющая Память закрытой, внешней нам. Вселенская Память не вместима человеком, влечет к чудовищно ускользающим точкам, где начинают действовать законы возможных и невозможных совпадений, опасные случайности.

Динамическая модель памяти

Настоящее проскальзывает, чтобы

вернуться из будущего всеобъемлющим
Виталий Караваев

Момент интервала, что
свойственен времени, невозможно отмыслить без
риска полностью растворить время в пространстве
Виталий Караваев

В «Федре» Платон превозносит Память как источник озарения (знания-припоминания), отличая ее от письма на память. Память –

«то место души, отправляясь от которого она только и может предстать перед светом божественного знания». Парадоксальным образом сама память, которая гарантировала возможность знания, оборачивалась также и препятствием для него, поскольку именно в памяти и совершалось изначальное отступление от прямого усмотрения истины. Возможно, по этой самой причине в «Теэтете» память исключается из рассуждения о знании, зато теперь она оказывается условием уже не мнимого, а вполне реального незнания, в той мере, в какой реальным может быть сама мимость и небытие чего бы то ни было» [15].

В «Теэтете» же Платон, напротив, отводит памяти низшее место в процедуре познания, ибо анамнезис, в отличие от гипомнезиса, делает познание слишком опасным, выводя адепта из контура номоса (=закона =письма). Божественный воск таблиц памяти может расплываться под лучами Солнца, коль им скрепляют крылья Икара, крылья души, устремленной к Истине. Удерживаясь на границе прошлого и будущего, память оказывается мерой предельного погружения души в безмерность становления. В волнах памяти, которую Волошин сравнивает с океаном, можно утонуть. Воспоминание тревожит душу, приводя в смешение предельное и беспредельное, знание и незнание, истину и обман, вынося на самую границу тождественного и иного, в точку их соприкосновения и разделения, внутрь раздилки, двоения, морока и рока. Поэтому память может быть не только источником правильного мнения, но и ошибки. Память – не только забытое знание истины, она работает и как принтер ощущений, сорных минувших мыслей, заученных чужих мнений и знаний. В процессе познания мы обращаемся к ней как к клетке с голубями, чтобы выхватить первого попавшегося, что может оказаться и ложным для познания. Однако можно ведь выхватить и того самого голубя. А держать его в руках (вспомнить) – не то же самое, что знать, что он есть в клетке. На пути к Истине Платона не устраивает случайность в выхватывании верного воспоминания, и он делает ставку на беспредпосылочное диалектическое мышление, связывающее понятия.

Следующий шаг в сторону динамической концепции памяти делает Аристотель. В “*De memoria et reminiscētia*” («О памяти и припоминании») он различает *tnētē* и *anamnēsis*: память-чувство и припоминание-действие. Отпечаток, или внутренний рисунок, вызывающий чувство, есть результат

движения души (*kinēsis*), след действия. Отпечаток отсылает и к внутреннему рисунку (подверженному подражанию), и к внешнему действию (причине). «В припоминании изменения (*kinēsis*) в душе следуют одно за другим» [Аристотель. 2, 451b 10]. Простое воспоминание возникает так, как возникает чувство, тогда как вызывание в памяти состоит в активном поиске. Припоминание приводит душу в движение. Припоминание производит в душе забытое, но испытанное ранее под чьим-то воздействием, движение. Душа узнает себя в забытом движении. Воспроизведение забытых движений приводит душу в смятение, поэтому воспоминание нуждается в дисциплине. Аристотель различает объекты памяти и процессы памяти. Если память можно рассматривать как «клетку с голубями» Платона, то припоминание производит изменения в душе, которая в движении растяжения в прошлое ищет утраченное ею, совершенное некогда движение. Припоминание – это движение о движении: мера интенсивности предельных волнений души на границе утраченного и открывающегося в воспоминании движения.

Чем приводится в движение вспоминающая душа? Для Аристотеля – общим чувством, что в сердце, для Плотина – силой. Отрицая концепцию отпечатков в душе, Плотин связывает припоминание с силой души. «Воспоминание – не обнаружение печатей, а усиление души, мера усилия души» [14, с. 170]. Душа может познавать то, чем некоторым образом становится, а не то, что запечатывает в себе. Она познает это, не переселяясь в него, но некоторым образом имея его, видя его и будучи им, хоть и не в столь явной степени. А из этого смутного состояния она становится более явным, как бы пробуждаясь и двигаясь из возможности в действие. «Душа помнит то, относительно чего она стала сильной и сохранила такое расположение навеки». Но как понять память души «того, относительно чего она стала сильной»? Не проходит ли путь силы душа через фрустрацию, пробуждающую ото сна привычки к анамнезису?

Таким образом происходит разработка динамической модели памяти. Аристотель, хоть и оставляет память как «отпечатки на восковой дощечке» души, но уже видит в них результат «движения» души (*kinēsis*), след действия. Припоминание как попытка воспроизвести забытое движение души приводит душу в смятение, и пока душа ищет утраченное ею движение, воспоминание нуждается в дисциплине. Плотин же делает вспоминающую душу активной, наделяя силой и способностью переноситься в то, о чем она вспоминает. Некоторым образом, душа становится тем, что вспоминает, переселяется в него. Граница припоминания Плотина безгранична, душа асимптотически сливаются с Единым, тогда как глубина границы припоминания – не место интереса Платона. Он предпочитает припоминанию, погружающему душу в безмерное становление или разрушение, связанное с чувством удовольствия, «чистейшее разумение», связывающее понятия логически (Филеб 54c). Глубина различия

между тем, что мы вспоминаем, и забыли (утратили), – двойное парадоксальное движение в прошлое и будущее. Вспоминать можно только в будущее – к встрече с утраченным. Забвение направлено в прошлое, оно удерживало в забытии.

В припоминании душа растягивается, «движение – *kinesis*» (Аристотеля) или «сила души» (Плотина) позволяет ей дотянуться до другого или даже продолжиться в другом. Припоминание пытается соединить, тогда как память и хранит, и хоронит, закрывает могильной плитой, сохраняет себя в забытом. Августин говорит: «хранение идет бок о бок с погребением» [Исповедь, 1, X, XVI, 25]. Если бы мы все помнили, различия между прошлым и настоящим не было. Коли припоминание можно отнести к пульсации потока, к стремлению, – оно связано с Эросом, с возбуждением, с «состояниями любви», тогда как Память — оператор Танатоса — схоранивать и хоронить. Припоминание движется силой Эроса, однако, производя смертельные разрывы жизни. «Любовь безумна и слепа». Зрячей любовь делают следы смерти. Глаза Эросу открывает Танатос. Припоминание впускает утраченное, что возвращается, приходит или настигает из уже другого промежутка времени по отношению к давнему моменту происшествия, вызывая или новую встречу или разрыв в настоящем – катастрофу (буквально – разрыв строки). Время всегда тогда, когда он когда-то.

Творчество Набокова – опасная игра с Мнемосиной, в которой то и дело силы Эроса и Танатоса открывают и закрывают карты Памяти, создавая из них узоры и комбинации через воспоминания и забвение героев. Жить – значит иметь силу забывать – открывать одни и закрывать другие карты, умереть – попасть во всю тотальность Памяти. Однако, как Танатос всегда предстает в формах Эроса (иначе – смерть, кома, агония), так и Память протягивается в движении припоминания и создает между полюсами «безжалостно-правильно развивающийся узор» судьбы, «что тешит до поры и нас, и тех, кто в ту игру играет». Амплитуда припоминания может нарастать как спонтанно, так и требовать силы души – напряженного взгляда, рождающего длительность, пронизывающую разрывы времени между прошлым и будущим. «Я как будто помню свои будущие вещи, хотя даже не знаю, о чем будут они. Вспомню окончательно и напишу», — говорит Зине герой романа «Дар» Набокова [9, с. 174].

Родом из детства

*Допускаю, что я не в меру привязан к
самым ранним своим впечатлениям. И вот я
стою на коленях — классическая поза детства! —
на полу, на постели, над игрушкой — ни над чем.
Владимир Набоков*

*Я не совсем понимал, что безграничное на
первый взгляд время есть на самом деле круглая крепость.*

*Не умев пробиться в свою вечность, я обратился к
изучению ее пограничной полосы — моего младенчества.*

Владимир Набоков

Память Вселенной занимает особое место в искусстве символизма. Волошин сравнивал память бессознательного с океаном, в котором можно утонуть.

«Наше «я» – свиток. Наше тело – летопись мира. Оно есть точный отпечаток всей нашей эволюции во вселенной. Искрой сознания освещены только самые последние строки этого гигантского свитка. Если бы мы могли развернуть его, то в извилинах нашего мозга раскрылась бы вся человеческая история; если бы мы смогли пройти сознанием по всем разветвлениям нашей нервной системы, то мы бы узнали изнутри историю царства позвоночных, в кровеносной системе угадали бы волны, течения, приливы и отливы древнего океана» [6, с. 349].

С конца 1917 года до начала 1919 года Набоков был вынужден задержаться в Крыму, где он много читает и пишет стихи в дружеском общении с поэтом-символистом Максимилианом Волошиным. Через него он знакомится с Андреем Белым и с Ницшеанской философской концепцией дионисийства, которой были преданы русские символисты. В очерке «Театр как сновидение» (1912-13гг) Волошин показывает контраст аполлонических и дионисийских сил в «Рождении Трагедии» и развивает Ницшеанский образ творения как аморальной игры ребенка, замечая, что детские игры, в которые мы играли когда-то во всех своих формах, предвещают фундаментальные условия движения духа в нас – взрослых. Детство – дионисийский момент нашего становления взрослыми, когда мы воспринимаем себя вне исторического времени.

«В игре творческий океан ночи течет широкими ручьями в узкие и скучные сферы дневного сознания... Только тот, кто наделен неиссякаемой способностью превращать реалии обычной дневной жизни в секреты игры, которая протягивает сквозь эти реалии поток ночного времени, тот, кто продлевает свой период детства игры — тот станет художником» [6, с. 353].

Волошин выделяет три вида детских игр: активную, жестокую игру, рожденную движением, соответствующую оргиастическому состоянию Диониса – танцы Диониса, и спокойное созерцание мимолетных образов – творческого преобразования мира. У взрослого человека этот тип игры становится поэтическим творением. В 1907 г. Волошин опубликовал статью

«Откровения детских игр». Волошин цитирует фрагмент эссе своей ученицы Аделаиды Герцык «Из мира детских игр»:

«дети создают свои собственные обряды и загадки и ревниво защищают свою игру от понимания взрослых... Так образуется внутренний замкнутый круг, куда не врываются жизненные впечатления. Непонимание взрослых оскорбляет их и является причиной, чтобы запереться еще глубже в себе. Такие дети начинают развивать тайные языки детства, частные системы символизма, который они проецируют на существующие взрослые карты, сценарии и алгебры» [5, с. 499].

Не дешифруемые языком взрослых крипты памяти (языки детства), становятся тайной и потерянной родиной обретения могущества, к которой всегда пытается вернуться взрослый в момент фрустрации или краха. «Домой», – говорит Лужин, оказываясь под шахом в решающей партии с Турати. При этом самым загадочным остается не-место «дома» – шахматной доски, которая в детстве становится спасительной цитаделью, потом тюрьмой и, наконец, пыточной камерой героя – местом изоляции, где, пытаясь достичь могущества в шахматной игре, герой не замечает, как постепенно исключает игру из шахмат, не замечает, как в динамике игры разворачивающихся миров Вселенной операция истинности начинает лгаться, а достижение могущества заменяется повторением фигуры (формально-логической), в котором могущество было достигнуто. Но не таит ли ясность сознания слепоты? Организованная на шахматной доске «защита» – круговая оборона против мира ребенка-Лужина – переживает свое первоначальное назначение и становится защитой от игры Вселенной.

Прежде чем подставить «под шах» Лужина, Набоков дает своему герою испытать могущество сил Вселенной в игре с закрытыми глазами. Закрытые глаза выводят из забвения древний атTRACTор энергий, мозг начинает каскадным образом высвобождать работу разных участков. Душа приходит в движение: «В припоминании изменения (*kinēsis*) в душе следуют одно за другим» (Аристотель, 2, 451b) [10]. Комбинации шахматных фигур становятся не шагами формально-логических операций, а капсулами энергий. Переход от комбинации к комбинации ведется исключительно по наитию, интуитивно в коллективном взаимодействии (санс одновременной игры). Взаимодействие и динамика таких состояний сложна и трудно поддается дискретным обобщениям:

«он отчетливо чувствовал, что тот или другой воображаемый квадрат занят определенной сосредоточенной силой, так что движение фигуры представлялось ему как разряд, как удар, как молния, — и все шахматное поле трепетало от напряжения, и над этим напряжением он властвовал, тут собирая, там освобождая электрическую силу» [11].

В двадцатые годы в Германии разрабатываются альтернативные исследования памяти как передачи и сохранения энергии в динамической сети мира, в частности Рихардом Земаном, повлиявшим на создание «Атласа Мнемосины» Аби Варбурга. Для эпохи развития естественнонаучного знания память не кумулятивна, а интегративна и является функцией от эмоциональных энергий огромной силы (агрессия, тоска, экстаз, утрата) – древних движений, оставивших следы, метки, энграммы, не локальные, а скорее бессознательно-смежные. Удерживаясь на грани знания и незнания, физиологи, философы, танцоры, искусствоведы (Земан, Штайнер, Лабан, Варбург) экспериментировали и искали способы резонансного подключения к нелокализованной памяти-сети через коллективные практики танца, спиритических сеансов, созерцаний. Таинственные потоки (живой материи) нейронов совсем иной природы, чем социальное поведение, психологические паттерны или рациональность взаимодействуют подобно бильярдным шарам, которыми кто-то играет. Как если бы сублиминальные потоки сами строили и разрушали связи между участниками и одни люди ненамеренно или намеренно включались бы в глубинные химические процессы других людей. Находясь в немецкоязычной среде, невозможно было не знать об этих исследованиях, коль скоро к ним прибегали и идеологи рейха, и кинематограф Лени Рифеншталь, строя орнамент масс.

«Безжалостно-правильно развивающийся узор»

Узор, который тешит до поры
И нас — и тех, кто в ту игру играет.
Не важно, кто. К нам свет не достигает
Их тайного жилья, но всякий час,
В игре миров, снуют они меж нас
Владимир Набоков

В романе «Защита Лужина» Набоков разворачивает разные фигуры воспоминания, которыми открываются спящие в забвении карты памяти. Дифференциальная кривая идет через то, что мы помним, и то, что забываем: хранение идет бок о бок с погребением. Воспоминание пробуждается забытой мелочью, которая через очки Мнемосины стремительно высвобождает бурю воспоминаний. Явление утраченного может быть новой встречей, но также и катастрофой. Таким образом забытое вновь оказывается в горизонте нашего внимания?

Игра Лужина началась еще до его появления, из воображения отцаписателя, сочиняющего роман о белокуром мальчике-художнике, из способностей деда-музыканта, которые воплотятся в будущие шахматные

партитуры внука. Таким образом, память, что сохраняет себя в форме забвения, получает границу, ограничивается конкретными комбинаторными распределениями воображения, желания, запрета, наследства как дара и проклятия, фигур семейных связей. Воображение лишь создает рамку реальности, не превращаясь в нее напрямую. Отклонение от воли Бога или отца пробирается по линии запретного. Шахматы приходят через становящуюся запретной в доме Лужиных тётю, шахматы – запретная тайна ребенка Лужина. Снятие отцовского табу возможно только через смерть. Табу снимается благодаря долгой болезни Лужина, сопряженной со смертью старика-скрипача, первого учителя шахматных партий. Тогда запретное превращается в свою противоположность: шахматы не только дозволены, но и культивируются отцом, Лужину позволено более не ходить в ненавистную школу и погрузиться в игру. Размен сущности состоялся. Лужину удалось уйти от смерти. Партия отца сыграна и завершена, но не дары тети. Кроме шахмат она дарит книги, две. Прочитанные в детстве, они являются из памяти в свой срок.

В следующем раунде отца заменяет антрепренёр Валентинов, отныне он руководит жизнью и публичной игрой шахматного гения. Но воображения Валентинова достаточно лишь для конвертации шахматной игры, в которой он ничего не понимает, в кругообразование капитала и извлечение прибыли. Валентинов неожиданно покидает Лужина, уходя в среду кинематографа. Исчезновение Валентинова создает разрыв непрерывности хода привычной жизни шахматиста. В этот разрыв проникает второй дар тети (память прочитанного в книгах детства, свернутая в формулу «сгореть – победить»), чтобы, как и первый ее дар (шахматы), вызвать изменение феноменального горизонта, в котором произойдет катастрофа. Книги, прочитанные в детстве, Лужин «держал в памяти, словно под увеличительным стеклом». Этой лупой, очками Мнемосины, Набоков устроит пожар кульминации романа.

Визуальная анаграмма. Приостановка temporальности нарратива и наделения значением

Прежде чем приступить к дискурсивной стратегии Набокова, сместим перспективу и попытаемся увидеть пространство, которое, подобно режиссеру павильонной съемки немого немецкого кино, выстраивает Набоков: роман все время творится из невидимого перекрестка дискурсивного плана, разворачивающегося во времени, и визуального, строящего рамку или порядок мест. Сознание артикулирует себя либо как длительность, дискурсивная среда, либо как пространственность, порядок мест или рамка. Видеть – это не говорить. Свет – это не язык, – считал Фуко. Однозначный перевод языка образов на язык письменных знаков невозможен, но Набокову важен невидимый перекресток между этими несводимыми сериями. Темпоральность

нарратива, стремящаяся к наделению значением, то и дело приостанавливается насыщением фразы образами объектов. Циркуляция недискурсивных элементов тормозит работу языка, в романе формируется анаграмматический слой. «Внутри текста властвует видеология, имеющая два дополнительных измерения – сектор культурной маркировки, являющийся основной ловушкой для нормативного считывания, и анаграмматический слой, формирующий видеологические объекты» [12].

Итак,

1) Мерцающее через весь роман шахматное поле появляется на протяжении романа то как игральная доска, то как видение шахматных квадратов на дорожке сада, на полу, на асфальте. Фигуры на черных и белых квадратах, словно перемещающиеся от воспоминания к забвению.

2) Визуализированный фантазм линий, которые все время чертит Лужин-школьник:

«Он просто чертил их заново, параллельно друг дружке, и чувствовал при этом, что там, в бесконечности, где он заставил наклонную соскочить, произошла немыслимая катастрофа, неизъяснимое чудо, и он подолгу замирал на этих небесах, где сходят с ума земные линии» [11].

Линии параллельны, обоюдно не ясны, и могут пересечься только в бесконечном. Парадоксально, что точка их пересечения является разрывом, благодаря которому одна линия начинает обрисовывать другую, вырисовываться из другой. Анаграмматической плотности Набоков добивается через наложение третьей фигуры:

3) Треугольник, в котором два соперника, из которых только один достигнет победы, нуждаются друг в друге в качестве системы зеркал, собирая образы трансцендентного друг на друге.

«В упоительных и ужасных дебрях бродила мысль Лужина, встречая в них изредка тревожную мысль Турати, искающую того же, что и он». Он шел, не отставая от Турати. Турати делал пункт, и он делал пункт. Так они двигались, словно взбираясь по сторонам равнобедренного треугольника, и в решительную минуту должны были сойтись на вершине» [11].

Три видеологических объекта складываются в визуальную арматуру (анаграмму) кульминационного события: шахматное поле Памяти: забытого и припоминаемого; линии, Эроса и Танатоса, соскаивающие у горизонта мира в катастрофу или чудо, разрывающиеся, чтобы обрисовывать друг друга; треугольник – соперничество за право стать «абсолютным господином» – масонский символ «око Бога» и «Всевидящее око» из киргизской сказки, через которое Вселенная понимает/помнит/припоминает себя. Кинопавильон режиссера Набокова собран, для вспышки не достает только линзы. Она

появляется из анфилад памяти – из детства. Неожиданное внешнее воздействие может обнаружить в настоящем зеркальную структуру прошлого, вызывающую бурю, помрачение сознания, невозможность продолжить шахматную партию, ибо с этого момента настоящее перестанет принадлежать Лужину, полностью уходит в распоряжение прошлого.

От интеграции с огнем к теням воспоминаний

Кульминация романа будет проходить под знаком Ницшеанской игры. В произведении «О пользе и вреде Истории для жизни» Ницше допускает возможность внеисторического времени, в котором мы оказываемся захваченными внешними космическими трагическими или дионаисийскими силами. Соприкосновение с внеисторическим миром происходит через аффект. Ницше запускает силы разрушения через волю к власти. Для Ницше создавать что-то – значит с самого начала замышлять агентов собственного разрушения. Самосожжение/саморазрушение обменивается на абсолютное господство.

Эта установка («победить – сгореть») передана герою через дар тети – две книги только и прочтенные им в детстве, в одной из которых Филиас Фог наполовину сжег судно на топливо, чтобы прийти в срок, во второй – Шерлок Холмс сжигает легкие, «чтобы, составив монографию о пепле всех видов сигар, пробираться с ним как талисманом сквозь хрустальный лабиринт возможных дедукций к единственному сияющему выводу» [11]. Две книги Лужин «держал в памяти, словно под увеличительным стеклом». «Правильно и безжалостно развивающийся узор», дремлющий в памяти, взорвется. Память тонко включает в себя множество моментов, в которых установки детства сложным образом пробиваются себе дорогу через множество возможных генераторов случайных значений и вероятностей (состояний и ветвлений), пересекаясь в черном ящике памяти.

Явление забытого произойдет вблизи, на границе телесного опыта, на невидимом перекрестке между витальным и структурным: сознание Лужина не может дать ответ на шах Турати, тогда как память человека, попавшего «под шах», бессознательно дает из тела ответ, который не может найти сознание. Ответ, пропущенный сознанием, реализует тело, доставая его из витальной части записи памяти: «победить (найти решение) – сгореть», которую тело тотчас приводит в исполнение – огонь достигает кончиков пальцев. Но и огонь остается незамеченным сознанием. Сознание запаздывает отрефлексировать чувство ожога. Реакция на пропущенную реакцию: «меня обжег огонь» – обнаруживает среди знакомых реакций только неузнаваемую, не-мою, диковинную. Жгучая боль «вне существа» выбрасывает за пределы субъективности, привычно редуцирующей вещи и явления, к шкале человеческого восприятия.

Сознание дважды пропускает ответ и на умозрительном, и на витальном уровне. Лужин оказывается «вне своего существа» и во тьме:

«В огненном просвете он увидел что-то нестерпимо страшное... он понял ужас шахматных бездн, в которые погружался... но в этом был и ужас, и единственная гармония» [11].

Ужас невозможно накопить из множества состояний страха, это самое что ни наесть сингулярное состояние индивида, возможно, – высочайшая форма соединения теории и практики в игре Вселенной. Мощность состояния ужаса возрастает обратно мощности наполнения энергий психофизического состояния. Ужас – вакуум психо-физического, открытость энергиям другого порядка. Боль заставляет отдергивать руку от огня. В точке ката-строфы (разрыва строки) значение приостановлено, смысл подвешен. Мы могли бы продумать другой ход, другую ветку:

«что было бы, если бы в процессе тесно интегрированной смежности с огнем испытывалось как раз удовольствие, а не боль? Разве это не один из возможных ключей к комбинации, что может вести к дополнительным расширениям и приращениям ситуационной рассудительности, возможностям?» [8].

Какой ключ к комбинации находит Лужин? – «Домой – вот ключ». Так Набоков отбрасывает своего героя из интеграции с огнем к распределениям теней воспоминаний. Лужин «вернулся в жизнь не с той стороны, откуда вышел» [11]. Videologическая арматура режиссера Набокова переворачивается, по мере исключения героем из шахмат игры. Побеждают силы тяжести. Линии соскакивают в катастрофу, определяя новый феноменальный горизонт явленности мира Лужину, постепенно спускающемуся в безумие; шахматное поле из игры превращается в симптом, а неотраженный сознанием «огненный просвет» игры Вселенной в попытки закрыть его повторами (узнаваниями) в Берлине «мест обретения могущества» из петербургского детства героя, до тех пор, пока Лужин не встретит у себя в гостиной мальчика из Петербурга, в котором узнает себя самого – ребенка. Лужин полностью совпал с собой. Мы узнаем его имя – Александр Иванович, скрытое в начале романа за родовой фамилией Лужин, что рифмуется с иллюзией, ложью и *ludens* – играющий. Имя названо. Игра закончена.

Рисуя разные фигуры припоминания и забвения, в комбинаторике распределения воображения, желания, запрета, наследства, фигур семейных связей героев, Набоков ведет игру с Мнемосиной. Высвобождающее «из круглой башни за глухой стеной времени жизни» воспоминание может обернуться и чудом того, что будучи утраченным вернулось всеобъемлющим, и катастрофой, и терапией, что оказывает Лужину психоаналитик, освобождая

его от дара, превращая состояние «стабильного аффекта» гения в результирующую психотерапевтического припоминания – «обычное жизненное несчастье». Иначе, спонтанное припоминание «закрытой карты» памяти может оказаться и чудом, и эффектом жуткого, производящего разрыв в субъекте, который узнает в сердце родного (*heimlich*) что-то ужасающе-неузнаваемое (*unheimlich*). Восковая подложка памяти оказывается чем-то самым внутренним и самым внешним одновременно.

«Бездонное око» художника, через которого Вселенная поминает/припоминает себя, может оказаться и даром, и проклятием, ведь Память приходит из различия между забытым и припоминаемым, глубина которого неизвестна и не изведана: Как далеко могут завести странника, рассказчика, писателя «изменения (*kinēsis*) в душе, что следуют каскадом одно за другим» выносят на самую границу (соприкосновения и разделения) тождественного и иного, предельного и беспредельного, внутрь развилки, двоения, морока и рока? Полнота видения мира отступает во тьму невидимого, в восковую дощечку Памяти, что, интегрированная с огнем, может расплавиться, как расплавился воск крыльев стремящегося от театра теней к Солнцу Икара.

Литература

1. Августин. Исповедь. М.: Ренессанс. 1991.
2. Аристотель. О памяти и припоминании. “De memoria et reminiscentia”, in: Aristotle. Parva naturalia. ed. by W. D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1955 (repr. 1970).
3. Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/memory/berberova-iz-knigi-kursiv-moj.htm> (дата обращения 05.02.2000).
4. Веселова С. Б. Берлинский период творчества Набокова как игра с традицией немецкой эстетики // Terra Aestheticae. Теоретический журнал Российского эстетического общества. 1(5) 2020. URL: <http://terraaestheticae.ru/index.php/terraaestheticae>] (в печати).
5. Волошин М. Откровения детских игр. Лики Творчества. Л.: Наука, 1988.
6. Волошин М. Театр как сновидение. Лики Творчества. Л.: Наука, 1988.
7. Деррида Ж. Диссеминация. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
8. Караваев В. Введение в поэтику драмы и комедии. Фрагмент N1235 из тысяч фрагментов возможного произведения философского толка или плана романа в форме «Игры в классики» сетевого проекта СТЛА. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d2c765f23371c00ace83f6c/f-1235-trudnosti-vozmojnoi-situacionnoi-logiki-analiza-i-planirovaniia-siujetnyh-strategii->

- vvedenie-v-poetiku-dramy-i-komedii-5eb03f5a6c1563221812378b (дата обращения 13.04.2020).
9. Набоков. В. Дар // Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4.
  10. Набоков В. Другие брега. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6283> (дата обращения 13.04.2020).
  11. Набоков В. Защита Лужина. URL: http://lib.ru/NABOKOW/luzhin.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 15.04.2020).
  12. Огарков А. Видеология Набокова (в печати).
  13. Платон. Федр / Пер., введение, интерпретация, указатель имен, примеч. А. Глухова. СПб.: РХГА, 2017.
  14. Платон. Теэтет / Пер. с греч. и примеч. В. Сережникова. Соч. в 3 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Наука, 1970. Т. 2.
  15. Плотин. Об ощущении и памяти / Предисл., науч. пер., комм. Д. В. Бугдай // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 169-173.
  16. Шевцов. К. Границы припоминания. Память в поздних диалогах Платона. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/granitsy-pripominaniya-pamyat-v-pozdnih-dialogah-platona> (дата обращения 15.04.2000)

Печатнова Лариса Гавриловна
доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
pechatnova@mail.ru
l.pechatnova@spbu.ru

**СПАРТАНСКИЙ ЦАРЬ ЛЕОНИД
В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ ГЕРОДОТА
И В АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
(«300» РЕЖИССЕРА ЗАКА СНАЙДЕРА, 2006)¹⁷**

В статье сравниваются два разных подхода к одному и тому же историческому сюжету – знаменитому сражению при Фермопилах между отрядом спартанцев во главе с царем Леонидом и огромной персидской армией. На основе анализа текста Геродота показаны многочисленные отступления и искажения, допущенные в фильме.

Ключевые слова: Спарты, спартанцы, Леонид, Ксеркс, Геродот, Фермопилы.

*Pechatnova Larisa Gavriilovna
Spartan King Leonidas at Herodotus and in American Cinema
(“300” directed by Zack Snyder, 2006)*

This article compares two different approaches to the same historical story – the famous battle at Thermopylae between the detachment of Spartans led by King Leonidas and the huge Persian army. The analysis of Herodotus' text shows how numerous deviations and distortions of historical reality are in this film.

Keywords: Sparta, Spartans, Leonidas, Xerxes, Herodotus, Thermopylae.

Само название фильма З. Снайдера «300 спартанцев» предполагает, что это исторический фильм. И действительно, в нем речь идет о подвиге небольшого спартанского отряда во главе с царем Леонидом (490-480), оказавшим героическое сопротивление персам в Фермопильском ущелье (480 г. до н.э.)¹⁸. Но, к сожалению, только этот факт в фильме и является действительно историческим. Все остальное, что здесь показано, очень далеко отстоит от реальной истории как самой Спарты, так и отряда царя Леонида. Практически ни одна из тех реалий, которые хорошо известны из дошедшей до нас древней традиции, в данном фильме или вообще не используются, или искажаются до неузнаваемости. Единственные редкие цитаты, которые действительно

¹⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00455. The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00455.

¹⁸ Об этом см. [1, с. 142-198].

являются историческими, это несколько расхожих изречений, которые традиция приписывает спартанцам. Их передает, как правило, Плутарх¹⁹. Однако те немногие широко известные изречения, использованные в фильме, произносят вовсе не те персонажи, которые их, согласно Плутарху, произнесли.

Начнем с исторических ошибок и бесспорных искажений, которые присутствуют в данном фильме. Во-первых, фильм начинается с ретроспективы – воспитания будущего царя Леонида. Но спартанские дети никогда не подвергались инициации в виде долгого пребывания в одиночестве в лесу, где им якобы приходилось сражаться с дикими зверями. А что касается наследников трона, то они, согласно традиции, не воспитывались в спартанских общественных школах подобно сыновьям граждан, а получали домашнее воспитание и образование (*Plut. Ages. 1*)²⁰. Так что будущего царя Леонида, скорее всего, никто от матери не отрывал.

Далее совершенно в искаженном виде показана вся система управления Спарой. Создается впечатление, что в Спарте царила настоящая монархия подобно монархиям средневековой Европы и государство возглавлял царь, который и принимал ответственные решения, не особенно советуясь с другими ветвями власти. Но это абсолютно не так. Во-первых, в Спарте одновременно правили два царя из двух разных династий, а не один. И соправителем Леонида в тот период был Леотихид II (491-469), которому соответственно было поручено руководство союзным флотом (*Hdt. VIII. 131-132; IX. 96-105, 114; Diod. XI. 34-36*). Во-вторых, эти цари вовсе не обладали абсолютной властью. И не Леонид принимал самостоятельное решение отправиться с отрядом к Фермопилам. Принципиальные решения о посылке военных контингентов за границу и их численном составе всегда принимались коллегиально – геронтами, царями и эфорами, т. е. правительством Спарты. Именно оно назначило Леонида главнокомандующим сухопутными силами общеэллинской коалиции.

В фильме Леониду приписывают то, что он никогда не делал. Так, он никогда не сбрасывал в колодец персидских послов, прибывших с требованием «дать землю и воду царю», т.е. признать верховную власть Персии (*Hdt. VII. 133*). Это были послы Дария, а не его сына Ксеркса, и прибыли они в 491 г., когда Леонид еще не был спартанским царем.

Очень далекими от действительности в фильме представлены эфоры. Они выглядят как безобразные старцы-«ведьмаки», видимо, больные проказой или

¹⁹Уже во времена Геродота спартанцы славились своими лаконичными и нетривиальными высказываниями. Свидетельствами широкого распространения жанра исторического анекдота с обязательным его компонентом – остроумным ответом спартанца – являются два трактата Плутарха, названия которых говорят сами за себя: «Изречения спартанцев» и «Изречения спартанских женщин». Переводы этих трактатов см. [2, с. 526-554, 556-558].

²⁰По словам Плутарха, царь Агесилай был единственным исключением из этого правила, и то только потому, что он не рассматривался как возможный наследник престола (*Plut. Ages. 1*).

еще какой-нибудь жуткой болезнью, облаченные в плащи с капюшонами. Тогда как в действительности коллегия из пяти эфоров представляла собой важнейшую в Спарте магистратуру, состав которой менялся каждый год и куда путем выборов мог попасть любой спартанский гражданин. Эта коллегия являлась высшей исполнительной властью государства. Точно также неверно показан и совет старейшин, герусия. Туда входили только граждане, которым уже исполнилось 60 лет, тогда как в фильме члены совета вовсе не старцы. И что еще более удивительно: в фильме в герусии выступает женщина – царица Горго. Конечно, известно, что в Спарте женщины обладали большей степенью свободы, чем где бы то ни было в Греции. Но эта свобода не распространялась на их политические права. Ни одна женщина в Спарте не могла не только выступать, но и даже присутствовать в народном собрании или герусии. Так что горячая речь царицы перед геронтами – чистая выдумка режиссера. Абсолютно невозможна для реальной Спарты и сцена насилия над царицей. Видимо, американский кинематограф не может обойтись без подобных сцен. Выдуман еще один персонаж – сын Леонида. Ему в фильме – 7-8 лет, тогда как на самом деле единственный сын Леонида Плейстарх в 480 г. до н.э. только родился (Hdt. IX. 10; Thuc. I. 132. 1). Еще одна грубая ошибка – выступление перед советом раненого воина, отосланного Леонидом в Спарту в качестве гонца. У Геродота из 300 спартанцев спаслось только двое – Аристодем и Пантит. Оба не по своей вине в Фермопильском сражении не участвовали. И оба в Спарте были объявлены трусами и, конечно, ни в каком народном собрании или герусии выступать не могли²¹.

Теперь перейдем к истории Фермопильского сражения. Здесь также встречается масса искажений и прямых ошибок. Начнем с того, что первоначально у Фермопил собирались не одни спартанцы. Там были и отряды союзников общей численностью около семи тысяч²². Этой армии было вполне достаточно, чтобы удерживать проход, имеющий два метра в ширину у своего западного входа. И эти отряды вовсе не бежали, как показано в фильме. Геродот утверждает, что Леонид не только не препятствовал их уходу, но наоборот сам «отоспал союзников, чтобы спасти их от гибели» (VII. 219-220 и 222). Как разумный военачальник он не хотел допустить бессмысленной гибели всей собравшейся у Фермопил союзной армии.

Совершенно фантастическим монстром показан так называемый предатель, который провел отряд персов в тыл спартанцам, – некий Эфиальт. В

²¹Геродот описывает ту обстановку враждебной нетерпимости по отношению к Аристодему, которая окружала его в Спарте: «По возвращении в Лакедемон Аристодема ожидало бесчестие и позор. Бесчестие состояло в том, что никто не зажигал ему огня и не разговаривал с ним, а позор – в том, что ему дали прозвание Аристодем-Трус» (VII. 231).

²²Согласно Геродоту (VII. 202) триста спартанцев были включены в состав сборного пелопоннесского отряда в 3100 человек. К нему уже близ Фермопил присоединилось несколько отрядов из Средней Греции общим числом до трех тысяч.

действительности кроме имени здесь все неверно. Он никогда не был спартанцем, лишенным гражданских прав из-за своего уродства. Геродот говорит о нем как о малийце, представителе одного из фессалийских народностей на северном побережье Малийского залива (Hdt. VII. 213). Большинство фессалийских племен в этот момент выступали в качестве союзников персов. Так что обвинять его в предательстве можно только по самому большему счету.

Но самое удивительное – это изображение персидской армии и царя персов Ксеркса. Перед нами столкновение маленького, но смелого отряда европейцев-спартанцев и армады монструозных варваров, в которых нет ничего человеческого. Здесь мы сталкиваемся по сути дела с расизмом, которого в Греции перед началом Греко-персидских войн еще не было. Только в результате нескольких побед греков над персами стал складываться образ варваров как людей, во многих отношениях уступающих грекам. Постепенно в литературе стала звучать тема варваров уже с явно негативным подтекстом. Но в реальной политике ничего подобного не было. Греки постоянно взаимодействовали с персами. Более того, те же самые спартанцы смогли победить афинян в Пелопоннесской войне только благодаря персидской помощи. А в начале IV в. до н.э. персидский царь стал арбитром при заключении так называемого Царского мира.

Да, персы при Фермопилах не сразу смогли одолеть отряд спартанцев, но главным образом потому, что, во-первых, у спартанцев была очень выгодная позиция у Фермопил. Она, казалось бы, давала возможность организовать длительную оборону и надолго задержать здесь врага. Насколько нам известно, в древние времена этот проход никогда не брался силой с помощью лобовой атаки. Ведь в самом узком месте Фермопильского ущелья, которое протянулось на 7 км, по словам Геродота, могла проехать только одна телега (VII. 176). Во-вторых, спартанцы действительно были замечательными воинами²³ и обладали лучшим вооружением и лучшей дисциплиной, чем персы. В техническом отношении вооружение спартанских гоплитов намного превосходило вооружение персов.

То, как в фильме изображена персидская армия, – чистая фантазия режиссера. Перед нами сражение не двух армий, а скорее людей с монстрами, почти инопланетянами, сюда же добавлены гигантские слоны и носороги. В совершенно карикатурном виде показан десятитысячный элитный отряд персидской армии – так называемые бессмертные. В фильме они больше напоминают зомбированных мутантов с черными доспехами и железными масками, под которыми скрываются уродливые лица. В их сценической

²³«При Ликиурговой системе спартанская тяжелая пехота была лучшей пехотой эллинского мира <...> Почти два столетия эллинский мир боялся встречи с лакедемонской армией в открытом сражении. Тренированность и моральный дух лакедемонян были неподражаемы <...>> [3, с. 202].

экипировке нет ничего общего с исторической реальностью. Видимо, это и есть американский стереотип азиатских варваров.

В фильме наступления варварских орд происходит в присутствии самого Ксеркса, чего, конечно, в действительности не было и не могло быть. Царь во время сражения находился в своем лагере в 5 км от Фермопил. В фильме Великий царь изображен в виде бритоголового красавца, напоминающего трансвестита, с обильным пирсингом на лице и цепочками во всех возможных местах. И совершенно фантастичны речи, которые произносят обе воюющие стороны. Опять же ничего общего с действительностью. Это набор обычных сентиментально-героических штампов, которые годятся для любой ситуации и любой эпохи в представлении американского кинематографа. Все произносимые монологи и диалоги действующих лиц построены по одному и тому же бесконечно повторяющемуся шаблону. Перед нами стереотипный герой западного образца сражается с сильным, но злобным и монструозным противником, будь то инопланетяне, империя зла или безжалостные шахиды. И конечно, если герой вдруг не побеждает, то гибнет настолько славно и уносит с собой неисчислимое множество врагов, так что гибель его должна еще больше прославить Западную, то бишь американскую цивилизацию.

Конечно, отчасти представлению об огромных потерях персов при Фермопилах мы обязаны Геродоту, склонному сильно преувеличивать потери врагов и преуменьшать потери греков. Геродот настолько увлечен своей задачей – изобразить подвиг Леонида и его отряда как можно колоритнее и убедить читателей в бесспорном превосходстве эллинского духа свободы над рабской психологией варваров, чтовольно или невольно допускает характерные для романтического изложения преувеличения. Персы у него гибнут тысячами, а дух их поднимают своеобразные «загадительные отряды» – начальники с бичами в руках. Именно отсюда происходит расхожее представление о том, что персы могли воевать только под ударами бичей. Уверенность Европы в моральном превосходстве греков над варварами, а в более широком контексте – европейцев над восточными народами – берет свое начало, как нам кажется, именно с описания Фермопильского сражения у Геродота.

Подводя итог, хочется отметить, что фильм «300 спартанцев» представляется нам рядовой американской поделкой, по сути дела комиксом, преследующим сугубо развлекательные цели и не дающий зрителю верного представления ни о древней Спарте, ни о царе Леониде²⁴, ни о персах, ни о персидском царе Ксерксе. Вернее, какое-то представление дает, но настолько

²⁴Приведем верное высказывание по поводу образа Леонида в американском кинематографе: «В этих произведения рубежа XX–XXI вв. спартанский царь Леонид – стереотипный персонаж, функция, придуманная авторами и воплощённая в вымыщенном контексте. Он лишен какой-либо исторической достоверности» [4, с. 1000].

искаженное и упрощенное, что в данном случае полное незнание лучше бездарной, да к тому же сильно идеологизированной версии важнейшего в истории западной цивилизации события.

Литература

1. Печатнова Л.Г. Спартанские цари. М.: Эксмо. 2007. 352 с.
2. Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. 592 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 732с.
4. Чиглинцев Е.А., Шадрина Н.А. Спартанский царь Леонид: история и современность // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 159. 2017. №4. С. 992-1003.

Russell James R.
Harvard University, USA
russelldeep@gmail.com

LITERATURE AND COUNTERFACTUAL HISTORY OF THE JEWISH PEOPLE

Alternative historical or counterfactual fiction, now formally considered a subset of science fiction, is a creative mode of imagining parallel universes and meditating on historical events and causality. Since it is most often dystopian, it reveals the anxieties and traumas of writers about their countries and identity. This essay focuses on the case of the Jews, where most alternative history has to do with the Nazi period and the Holocaust, and enduring themes of powerlessness and homelessness.

Key words: *Dayyenu*, alternate history, counterfactual history, T. S. Eliot, Holocaust, Six-Day War, anti-Semitism, E. Bickerman, khazars, Marina Tsvetaeva.

Расселл Джеймс
Литература и альтернативная история
еврейского народа

Историко-альтернативная фантазия, которая формально относится к общему литературному жанру научной фантастики, является способом размышления о возможных изгибаах исторических событий на основе изменений их причин, о параллельных вселенных. Поскольку она чаще всего отражает пессимистическое мировоззрение, произведения этого жанра зачастую повествуют также о внутренних психологических комплексах авторов о себе, о своем народе, о своей стране, о жизни в целом. Тема еврейства в таких историко-альтернативные романах почти всегда связана с водоворотной трагедией в современной истории еврейского народа — с массовой резней евреев немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны, судьбой государства Израиль, с вековой, болезненной проблемой бессилия и бездомности.

Ключевые слова: *Даену*, альтернативная история, научная фантастика, Т. С. Элиот, Холокост, Шестидневная война, антисемитизм, Э. Бикерман, хазары, Марина Цветаева.

כמה מעלות טובות למקומ עליינו. אלו הוציאנו ממצרים, ולא עשה בהם שפטים דיננו:
“For how many supernal good things are we indebted to the Omnipresent One:
If He had brought us out of Egypt,
but had not executed judgments against them,
it would have been enough for us”.
The Passover *Haggadah*

Preface

This section of this issue of *Homo Loquens* is dedicated to the theme of children's and young people's literature: the most avid readers of science fiction, and its subset of alternative history fiction, are typically young people (or older people, like this author, who never saw much of a point in fitting in as adults). When I was a boy I was an avid reader of Lev Kassil's *Shvambrania* in English translation: I corresponded with the author in 1962-1963 and the eminent Petersburg Classicist Alexander Sinitsyn, a native of the town where Kassil was born, has recently studied and published our letters and related documents with meticulous research and analysis in the context of the times. Though *Shvambrania* is an imaginary country, and a magical realism pervades the narrative, Lev Kassil and his younger brother Oska, the heroes of the book, were actual Russian Jewish boys, the sons of the village doctor in the little town of Pokrovsk (now Engels) on the Volga, in a very real country called the Russian Empire just before and during World War I. Although there was anti-Semitism and violence, and the book does not gloss over these, the emphasis of the story is forward-looking, life-affirming, and positive, as literature for young people should be. The Great October Socialist Revolution of 1917, and the formation of the world's first multinational society built on Marxist principles, was intended to enlist the free, creative energies of every citizen to build a new and better world without hatred and inequality. Its detractors harp on its all-too-glaring failures and often fail fairly to mention also its brilliant successes. I was taught that kicking an opponent while he's down is indicative of bad character; and I disdain to do so or to conceal my sympathies. I was and remain a friend of the Union of Soviet Socialist Republics. I am proud of my descent from American Communists. The Red Army saved my people, the Jews, from annihilation in the Second World War and I am grateful for that and will remain so till my dying day. I much preferred Soviet children's literature, with its affirmation of life and human equality, to C.S. Lewis' *Narnia*, a very popular cycle of novels for the young, in which Judaism is presented as heartlessly legalistic, Muslims are lascivious sadists, and the little heroes and their Aryan-looking friends achieve fulfillment only in their death and the extinction of the marvelous country they have entered through the wardrobe of an English country house. The stories of bright-eyed, dedicated explorers by Ivan Yefremov are so much better!

As I grew older, I still preferred what Americans call Young Adult literature to much of the self-consciously sophisticated fare produced by the literary establishment for the grownups. That establishment had admitted Edgar Allan Poe to respectability only grudgingly, after Baudelaire discovered him; recognition in France also assisted

the reputations of the American science-fiction writers Howard Phillips Lovecraft and Philip K. Dick in their own country. I also loved Madeleine L'Engle's Christian allegory, *A Wrinkle In Time*, C.S. Lewis' sci-fi trilogy (especially *That Hideous Strength*, which is Christian allegory without the anti-Semitism, and a good practical guide to that ninth circle of hell, academia), and most of Ursula Le Guin's books, especially *The Left Hand of Darkness* and *The Lathe of Heaven*, about which I will have a bit to say towards the end of this article. It was inevitable that one should read alternative-historical fiction, for it, too, was considered a branch of sci-fi, not really grownup, and even a little disreputable. It is actually not true that alternative history is of necessity also science fiction. The latter genre, if we define it as something more than fantasy, must have substantial science about which to speculate, and until the industrial revolution there was none, or not enough at any rate to furnish material with which to construct the edifice of a good tale. Harry Turtledove, a writer, editor, and scholar of alternative history fiction made that observation, and followed it with an illustration by way of proof: the first alternative history fiction he knows is in Livy's *History of the Romans*, IX.17-19, where the writer wonders what might have happened, had Alexander the Great turned his invading armies westwards in the fourth century BC, instead of attacking the Persian Empire in the east. Livy patriotically figures Rome would have beaten the young Macedonian upstart anyway [25, pp. vii-xiii].

When I was in my twenties, a graduate student in England, my parents came to visit, rented a car, and, remembering to drive on the left, we set off to the coast of Wales. On the way west from Oxford we stopped in the border town of Hay-on-Wye, which is famous for its numerous bookshops. Either there or somewhere farther along on the road to Barmouth in that green and magical country, my father bought a paperback copy of the classic novel of American alternate history, *Bring the Jubilee*, by Ward Moore. The book made no impression then; but in mature years I came back to it with new appreciation. It seems to me that alternative history has a lot to tell us about the inner anxieties and traumas of society in general. This essay focuses on a particular people, the Jews; and since their (our) place in history has always been, for better or worse, front and center stage, such fiction touches themes that are also of interest to human beings generally: outsiders and insiders, homes and homelessness, power and powerlessness, good and evil.

1. An odd hymn

The Hebrew hymn *Dayyenu* ("Enough for us"), whose first line is cited in the epigraph, is one of the most popular songs of the Passover Seder. It is of great

antiquity, with Biblical and Mishnaic sources; Sa‘adia Gaon and Maimonides discuss it, and there are variants of it attested in Jewish *Haggadot* worldwide [12, pp. 54-57, 308-309]. Its familiarity disguises the strangeness of its content. Would it really have been enough for us, had God not fed us manna and sheltered us on the forty-year-long trek through the desert, given us the Sabbath, guided us to Mount Sinai and given us the Torah, taken us to the Land of Israel, and built His Temple? That alone would have been enough for us, the refrain chimes in after each item. The outward motive of the hymn is clear enough: any one of the Lord’s beneficences is great and the sum is an embarrassment of riches. The didactic structure is plain, too: *Dayyenu* rehearses the events of the Exodus, helping parents to entertain their children at the table, draw them into the celebration, and fulfill the Commandment, which is anxiously repeated in Scripture, that thou shalt tell the whole story to thy son in that day. It resonates with the similarly useful and popular hymns children that were added to many *Haggadot* later on such as *Ehad mi yode‘a* (“Who knows one? I know one! One is Our God, Who is in the Heavens and the earth. Who knows two? I know two! Two are the tablets of the Covenant,” and so on through thirteen. When I was a boy, we competed to sing each stanza fast and in one breath, quite a feat by the end, when there is a countdown from thirteen (*Sheloshah ‘asar middayya*, “Thirteen are the [Divine] Attributes”) to one. At the very end of the evening is the similarly structured concatenation of events *Had gadya* in Aramaic, “One kid”: Dad buys a kid for two *zuzim* (Mesopotamian drachmas), the cat eats it, the dog bites the cat, the stick hits the dog, the fire burns the stick, and so on, till the Holy One, Blessed be He, smites the Angel of Death. It is thus didactic, but it has obvious thematic and structural parallels from England (“For the want of a nail,” at the end of which a whole kingdom is lost; and sure enough *For Want of a Nail* became the title of an alternate history novel by Robert Sobel in which the American Revolution fails) to Armenia (the folk song popular at the start of Lent, *Gats‘ek‘ tesek‘*, “Come ye and see” how one animal ate another, which yet another killed, and so on). At the American Jewish Seder meal, back in the 1960s, dessert was on the festive table by the time we got to those last songs: sugared jellies shaped like lemon slices, and macaroons. (*Dayyenu* comes midway through the text read before dinner, which in those days seemed unendurably long.) The associations of a childhood Seder are numerous, blending together with emotion’s and memory’s synesthesia: faces of relatives and friends around the bright table, the buzz of the four cups of wine, the taste of the special dishes (my mother’s Sephardic *charoset*, Hilda’s German herring salad with beets), the particular melodies (my Grandmother Bertha Russell, who was born in the shtetl of Wolka Turebska in 1900, taught me a melody for *Ki lo na’eh* “For to Him it is fitting”, with the Hebrew pronounced /ki lo nuey, ki lo yuey/ as in

Galitsia). All this overwhelms, pushes aside questions about *Dayyenu*, the song everybody likes but does not think much about.

But let us try “what may be one of the most rudimentary applications of the poststructuralist principle”[11, p. 10] and defamiliarize *Dayyenu*. What if one were to take the song at its word, with its deletion of one contingency after another? Alternate history is in its essence a way of asking the question “What if” with respect to events. Let us suppose the Israelites had simply been freed from slavery in Egypt and left on the other side of the Red Sea, with the unpunished and undrowned (*lo ‘asa bahem shefatim!*), exasperated Egyptians glaring at us from the far shore, and that was all. Jewish history would have stalled at or close to its starting point. No Torah: no Ten Commandments, no People of the Book, no Talmud, no Sa‘adia Gaon or Maimonides, no Philip Roth or Saul Bellow, no Brodsky or Mandelstam. No Israel: no milk and honey, no shaggy Samson, no handsome little shepherd named David composing his songs of praise, no Solomon the wise, no Prophets, no Maccabees, and no itinerant preacher named Jesus Christ walking through Judea and Galilee. In the hypothetical future of *Dayyenu* the gentle Nazarene teacher would not have been born, and as it is one still would note the observation of the Romanian Nietzschean philosopher E.M. Cioran that it was Christ’s good luck to die *young*; for had He lived to sixty, we would have had His memoirs instead of His Cross and “would still be blowing the dust off God’s unlucky Son” [4, p. 29]. In the novel by the modern Greek writer Nikos Kazantzakis, that is precisely *The Last Temptation of Christ* (the book’s title, 1952) by Satan: Jesus Christ is offered a peaceful old age, rather than the agony of self-sacrifice. No Temple: no Lost Ark for Raiders to find, no Roman invader, no destruction, no houses of study or synagogues, no martyrdom of Akiva, no exile, no Crusades, no Inquisition, no pogroms, no Holocaust, no Hatikvah, no Six-Day War, and no Jewish family seated around a table in Washington Heights. The earliest and most famous Jewish hymn to experiment, in a way, with counterfactual history, it must be admitted, produces a vision of a future of... nothing. And *Dayyenu* is supposed to be gratefully optimistic! The other texts we will examine are characterized by a uniform pessimism that seems to be characteristic of fiction about alternate history, but fortunately, for the purpose of study at least, deliver more substance. A few of these are works of scholarship or journalism, but most are works of imagination. One ought at the outset to specify that counterfactual history is deliberately creative fiction. There are serious historical studies about what might have happened, had this or that key event turned out in another way. (For instance, Dennis E. Showalter, Harold C. Deutsch, and William R. Forstchen, *If the Allies Had Fallen: Sixty Alternate Scenarios of World War II*. London: Frontline Books, 2010. I am indebted for this reference to the great Yiddishist (and my cousin) Zachary Baker

of Stanford University). There are books about Jews and Jewish history that are counterfactual in the sense that they distort the facts or their contexts, or present untruth in the form of conspiracy theories, but do so with intentional malice, purporting to be representations of reality. The literature of anti-Semitism, with its illusory worlds of global conspiracies and parasitical subhuman races, is fantasy, and is of forensic and criminological interest – it is important to know how the enemy of humanity thinks, the better to fight him – but is not intended as such and thus does not fall into the category I am discussing here. A discussion of *The Protocols of the Elders of Zion* and the *Necronomicon* – one, a real book that is untrue; the other, a fictitious book (cited in the stories of the American writer H.P. Lovecraft) that many readers wish existed and were true – is appended to one's monograph to be published soon in Erevan, “Deuteronomy and the Medes”. One could widen the distasteful field to include more recent masterpieces such as Shlomo Sand's *The Invention of the Jewish People* (2008), whose thesis is that we are ourselves a fiction, or the work of Nadia Abu El-Haj, a Barnard professor whose scholarly writings discredit the work of Israeli archaeologists as propaganda in support of a myth – the latter being that we are a Hebrew-speaking people native to the Land of Israel. Arthur Koestler's *The Thirteenth Tribe* (1976), which promotes the discredited theory of Ashkenazi origins from the Khazars, would dovetail with the work of the two abovementioned scholars if it promoted a disingenuous ideological agenda, but it appears to be more a book written in innocent candor. We will discuss here, though, a counterfactual novel, *The Book of Esther*, in which Khazaria has endured.

2. Alternative history: the United States and others

T.S. Eliot in Gerontion (1920) has this dark meditation on the treacherous character of history:

After such knowledge, what forgiveness? Think now
History has many cunning passages, contrived corridors
And issues, deceives with whispering ambitions,
Guides us by vanities. Think now
She gives when our attention is distracted
And what she gives, gives with such supple confusions
That the giving famishes the craving. Gives too late
What's not believed in, or is still believed,
In memory only, reconsidered passion. Gives too soon
Into weak hands, what's thought can be dispensed with

Till the refusal propagates a fear. Think
Neither fear nor courage saves us. Unnatural vices
Are fathered by our heroism. Virtues
Are forced upon us by our impudent crimes.
These tears are shaken from the wrath-bearing tree.

According to this view, which is one shared by many, perhaps most writers of alternative historical fiction, it would seem, history is a nightmare in which we wander helplessly, a play with unwilling or somnambulist actors by an ingenious, malevolent script writer; and visions of alternative histories accordingly reflect upon the deepest subconscious fears of both author and intended audience. In the case of counterfactual fiction about the United States, the locus of fright is most often the breakup of the fifty states into either different countries or zones of foreign (or space-alien) occupation, and the consequent loss of American liberty and prosperity. The Nazi Holocaust was not widely treated in American popular culture till the late 1970s. Hollywood co-opted the subject and presented the Americans, improbably, as the victims in subsequent entertainments. Thus a television series, “V” (for Victory, as in World War II resistance movements), in 1983-1984, which was popular enough for a remake in 2009, presented as the purpose of the alien invasion the extermination of the human race, with the lizard-like aliens in human masks finding willing collaborators and using strategies of deception to lull the populace into compliance. But does the United States merit the role of holocaust victim? The country turned away refugees from Nazi Germany in the 1930s and did not enter World War II until it was attacked by Japan. During the war, many hundreds of thousands, even millions, of Jews could have been saved, had the US taken proactive measures such as bombing the railway lines into Auschwitz-Birkenau, which it could easily have done without deflecting the general war effort, but refused to do. After the war and the perfunctory punishment of a few top Nazis, America “denazified” thousands of fascist murderers. For America to assume the mantle of holocaust victim is not just an indulgent, self-serving fantasy, it is in a psychological, if not an overt, way even historical revisionism. But that’s entertainment. The Nazis sought simply to exterminate the Jews; the space-alien of “V” intended to process, shrink-wrap, and eat us. “Man kills for food,” the American Jewish comedian and movie director Woody Allen once quipped, “but sometimes there must be a beverage.” The V-alien, accordingly, were also draining the world’s oceans.

Perhaps the best-known novel of alternate history in American literature is Ward Moore’s *Bring the Jubilee* (1953), in which the South emerges victorious from the Civil War of 1861-1865. The narrator is an amiable, bookish young man from upstate

New York named Hodge who painfully and slowly fulfills his ambition to become a historian in a truncated, impoverished, powerless and backward nation where electricity and the automobile have never been invented, indentured servitude is the norm, and xenophobia is not vice but policy. The only path to success open to ambitious Americans of the twenty-six northern states is to emigrate to the Confederacy or Britain. Hodge elects to remain in his native land. Moore was the descendant of German Jewish immigrants and something of a rebel: one fellow writer claimed he was a Communist expelled from the Party for Trotskyist deviation. The book brims with trenchant, sarcastic attacks on academia, and the hero finds shelter in a kibbutz-like collective of scientists and scholars outside York, Pennsylvania that resembles somewhat the Black Mountain community that became a haven for scholars and artists in times of economic depression. In the paranoid, close-minded United States of the novel, Jews have been classified with East Asians, Blacks, and other “colored” people as undesirables to be killed or forced to emigrate. Since World War I has not happened and consequently there has been no Balfour Declaration, the focus of the Zionist movement is East Africa (a possible place of sanctuary Theodor Herzl actually considered but in the end rejected as having no historical connection to the Jews, and no attraction) where since 1933 the self-governing British dominion of “Uganda-Eretz” (cf. Hebrew *Eretz Yisrael*, the Land of Israel) is has existed, with several million inhabitants; the Diaspora communities endure except in the “German Union”, where there was a massacre in 1905-1913 [16, pp. 147-148]. Hodge, a historian of the Civil War, travels in a time machine to the scene of the battle of Gettysburg and inadvertently causes a Union victory. This turns the tide of the war and leads to the continuum we inhabit, but in that continuum everyone Hodge knew either was never born or is a stranger, and he has no future to which he can return.

Warday (1984), by Whitley Strieber and James Kunetka, is also about the American fate. It is a novel of alternative history in which a past event has been changed, insofar as its characters living a decade hence look back upon, and live with results of, a future nearer to the 1984 reader. On a sunny afternoon in October 1988 a brief but still devastating nuclear exchange between the Soviet Union and the United States has destroyed several of our major cities in ruins and left this country disunited, impoverished, and prey to the rapacious designs of foreign imperial, colonialist powers, especially (again), Britain. Towards the close of the novel the authors paint a shattering picture of depopulated, ruined New York, with a mournfully elegiac epigraph drawn from the American Jewish poet Allen Ginsberg’s *Howl*. In Philip K. Dick’s *The Man in the High Castle* (1962), the Axis powers have emerged victorious from World War II and have divided the United States between them: the Japanese rule the Pacific coastal states including California, where

aesthetically-minded conquerors assemble collections of cowboy gear and other Americana, and the Nazis have taken everything east of the Mississippi. Between the two is a threadbare, lawless neutral zone in the Rockies. The novel has a metaphysical twist characteristic of Dick's philosophically visionary writing that goes beyond the development of plot in abovementioned American counterfactual tales: Dick inserts a subversive book-within-the-book, *The Grasshopper Lies Heavy*. Its title is drawn from Ecclesiastes 12:5. In 2015 Chandler Duke published a novel of his own, lifting the title and making fiction reality in that way, while taking up the timeline of the nightmare universe, in which the hideous alternate reality of a Confederate victory and the dismembering of the United States is projected forward into the Cold War and a partial Soviet occupation is superadded.

In the movie *Red Dawn* (1984), the Soviets invade this country by parachuting their Cuban surrogates into Colorado and commit atrocities against the local population; a high school football team, the Wolverines, form a partisan band that effectively harries the invaders. In another Cold War scare propaganda television series, "Amerika" (with a "k", 1987), the Soviets have conquered the US and divided it into impoverished, terrorized zones governed by coolly intelligent and heartless *Gauleiters*, Nazi-style. Again this is a matter of practicing victimhood without a license. The Soviet Union never invaded the USA, but the Americans did invade Soviet Russia during the Intervention by several capitalist powers in the Civil War following the October Revolution. No marauding army has set foot on American soil since the War of 1812, but Nazi Germany occupied much of the European territory of the USSR and partisan bands helped to defeat the genocidal enemy. Finally, America was not dismembered, but the Soviet Union was, with wars both between and within the former Union Republics, and near-total economic chaos, at the end of the Cold War. The Americans did not behave with notable magnanimity in the aftermath of the debacle: this writer served on the executive board of Harvard's Davis Center for Russian and Eurasian Studies, one of whose venerable senior members opined on National Public Radio's "All Things Considered" news program in the mid-1990s that the aim of US policy should be to reduce Russia to Moscow and its environs – that is, to the boundaries of early medieval Muscovy! Even after the dismemberment of the USSR, the establishment and media in this country have still continued to cast Russia as the all-purpose villain, in periodic passion plays; and president Putin, as the archdemon of the piece. But Russians have experienced as all-too-recognizable reality most every dismaying episode that in alternate histories of the USA is adumbrated as science fiction with its dysrecognitive frisson.

In Dick's book, *Grasshopper* is forbidden by the occupying powers for good reason: it portrays an alternative reality to that of the world of the novel – our own, in

which the Axis have been defeated and America has thrived, a kind of double-negation. The book-within-the-book enlightens characters to the realization that the world around them that seems so harsh, solid, and inexorable is but a flimsy dream, an illusion from which they can waken. (We shall see presently how Dick connected that idea to his own life and to Jewish history.) Alternate history in American fiction has to come up against the fact that the reality has been, so far at least, mostly a brilliant breaking of the bank: we beat the South, freed the slaves, welcomed more immigrants than any other country ever has, expanded our freedoms beyond anything that any other country has ever experienced, stayed united under the rule of law, made astonishing technological advances of all sorts, became prosperous and powerful, and did not get drawn into an atomic war. The America-centered variety of alternative history fiction, then, is escapist literature that one puts down with a sigh of relief and maybe a prayer of thanks as well. It indicates how bad things might have been and reminds us of how much we have to be thankful for. The aesthetic power of the genre, and of good science fiction more generally, Dick suggests in his essay “My Definition of Science Fiction” (1981), inheres in what he calls “the shock of dysrecognition” – the jolting of the familiar and the commonplace into disorienting strangeness. [6, p. 99].

“Life may be a dream, but don’t wake me up early,” goes a sardonic Yiddish saying I’ve heard; “History is a nightmare during which I am trying to get a good night’s rest,” the American Jewish poet and short-story writer Delmore Schwartz once wrote in his journal. Counterfactual fiction about the Jews, by contrast to that about America, isn’t pleasantly escapist, it’s the stuff of real-time worry and the world one wakes back to from the book is still malign in many troubling ways. The tone of most books in which alternate Jewish histories are imagined is similarly in tune with the pessimism of T.S. Eliot’s poem, but there is less of a disconnect between the dysrecognition of the aesthetic experience and the moment the reader raises his head from the book. (The remainder of that pre-Holocaust poem, *Gerontion*, is, in fact, viciously and viscerally anti-Semitic, and even after the events of World War II Eliot never disavowed its sentiments or even agreed to reprint “jew” with a capital J [14]). The counterfactual narratives we are to consider are of interest to the field of Jewish studies: they express basic, profound, and enduring anxieties and fears that motivate, to a greater or lesser degree in different times and places, the way some, maybe many, Jews interpret our past, view our present, and act in accordance with that view, with important concomitant effects on our ongoing history, our culture, and our own psychological sense of well-being or threat. One might compress the latter carefully-worded proposition into a taut, sardonic one-liner: Is it good for the Jews? No. Such a darkly comic, sarcastic compression of a serious

thought would not be out of the mainstream of the tradition back to *Tanakh* and *Gemara*: “You’ve murdered, and now you want to inherit, too?” or “This is Torah, and this is its reward?” are similar sardonic compressions of protest and comment about a world out of joint [23]. Counterfactual historical fiction about the Jews is of wider interest as well: the Jewish people is numerically tiny but is the source of both Christendom and Islam: its fate is intertwined with that of its far more numerous siblings. Jewish communities are widespread across the globe and the Jews play a visibly disproportionate part in the world’s culture, science, and politics; these works perforce are speculative commentary also on other peoples, political systems, and the nature and fate of humanity as a whole.

3. Novels of the Jews

Let us begin our discussion with a book that differs in most every respect from the others to be considered: it is a historical monograph, not a work of fiction; it deals with ancient, not modern Jewish history; and alternate history is a brief, though conclusive and strong consideration in it, not the pervasive theme. The Russian Jewish scholar Elias Bickerman, a historian of the Hellenistic era, finished a commentary of the Biblical books of the Maccabees and signed the contract for its publication by Siebeck in Berlin on 30 January 1933, the day Hitler came to power; his monograph *Der Gott der Makkabäer* (English, *The God of the Maccabees*) was published by the Jewish publisher Schocken in Nazi Germany four years later, just before it became impossible for Jewish life in any form to endure there. Bickerman escaped to America and found a job at Columbia University in New York, where he supervised the doctoral work of my own teacher, Nina Georgievna Garsoian. In his Preface to the English edition, Bickerman wrote in 1978 that his dry, scholarly book, to his surprise, was received as something of a clarion call to steadfastness and a source of consolation by the persecuted Jews in Germany [2, p. xii]. Towards the end of the monograph, Bickerman sums up “The Significance of the Maccabaean Struggle”: It was not a national fight of a united people against the Seleucid Greeks, but a civil war between two Jewish factions. One was polytheist, prepared to abandon God in order to save their people through assimilation. The other side was monotheist, ready to give up their own lives and those of the nation in order to preserve the Torah of Moses. There follows a burst of eloquence that is startling amidst the placidly turgid pages of the sober historian’s *Wissenschaft*. “Had they been defeated, the light of monotheism would have been extinguished, too. An external oppression could not have led to its destruction, since a fraction of the dispersed people would always have maintained the true faith. It would have been different, however, if the Judaeans themselves had lapsed into polytheism, if the pilgrims to Zion had encountered within the walls of the temple sacred prostitutes, who would

have led the stranger to the altar of an Allat or a Dusares. The martyrs, through their blood, the fighters of God, through their swords, have saved the motto of Judaism: ‘Hear, O Israel, the Lord is our God, the Lord alone’” [2, p. 91]. The first of the pagan gods Bickerman mentions, Allat (“the goddess”), is the first also of the female divine triad (the other two are Manat, “goddess of apportioned fate”, and ‘Uzzah “the powerful goddess”) of the infamous “Satanic verses” that the devil nearly beguiled the Prophet Muhammad, peace be upon him, into reciting. The Qur'an names and then scornfully rejects these false deities. The allure of paganism did not begin in the real days of the Hasmoneans or end with the imagined last temptation of Christ. What Orthodox Jews of today would call authentic Torah Judaism, in Bickerman’s vision of an alternative future, might have survived as a tiny, obscure curiosity, perhaps like the faiths of the Karaite or Samaritan communities, with the *Qriat Shema*‘ a curiosity to be recorded on wax cylinders by intrepid ethnographer-explorers and entombed in the cellars of the Smithsonian. But in the Land of Israel the light would have been snuffed out; the Temple would have become merely another colonnaded edifice, like the monuments of Palmyra or Hatra, of a syncretistic Oriental cult of the Hellenistic period, an oddity briefly to be described by Strabo along with the now-vanished, exotic rites of the ancient Syrians, Cappadocians, Caucasian Albanians and other superficially Hellenized Asiatics. The Bible itself would have been lost in the universally pagan world in which the Christ might never arise. But without Him there would be no medieval anti-Semitism either, no Nietzsche resentful of the “slave mentality” of the Jews, no Wagnerian revival of Teutonic pagan themes, no Wilhelm Marr, no Hitler—and no German Jews either for him to oppress or for Professor Bickerman, with sober argument rising to a crescendo of learned eloquence, to defend. Again, like the defamiliarized *Dayyenu*, the imagined alternative future of *Der Gott der Makkabäer* is no recognizable future at all, but a void. It has neither any Jews to hate and kill, nor any Gospel of love, born of the spirit and soul of Judaism, to insist upon a common human denominator.

Most works of alternate history that mention the Jews focus, however, not on the Second Temple period, rich with possibility as that complex and crucial (literally and figuratively) time may be, but on more recent history – that of Nazi Germany and the Holocaust. In Philip K. Dick’s *The Man in the High Castle*, mentioned above, the few Jews left alive in Axis-occupied America live underground after the extension of the Final Solution to these shores. Although the book has little more to say of the grim fate of the Jewish people, the writer’s own imaginative connection to Jewish history and thought was intense. Dick experienced a drug-fueled mystical vision that lasted several weeks in early 1974, over a decade after the publication of the abovementioned novel. He came through his experience to the realization that the real trajectory of the history of the world has been skewed in the wrong direction—into illusion—following the fall of Masada in AD 73 and the extirpation of the Hebrew Christian church of Jerusalem. The timeline of his own life thus required

retrospective adjustment. The true world, of the authentic Judeo-Christianity that existed prior to the Jewish War of 66-73, he names the Garden of Palm Trees; the false and illusory (alternate, counterfactual!) world that you and I now inhabit, in which the Roman empire never died, he calls the Black Iron Prison. The latter designation echoes Wordsworth's and William Blake's visionary, gnostic evocations in their verses of this sublunar world, and of the grimy London of the late 18th century in particular, as a shadowy prison house. Dick, an extraordinarily prolific writer, described his vision and expounded the theses that arose from it, in a rambling manuscript running to many thousands of pages in length he called the *Exegesis*: many years after his death in 1982, a team of science fiction writers and scholars redacted it down to just under a thousand pages, with copious annotations. There he writes, “I know this is a weird thought, but— could the *real* world have come to an end *ca.* mid first century AD? And a phantom rushed in to replace it? Time was drawn out of it?” He also discusses the possibility that a book can act as a landscape and either captivate us in malign illusion or waken us from our present somnambulant state into reality [10, pp. 417, 331, 406]. Dick’s assertion that the (Roman) Empire never ended is intended to be cosmic, but one can also observe that Nazis adopted the standards and other trappings and symbols of Caesar and his pagan legions, and sought to eradicate Judaism and “Aryanize” Christianity. *The Man in the High Castle*, though set in the post-World War II era, adumbrates Dick’s later revelation, which is steeped entirely in the complex Judaism of the first century, with Zealots, Essenes, the Rabbis, and Christ and His early followers. He returned to the theme in several later novels, particularly *The Divine Invasion* (1981). *The Man in the High Castle* was serialized recently by Amazon and stretched (rather thin, in my view, but that’s Hollywood) into several seasons. Even though the action is still set in the early 1960s, when more Americans used to read books, *The Grasshopper Lies Heavy* in Amazon’s incarnation is not a book but a movie. The word “Jew” is not used; instead, the Nazi characters refer to “Semites”. (With the sharp rise in anti-Semitism in America in recent years, both on the right and the left—the latter often attempting to dignify and excuse its bigotry as merely political “anti-Zionism”—many consider the word Jew to be intrinsically insulting. The left also parrots the specious argument that Arabs are also Semites, so perhaps the use of the term Semite is meant as a nod to inclusivity, diversity, and the other hypocrisies of the present ideology of political correctness. In fact, of course, Wilhelm Marr coined the term anti-Semitism in the nineteenth century to refer specifically and exclusively to the Jews as a racial entity, and the Nazis were and are only too happy to consort with those Semitic-speaking Arabs who shared and share their views. Hebrew and Arabic belong to the same Semitic language group, which is part of the larger Afro-Asiatic linguistic family, but the linguistic designation has nothing to do with politics.)

Richard Harris' novel *Fatherland* (1992, made into a movie by HBO in 1994) is set in 1964²⁵. In Harris' novel the Nazis have won the war in Europe: the Soviets are still fighting beyond the Urals, and the United States and Germany, both armed with nuclear weapons, are in a cold war. But with the warm winds of détente blowing, a plane load of American journalists visit Berlin on the eve of a visit by President Kennedy (the pro-Nazi elder Joseph Kennedy, not his son John F. Kennedy, who in real time was president and was assassinated on 22 November 1963 – Stephen King wrote an alternate history novel about that, in which Oswald was foiled and things got worse) to the aging Führer. A young woman from the American party follows a lead that brings her into contact, and then a steamy romance, with a German police detective who is investigating the murders of a number of Hitler's oldest *Parteigenossen*. The two discover that the victims were all present at the Wannsee conference in 1942 that drew up the working plans for the Final Solution. It is intended to be the decisive, final step in erasing the Holocaust from the historical record; but our two sleuths discover a sheaf of original documents about transports, gas chambers, crematoria, and the rest, and are able to get them to Kennedy just after his arrival. The summit is canceled and though both heroes die, the revelation of Germany's crime against the Jewish people brings down the Nazi régime. Harry Turtledove notes that the basic flaw of *Fatherland* is its assumption that the twenty-year-old news of the atrocities would have changed international politics. He suggests it would have been a hot news item for about a week, and that is all [25, p. xii]. The facts of a genocide have little impact on world politics. The Armenian Genocide during World War I was front-page news in the US while it was going on, but America did not go to war with Ottoman Turkey in 1917 and after the war courted Atatürk's Republic of Turkey. Though Raphael Lemkin coined the term "genocide" expressly to afford legal nomenclature to the crimes against the Armenians and, a generation later, the Jews, no American President of either party has ever recognized what was done to the Armenians as a genocide. America did not act in any way against the genocide by the Khmer Rouge in Cambodia, because North Vietnam, our enemy at the time was fighting Pol Pot. When news of the genocide in Rwanda reached Washington in 1994, Clinton ordered that the papers not be placed on his

---

²⁵ On movies: This is an essay about books, which may have been cinematized, but not about movies. Still one ought to mention the excellent, understated three-part BBC movie "An Englishman's Castle" (1978), set in contemporary Britain: Operation Sea Lion was successful, Nazi Germany rules England and all Europe, and the hero is the director of a successful television series-within-the-series that shares the name of the movie and deals with the lives of an ordinary suburban English family during the German invasion and takeover. The English arm of the Gestapo has informers (called "delators" in the film, from the Latin) everywhere, and the director's younger son, a member of the resistance, is arrested and tortured. His father has an extramarital affair with an actress who is not only a resistance fighter but a Jew (the Jews are believed to be gone and nobody discusses what happened to them), and at the end of part three he broadcasts the code words "Britons, Strike Home!" – the name of Henry Purcell's patriotic song of 1695. Shots ring out off screen as the revolution begins, while our hero boldly stares at the Gestapo goons who have burst in to arrest him. *Exeunt omnes*. The series is superb but has never been made commercially available by the BBC: a query about that by this writer some years ago remains unanswered.

desk so he could claim plausible deniability and not take the trouble to act. France actively abetted that genocide.

Many American Communists, including this writer's great-aunt Sophie and her husband Richard Puette, an able-bodied seaman and union organizer who came from a Baptist family in the hills of North Carolina, left the CPUSA in protest against the pact between the USSR and its (and humanity's) archenemy. Between the Molotov-Ribbentrop treaty and the attack on 22 June 1941, Party discipline required Communists not to criticize Germany or fascism. That is infamous, and anti-Soviet propaganda has perennially used the Pact as a convenient stick with which to beat the Russians; but one might bear in mind that it came in context: through the 1930s the USSR had been calling for collective security against Germany and had supplied weapons to the International Brigades fighting fascism in the Spanish Republic. The western powers imposed an arms embargo against the Republic (which companies like Standard Oil of New Jersey ignored, selling the fuel the Luftwaffe needed for its planes to fly and bomb Madrid and Guernica), and some western politicians, underestimating Germany's malevolence, hoped Hitler could be used as a tool to destroy the USSR. During the war, and for a short time after it, the Soviet press in dispatches from Vassily Grossman, Ilya Ehrenburg, and others reported more on Nazi atrocities against the Jews than, for instance, *The New York Times*, which typically buried the Holocaust in its middle pages.

Philip Roth's novel *The Plot Against America* has been serialized this year by HBO, another entertainment company. Much of Roth's fiction is set in Weequahic, the working-class, mainly Jewish neighborhood of Newark, New Jersey where he was born and raised; and the narrator, a boy there in the late 1930s, is almost identical to the author. The premise of the novel is that the dashing young hero-aviator Charles Lindbergh, who was in reality a Nazi sympathizer and hobnobbed with German officialdom, is nominated by the Republican party for the presidency and defeats Franklin Delano Roosevelt. He keeps America out of the war and inaugurates a reign of terror against the Jews at home. The United States did not in fact enter the war till Japan attacked it on 7 December 1941; and the Soviet Union, following the Molotov-Ribbentrop treaty of August 1939, supplied war materiel and many other good to Hitler till the Nazis invaded the USSR on 22 June 1941. Many Americans, who resented the country's needless sacrifices in World War I (V.I. Lenin, one recalls, had gained popularity by promising to pull Soviet Russia out of the pointless bloodbath, which Kerensky had failed to do), considered the new war in Europe to be none of our business and supported the isolationist platform of the America Firsters. John Roy Carlson's popular book *Under Cover* (1942), about anti-Semitic and pro-fascist activity in America, documents well the extent and power of such sentiment. Carlson's real name was Avedis Derounian: he was a survivor of the Armenian Genocide who grew up in my home neighborhood of upper Manhattan, Washington Heights. I knew him in his later years, when I worked for the Armenian Diocese and

he used to spend his days at the library of B'nai Brith in midtown. Karekin Nzhdeh, the canonized hero of the right-wing, ultra-nationalist Armenian Revolutionary Federation (*Dashnaks'ut'iun*) formed an Armenian legion that fought for Hitler in the Caucasus (and thus against the Soviet Armenians!) and on other fronts; after the war, the ARF remade themselves as Cold Warriors and hounded Derounian as a Communist sympathizer. He had witnessed their assassination of Archbishop Ghevond Tourian – himself a survivor of the Smyrna massacre of 1922! – in the Holy Cross Church of Armenia on West 187th Street on Christmas 1933 and went on to expose their pro-fascist leanings: *Under Cover* opens with a harrowing description of the murder. Such was the grim reality; but Roosevelt, though restrained by a policy of neutrality, had managed at least to support embattled England through the Lend-Lease program. In Roth's novel, the country leans towards Hitler and America's not-so-dormant anti-Semitism is given free rein. At first, the Roths and their neighbors are subjected to insult and to petty humiliations, such as denial of hotel accommodation during a trip to the nation's capital. Towards the end, there are murders of targeted Jewish public figures such as the popular broadcaster Walter Winchell, fires, and roving mobs – pogroms.

The Lindbergh government also begins to empty the northeast of its urban Jewish population on the pretext of offering them the chance to be homesteaders in the American West; a program disarmingly called “Just Folks” (Shucks, Ma'am) takes young people away from their parents and resettles them with gentile farmers in remote Midwestern regions with no Jewish population. Although Lindbergh is unmasked as a German agent in 1942 and Roosevelt, reinstated, brings the United States into the fight against Hitler, the war proceeds to a victorious conclusion, and the State of Israel is founded, the end is still not a happy one. The final chapter of the novel is entitled “Perpetual Fear” (a phrase that occurs also in the first sentences of the book), and the life of one survivor of a massacre is described on the last page as “shattered by the malicious indignities of Lindbergh's America” (For a long discussion of the novel, see this writer's review-article [21]. [19] is an enlightening essay of the author's on how he came to write his book). Although a mass killing of the American Jews is averted, it is only by chance. The novel raises the disquieting, ubiquitous question of whether such a thing could happen here, given the persistence of anti-Semitism, and leaves one shivering in the question's shadow. The answer is not unqualifiedly affirmative, but it is enough of a yes for Jews not to take for granted that we can ever again feel fully secure and at home in this country (Shortly after the terrorist attack on the World Trade Center in 2001, the disingenuous question was asked in various quarters, “Is Israel still worth it?” – as though Jews, not Muslim extremists, were responsible. Several years later, a Saudi prince offered New York money on the understanding Israel was to blame, the Mayor rejected the money, several universities happily took it instead, and when one was asked how one might use it and replied with the opinion that it was blood money, one was lectured by the

dean of the school of divinity at the place where one was teaching that “real Americans” understand Israel is at the root of all America’s troubles. Since then, anti-Semitic attacks, such as the massacre of the congregation at a synagogue in Pittsburgh, Pennsylvania on 27 October 2018 (a date remembered, since it was one’s birthday), have come to account for the majority of recorded hate crimes in the US). Roth’s other novels frequently celebrate America and the particular vitality of the everyday life of American Jews, much as Saul Bellow’s writing does. *The Plot Against America*, with its “perpetual fear”, qualifies that celebration. In *The Counterlife* and other books, Roth toyed with Israel and Zionism, but held both ultimately at arm’s length. It would seem that he accepted insecurity and alienation as perennial aspects of the human condition for which no solution exists: one is to embrace the good things about America and try to remedy the bad ones, and to embrace life, with all its unavoidable sorrows and fears.

In the spring of 1967 the Jews faced the greatest existential threat since the Holocaust. The Soviet Union, which had shifted to an anti-Israel policy for various reasons nearly two decades before, had massively armed the Arab countries and lied to Egypt that the Jewish state was planning an assault on Syria. President Nasser united the Arabs under a single military command, ordered UN buffer troops out of the Sinai (secretary general U Thant complied at once, with astonishing alacrity and without consultation of other member states) and moved armored columns up to the Negev frontier. Egypt proceeded to claim sovereignty over the international waters of the Straits of Tiran and closed them to Israeli shipping, cutting off Israel’s access to Iranian oil and Asian trade. In addition to the military threat, Israel and Jews worldwide were also under psychological pressure, for, barely a generation after the Holocaust, the tiny young Jewish state and its people were promised a war of extermination. Israel had no television station of its own yet; but in Tel Aviv one could watch live footage from Cairo of the Egyptian dictator, cheered by frenzied mobs, vowing to throw the Jews into the sea. The Arab press published bloodthirsty anti-Semitic cartoons lifted from the Nazi *Der Stürmer*. Israel’s erstwhile closest ally, France, made a *volte face* and declared an embargo, while the Jews’ new best friend, the United States, paraded its neutrality and refused to sell Israel arms with which to defend itself. The US and its allies were unable to agree on a convoy to break the blockade at the entrance to the Red Sea, either. Israel called up its reserves, emptying the labor force and bringing the fragile economy to the edge of collapse. Although he was surrounded by Jewish friends and advisers, President Johnson was embittered by the opposition of many Jews to the Vietnam war. When pressed by a parade of Israeli leaders and diplomats to the White House, he insisted that Israel be patient and wait for UN diplomacy to work, repeating a prediction or warning that was Delphic in its cryptic vagueness: Israel would not be alone unless it acted alone. Interventions by American Jews on behalf of our co-religionists’ embattled little country (nine miles wide at its narrowest, and strategically and demographically most vulnerable point)

were all to no avail. Israel decided to ignore Johnson's advice and warnings and to act alone. On 5 June, a Monday, Israel launched a pre-emptive strike, destroying the Arab air forces on the ground; by Wednesday, the Israel Defense Forces entered the Old City of Jerusalem, liberating the Temple Mount and its Western Wall. [17] is the best and most dispassionate and exhaustive account of the Six-Day War and the events and diplomacy that led up to it: the author is an American Jew who after making Aliyah became an Israeli diplomat. I was fourteen, and remember it all more viscerally. Exams at school had ended, I was walking home around noon that Tuesday or Wednesday from the subway station, and every car door along the curb was open so that passersby could hear the news that for the first time in two millennia the site of the Temple had been liberated. The relief, after weeks of anxiety and foreboding, felt like one was being lifted into the air and was floating on a luminous pillow of joy. That is what actually happened.

If Israel Lost The War, published scarcely a year after the guns fell silent, is based on how events might have unfolded quite the other way. It is based upon the premise that Israel acceded to American pressure and did not act pre-emptively, with the result that the Arabs achieved a successful aerial first strike instead. (Planners of government policy regularly practice a serious form of counterfactual speculation by gaming out several strategic possibilities. In 1967, the American military and intelligence gamers had concluded that Israel would win a war with the Arabs, no matter who started it and how. Perhaps this influenced President Johnson's thinking, but the way actual wars go is an illustration *par excellence* of the old adage, Man plans and God laughs.) In the novel, the Israeli air force is wiped out on the ground on the first day of the war and over the next few days the country is overrun and eradicated. The team of authors, all seasoned Middle East correspondents of *Newsweek* magazine, provide excruciatingly detailed, precise accounts, both of the imagined destruction and massacre on the ground and of the coolly indifferent, slow, and hypocritical diplomatic maneuvering in the halls of the UN and the situation rooms and legislative chambers of Washington and Moscow. The Arab occupiers of the Land of Israel fall to squabbling but are united in forcing much of the population to leave and promise never to return. The United States, as before and after World War II, agrees to admit only a trickle of Jewish refugees from the devastated country. In a televised address to the nation Lyndon Johnson assures the American people, without mentioning Jews or Israel once, that his sage policies and hard work have averted a third world war. But the betrayal of the Jews casts a heavy pall over the country. "The President's speech did nothing to lift the veil of gloom that had descended on the nation's capital. For weeks, Washington's fashionable Sans Souci restaurant... was practically empty." Bitter recriminations follow, prominent American Jews resign from the administration in anger and disgust, [5, pp. 186-187] and Johnson himself decides not to seek re-election, but the mood quiets down after a promising summit with the Soviet leader Kosygin. By 1968 America is deep into

campaigning for the next general election and Israel, considered a lost case, is forgotten. Bobby Kennedy, whom the Palestinian Sirhan, having returned to Jordan, does not assassinate, decides to erase Israel from a list of issues he promises his cheering supporters in Los Angeles that he will address if elected. Nervous, well-to-do American Jews dismiss younger activists crying for revenge as impractical hotheads.

At the end of the book, Yigal Allon and a few other surviving Israeli military leaders meet clandestinely at a spartan apartment in Tiberias and lay out the plans for a resistance movement (Moshe Dayan, who in actual history was the architect of the 1967 victory, has been captured by the Arabs and publicly executed in occupied Tel Aviv). “Allon got up and stared out the kitchen window. His gaze passed across the blue waters, toward where his own kibbutz, Ginnosar, had once stood. ‘We managed once before,’ he said. ‘We’ll manage again.’ Then he picked up the Bible and leafed through the pages until he came to a passage underlined in Deuteronomy. Allon read out loud: ‘When thou goest into battle against thine enemies and seest horses and chariots and a people more than thou, be not afraid; for the Lord thy God is with thee, O Israel. Let not your hearts be faint, fear not, and do not tremble’” [5, pp. 252-253: the Biblical passage is a blend of *Devarim* 20, verses 1 and 3]. The novel is thus a cautionary tale warning Jews never to rely on the counsel even of gentiles who are friends, and never to expect genuine good will, much less assistance in time of need. The nation that, as Balaam predicted, stands alone, can look only to the Master of the Universe for courage and must act with self-reliance against all the odds.

The American Jewish writer Michael Chabon’s novel *The Yiddish Policemen’s Union* approaches the traumatic fear of Jewish powerlessness and homelessness from another angle. In its alternate chronology, the Holocaust ground to a halt after the first two million murders and most of the Jews of Europe survived; but the nascent State of Israel was overrun by the Arabs and the remnants of the Yishuv became refugees. This reverses the linguistic facts of actual history, in which Yiddish, the spoken idiom of the Eastern European Diaspora, was nearly wiped out, while Hebrew, the resurrected language of the repatriants to the Land of Israel, survived and is now the native language of some nine million people. After *Kristallnacht* in 1938, the US secretary of the interior, Harold Ickes, drew up a plan to offer sanctuary in Alaska to European Jewish refugees. His boss, Franklin Delano Roosevelt, refused however to enlarge the quota of entry visas. In Chabon’s novel, the plan was very nearly voted down in Congress, but passed thanks to the death of an anti-Semitic Alaskan legislator in a fortuitous traffic accident: the lease on a thin strip of southern Alaska went into effect in 1947. In 2007, the year of the action of the book and of the publication of the novel itself, therefore the present day, some two million Yiddish-speaking Jews have built a viable, thriving community in and around Sitka. It was initially hoped that the survivors of the martyred Eastern European cities and *shtetlach* would become loggers, farmers, and fishermen, but to the disappointment

and even disgust of many gentiles, they never took to the land and stayed resolutely urban. Chabon performed an immense task in researching Yiddish culture and imagining his Jewish Sitka. Shady Russian developers have built housing projects on a tract aptly called *Shvartsn Yam*, i.e., Черное море. Automat cafeterias serve noodle pudding. *The New York Times* has a Yiddish-speaking, gentile correspondent assigned to its Sitka desk. A cavernous garage houses the workshop and maps of a specialist in *eruv*s (artificial boundaries enabling religious Jews to carry objects on holy days). There are strip malls with *Big Macher* megastores. The cell phone, invented by Sitkan Jews, is called a *shoyfer* (Hebrew *shofar*, the ritual ram's horn trumpet); the slang for a cop's service revolver is a *sholem* (peacekeeper). And so on. But survivors of the Warsaw Ghetto, unwilling to trust the Americans, have dug tunnels in case there has to be a last stand again.

Indeed that dark prospect looks like a real possibility for the future just past the back cover of the book, for there is a problem. The refuge of the Jews is temporary: they are not American citizens and theirs is a fifty-year lease at the expiration of which the territory is to revert, shortly after the action of the novel, to the state of Alaska and without any guarantee that any Jews will be allowed to remain. It is by no means clear where those who are rejected can go: as the action of the novel unfolds, this or that character decamps with a prized visa to Canada, or Australia, or the lower 48 states. That was the terror Jews faced in Germany and in other countries as Nazi power expanded. (The joke in the 1930s went like this: Two Jews meet on Alexanderplatz in Berlin and one says "Congratulate me, I just got a visa to Australia." The other exclaims "So far?" and his friend fires back "Far? Far from where?" In the spring of 1975, when I was studying at Oxford, I met my British relatives who lived in north London. Max (Meckie) Goldman, may his memory be for a blessing, was my paternal Grandmother's first cousin, a wonderful man who fathered a big, happy family. His parents had fled the battleground of southern Poland after World War I and settled in Berlin. When Hitler decreed the expulsion of the *Ostjuden*, Meckie sold his stamp collection to get the money to bribe a secretary at the Polish consulate for a passport. But it was still too late and he was arrested. At the police station he asked to use the men's room and was directed to the right. He walked to the left, escaped from Germany, and married into the illustrious German Jewish clan of the Feuchtwangers in London. He told me his saga late one Erev Shabbat in the kitchen over a glass of lemon tea; the next week, he passed from this vale of tears into the '*Olam ha-Emet*, the World of Truth').

The Sitkans are like the wandering Jews of the folk tale who find a wooded island and build a village there. But the island is the back of a big fish, and one day the fish dives (For a study of the tale and its origins see [20]). The neighbors of the defenseless Jews of the hypothetical Ickes refuge are as unrelentingly hostile as those of the more fortunate and actual State of Israel: the indigenous Tlingits resent the unfamiliar new settlers (cf. the "Palestinian" Arabs of the Land of Israel), the Federal

authorities are unsympathetic, the white Alaskans are campaigning to make their state “wild and clean” (*judenrein*, that is), and the full-fledged American Jews to the south (who refer to their cousins as the “frozen Chosen”) are either indifferent or too afraid for their own skins to intervene. The hero, Meyer Landsman, who has neither a visa elsewhere nor leave to remain after Reversion, is an alcoholic police detective in his early middle years: the police department he works for will shortly cease to exist, so he will be not just stateless but unemployed as well. Meyer was estranged from his wife, who is also his boss, after the abortion of their son Django and lives in a flophouse, the Hotel Zamenhof. Django Reinhardt was a Roma (Gypsy) jazz guitarist, a countercultural hero and a member of a wandering and despised people the Nazis tried to exterminate; L.L. Zamenhof was a Jewish oculist from Bialystok who invented Esperanto, an international language whose use, he hoped, might bring mutual understanding, an end to prejudice (anti-Semitism in particular), and world peace. (For a discussion of the linguistic aspects of Chabon’s novel and the interwoven histories of Yiddish, Modern Hebrew, and Esperanto, see [24]). On a fall afternoon our hero goes on business to a Hasidic funeral and parks “in a cul-de-sac some developer laid out, paved, then saddled with the name of Tikvah Street, the Hebrew word denoting hope and connoting to the Yiddish ear on this grim afternoon at the end of time seventeen flavors of irony” [3, p. 198].

The tone of the novel is wryly *noir*: Landsman is investigating the murder of another denizen of the Zamenhof, a young gay junkie and chess player who happens to be the estranged son of the obese, thuggish Rebbe of the Verbover Hasidim. The young man, Mendel Shpilman, was a gentle miracle worker who was very likely the Messiah, but, as we gradually discover through Meyer’s investigation, was murdered for refusing to take part in a CIA-funded plot by a gang of grim, Hebrew-speaking Jewish desperados to dynamite the Dome of the Rock and retake the Land of Israel from the Arabs. At the end of the book the Muslim shrine on the Temple Mount is bombed, time is nearly up for Sitka, and though Landsman is reunited with his wife, his job is ending and his home is about to vanish from beneath his feet. Although the author of the novel, who lives in radical Berkeley, is deeply critical of Israel and Zionism, extremely hostile to Orthodox Judaism, and not above employing the rawest anti-Semitic tropes and caricatures, the evocation of Hebrew is Psalmodic in its raw, intense love and lyricism: “They are talking, those Jews on the other side of the door, about roses and frankincense. They are standing in a desert wind under the date palms, and Landsman is there, in flowing robes that keep out the biblical sun, speaking Hebrew, and they are all friends and brothers together, and the mountains skip like rams, and the hills like little lambs” [3, p. 263]. This love lyric to the Hebrew language and the Land of Israel seems to emerge almost in spite of the author’s contemptuous attitudes. Balaam-like, seemingly against his conscious will, Chabon has also delivered the same argument in favor of Zionism and self-reliance as

the only remedies for Jewish homelessness and powerlessness in this alternative-history novel as the authors of the counterfactual history of the 1967 war.

Sitka is one fictional Jewish homeland, albeit short lived – after fifty years, Bring the Jubilee indeed! Another possible homeland is given more historical depth, though the novel that presents it is a shallow effort that does not come close in its literary quality, manipulation of Jewish languages, and construction of a plausible alternative reality to Chabon's intricate masterpiece. Emily Barton's *The Book of Esther* (2016) is set in 1942, during the advance of the Nazi juggernaut across the Ukraine. The narrator is a headstrong teenage girl, the daughter of the prime minister of Khazaria: the early medieval Turkic state on the Volga, whose rulers converted to Judaism, has endured, with the ruling class of observant Jews guiding the uncertain fortunes of a fairly humane polity that includes Muslims, Christians, and polytheists. Khazaria is technologically inferior to Germany, but it has sheltered Ashkenazic Jews fleeing eastwards and means to put up a fight. The Khazars' one military innovation is a mechanical mount, a contraption that marries the shape of a horse to the operation of a motorcycle. The novel notes that there are Jews in "Palestine", but a collective return to the Land of Israel, as the pious believe, must await the end of days. The book sounds all the primly appropriate notes of political correctness: Jews and Muslims live in peaceable amity, and even the meals are acceptably organic, with hot flatbread loaves and pleasantly spiced stews of lentils. At the end it is not clear whether Khazaria will survive.

The novel *J* (2014) by the award-winning English Jewish author and humorist Howard Jacobson, is a haunting book that stands fair to be recognized as a classic of present-day literature. It is set in the later decades of the 21st century: a dystopian future Britain is a run-down, isolated, depressing and depressed country whose people, all of whom have Ashkenazic Jewish surnames, seem permanently angry at each other. The word Jew is never once mentioned, though; the hero, Kevern Cohen, now a carpenter living on the edge of a seaside town in Cornwall or Devon, had been cautioned when a boy by his father to place two fingers over his mouth when saying any word with the letter J in it. He knows little of his own background except that his parents liked sardonic humor, listened to music that was not soothing, and painted unacceptably expressionist watercolors. Earnest talk without irony, hackneyed love songs, and idealistic paintings of nature are the cultural order of the day determined by a government ministry called Ofnow— one notes a possible debt to George Orwell's Newspeak. There are no more cell phones, laptops, or hi-fis: citizens have access only to "utility" devices that do not have applications to such things as blogs, chat rooms, and web sites. People are not supposed to own any relics of the past. Sometime in the 2020s, a few generations before the present action of the novel, "What Happened, If It Happened" (thus the official designation) occurred. Most of the characters in the book are inclined to think that if it happened, those to whom it happened had it coming. But plausible deniability is built in to the historical revision

of the British Holocaust; and the distribution of (Jewish) names to people and places is intended to neutralize, to erase any meaning they once had. The Jews are gone. The problem is that anti-Semitism, the novel suggests, is hard-wired into Western civilization and Christianity, and society cannot endure without Jews: other people need someone uniquely to hate, an outsider with qualities they can observe, enumerate, loathe, and envy in order to define who they are not (and, thereby, what their own identity is). Kevern is identified as a Jew, and a police agent of Ofnow named Esme engineers a meeting for him with Ailinn, a girl she has identified Jewess and pretended to befriend. The man and woman fall in love, and Ofnow's plan is for them to beget racially Jewish children to fuel the stalled machine of anti-Semitism and get the murderous wheels of society up and running once more. Ailinn becomes pregnant; Kevern, once he discerns the surreptitious plan and its character, leaps from a cliff into the sea, to his death.

Jacobson offers only glimpses of What Happened If It Happened: a mob of BDS demonstrators torching the Galilee art gallery in London and burning a little girl to death, ice cream trucks repurposed as the cattle cars of a second Final Solution, letters from the countryside to Jewish parents in the city returned with the stamp "Addressee unknown" (cf. Kathrine Taylor's short story of 1938 with that title, about Nazi Germany). Wealthy Arabs mill listlessly around rundown London hotels, bereft of an Israel to destroy. Jacobson's novel provides a painting of the void that we began this essay with: the aftermath of a *Dayyenu* without Sinai, or a meaningless, paganized Judaism in the wake of the defeat of the Maccabees. Yet the only thing worse than that void, the author suggests, is a return to the cyclical passion play of Jewish history. As Kevern stands on the cliff, he thinks, "What happened didn't always happen because you wanted it to, but what you made of it was your responsibility. Help there was little and gods there were none. We are the authors of our own consequences, if not always of our own actions. The credo of a serious man. You could be too serious, he didn't doubt that. But his birthright was his birthright." He hesitates to jump, but then hears the voice of his dead mother summoning him, "her old, frayed, faint, reproachful cry." Then, "He put his ear to the wind. He had always been a good boy. When your mother called..." [13, p. 342].

Kevern jumped. When the Nazis conquered Czechoslovakia, Marina Tsvetaeva composed these verses, finishing them eighty-one years ago today. Her suicide was delayed three years.

О, черная гора,
Затмившая весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь – быть.

В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей

Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть
Вниз – по течению спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ.

15 марта–11 мая 1939

Black mountain,
Blotting out all the light!
It's time, it's time, it's time
To hand back the ticket to God.

I refuse to be.
In the Bedlam of nonhumans
I refuse to live.
With the wolves of the public squares

I refuse to howl.
With the sharks of the plains
I refuse to swim down
On the current of human backs.

I need neither holes
For my ears, nor perceiving eyes.
To Your mindless world
There is but one answer: Refusal.

15 March-11 May 1939.

4. A true and counterfactual history of the Jewish people

My mind visualizes parallel universes as a deck of cards, but perhaps a better way to imagine one What If in history is Robert Frost's "The Road Not Taken"; in three dimensions, the intricate pattern of What Ifs might be so portrayed as to resemble the spreading, multiply forking branches of a tree. It has a trunk, if one is to believe that all things in all universes have a single common beginning in Creation; and complexity grows, spreading outwards and upwards, in the passage of time. Hermann Hesse in his novel about children at school uses a tree to think about the Hebrew language and by extension its speakers, their history, their thoughts and actions:

"Especially Hebrew kept all of them on their toes. The peculiar ancient language of Jehovah, an uncouth, withered and yet secretly living tree, took on an alien, gnarled and puzzling form before the boys' eyes, catching their attention through unusual linkages and astonishing them with remarkably colored and fragrant blossoms. In its branches, hollows, and roots lived friendly or gruesome thousand-year-old ghosts: phantastically fearsome dragons, lovely naïve girls and wrinkled sages next to handsome boys and calm-eyed girls or quarrelsome women. What had sounded remote and dreamlike in the Lutheran Bible was now lent blood in its true and coarse character, as well as a voice and an old, cumbersome but tenacious and ominous life. That at least was the way it appeared to Hellner, who cursed the entire Pentateuch on the hour and still found more life and spirit in it than many a patient drudge who knew the entire vocabulary and pronounced everything correctly" [9, p. 80].

The root of the tree is in the Beginning – the contraction of the Divine essence out of a spaceless point, the command "Let there be light!" and the contraction and infusion of the ten aspects of holy energy into the point to create the universe. Two millennia before creating the universe, though, God made His Torah, and sat around in His Heavenly Academy, studying it. I'm going to create the world now, He said. We'd rather you didn't, the worried angels offered. You know what human beings will do. Why not just stay here and enjoy Your Torah? No, God replied. I'm creating the world so My people Israel will study My Torah. The angels shrugged, all except for a pair of jokers who sometimes go by the names Harut and Marut, who had the chutzpah to say "We told you so!" (But that's another story) [22].

On the first Erev Shabbat, Adam and Eve were walking peacefully in the Garden of Delights. Had they not eaten the forbidden fruit, had Cain not slain his brother, had the world not gone so far astray as to bring on the Deluge, had Abraham never left home, had Moses stayed in Pharaoh's palace, and so on and so forth, the roots would still have been there, and the tree of life would still have grown, spreading its branches, twigs, leaves and flowers into the sea of space and time. On one branch, twigs diverged: on one, nothing more happened after the Exodus; on the other, pillars of cloud and fire guided the Chosen People to the Land of Israel. On one branch, the Maccabees lost their fight and their faith lapsed into obscurity; but an offshoot took leaf and became Chanukah and all that followed, all the way to

menorahs, *dreidels* (children's tops), *latkes* (potato pancakes) and *sufganiyot* (jelly doughnuts, God help us). The tree continued to grow: one of the King's Sons tended a mighty, vital branch that became Christianity; another Prophet taught the message of Islam. Some branches are unknown, waiting to be discovered in the imaginations of writers. In the hollows, boys and girls studied with wizened sages, and midst the birdsong the murmur of many tongues played upon the ear: Hebrew, Aramaic, Judeo-Persian, Judeo-Arabic, the strange speech of Eldad the Danite, Ladino, Yiddish, Esperanto, and a new sort of Hebrew again. The sap of one strong branch coursed across a vast ocean: under the benevolent gaze of Emma Lazarus' Mother of Exiles, the Children of Israel started to work, create, and dream in a new world: the English of Allen Ginsberg, Philip Roth, Saul Bellow, Bernard Malamud, Bob Dylan, and Leonard Cohen merged with the polyphonic, polyglottic chorus. On the branch of the Return, different offshoots led to Uganda, or Argentina, Mordechai Noah's little plot of land in upstate New York, or Sitka, Alaska. On one sprout, Jews named Shabbetai Tsvi, Marx, and Lenin declared themselves the gardeners, while Hasidic rabbis danced on another. One branch, charred by the fire of an arsonist madman who thought to extinguish all life, lost many of its twigs, and six million souls flew home past the sea of space and time, becoming a mountain enwreathed in flame. But in the spring a leaf poked through, and soon on the green stalk farmers danced in a circle in a bright, hot land under a flag of blue and white. Why would each supernal deed, each branch of the great tree, been enough for us, *dayyenu*, each time? It is because the roots, reaching deep into the dark mystery of the source of it all, still nourish a life that will bloom anew everywhere; for the earth is the Lord's, and the fullness thereof – and however crooked a branch may turn in time, however mortality may seem to wither it, the handsome boys, calm girls, old rabbis, and quarrelsome women carry on – *netsah Yisrael lo yishaqer*, "the eternity of Israel will never lie".

In her novel *The Lathe of Heaven*, [15, p. 61 f.] Ursula Le Guin imagines a quiet man living several hundred miles north of this valley, in Portland, Oregon. George Orr's dreams reshape reality retroactively; not wanting to change things, he tries to avoid sleep with drugs and is assigned to the care of a psychiatrist. The latter is incredulous at first, then is quickly convinced, and then attempts to utilize Orr's dreams to re-engineer society in various ways, though Orr's subconscious does not obey him precisely the way he wants. The scourge of racism is erased by everybody's skin becoming a bland, uniform gray. Humans have always been gray. There was never Black slavery, but neither was there a man named the Reverend Dr. Martin Luther King. World peace is an issue; nuclear obliteration, a ubiquitous threat. An alien invasion forces the world powers to abandon war and unite. (Fortunately, the aliens turn out to be benevolent beings who look like giant sea turtles, but I will not spoil the story for you.) And the problem of overpopulation is alleviated by... a *pandemic*. In each of Orr's worlds nobody but he (and Dr. Haber) knows that they are in an alternate reality. These lines are written in the Spring of the year of grace 2020,

in the time of the coronavirus pandemic, that came suddenly and almost without warning, sickened millions, swept away hundreds of thousands, crippled the world's economy, and changed radically and totally the everyday lives of every human being on the planet. Life today might look to a person last year like a dystopian fantasy alternate history, an ultimate affirmation of T.S. Eliot's poem on the cunning of history; and what lies before us is fearsome and unknown. One might be tempted in such times to return the entry ticket to the Creator, as the despairing poetess did; but it is better to remember the lines of the great Russian Christian humanist from the novel, *Anna Karenina*, though he lived so long and did so much that in his later years his mind, a great tree branching in thousands of directions, forgot its own fruit: «*Но Левин не застрелился и не повесился и продолжал жить*» ("But Levin did not shoot himself or hang himself. He continued to live"). And so may we, curious to see what comes; and may we keep on dreaming, creating, both mourning and delighting, and imagining What If.

Bibliography

1. Emily Barton, *The Book of Esther*, New York: Tim Duggan Books, 2016.
2. Elias Bickerman, *The God of the Maccabees: Studies on the Meaning and Origin of the Maccabean Revolt*, Leiden: Brill, 1979.
3. Michael Chabon, *The Yiddish Policemen's Union: A Novel*, New York: Harper Collins, 2007.
4. E.M. Cioran, *Tears and Saints*, tr. Ilinca Zarifopol-Johnston, Chicago: University of Chicago Press, 1995.
5. Richard Z. Chesnoff, Edward Klein, and Robert Littell, *If Israel Lost The War: A Novel*, New York: Coward-McCann, 1969.
6. Lawrence Sutin, ed., *The Shifting Realities of Philip K. Dick: Selected Literary and Philosophical Writings*, New York: Pantheon, 1995.
7. Philip K. Dick, *Four Novels of the 1960s: The Man in the High Castle, The Three Stigmata of Palmer Eldritch, Do Androids Dream of Electric Sheep, Ubik*, New York: The Library of America, 2007.
8. Richard Harris, *Fatherland: A Novel*, London: Hutchinson, 1992.
9. Michael Roloff, tr., Hermann Hesse, *Beneath the Wheel*, New York: Farrar, Straus and Giroux, 1968 (German *Unterm Rad*, 1906).
10. Pamela Jackson and Jonathan Lethem, eds., *The Exegesis of Philip K. Dick*, Boston and New York: Houghton Mifflin, 2011.
11. Stephanie Ann Frampton, *Empire of Letters: Writing in Roman Literature and Thought from Lucretius to Ovid*, New York: Oxford University Press, 2019.

12. Heinrich Guggenheimer, *The Scholar's Haggadah: Ashkenazic, Sephardic, and Oriental Versions*, Northvale, NJ: Jason Aronson, 1995.
13. Howard Jacobson, *J*, London and New York: Hogarth, 2014.
14. Anthony Julius, *T.S. Eliot, Anti-Semitism, and Literary Form*, New York: Cambridge University Press, 1996.
15. Ursula Le Guin, *The Lathe of Heaven*, New York: Charles Scribner's Sons, 1971.
16. Ward Moore, *Bring the Jubilee*, Norwalk, CT: The Easton Press, 1987.
17. Michael B. Oren, *Six Days of War: June 1967 and the Making of the Modern Middle East*, New York: Oxford University Press, 2002.
18. Philip Roth, *The Plot Against America*, Boston and New York: Houghton Mifflin, 2004.
19. Philip Roth, “The Story Behind ‘The Plot Against America’,” *The New York Times Book Review*, Sunday 19 September 2004, pp. 10-12.
20. James R. Russell, “Sasanian Yarns: The Problem of the Centaurs Reconsidered,” *Atti dei Convegni Lincei*, 201, *La Persia e Bisanzio*, Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 2004, pp. 411-438.
21. James R. Russell, “This Land Was Your Land, This Land Was My Land,” review article on *Philip Roth, The Plot Against America*, in *Zeek*, Fall 2004 (Russian translation published in *Becmu*, Tel Aviv, Israel, 11-13 May 2005).
22. James R. Russell, “Hārūt and Mārūt: The Armenian Zoroastrian Demonic Twins in the *Qur’ān* Who Invented Fiction,” in S. Tokhtasev and P. Luria, eds., *Commentationes Iranicae: Сборник статей к 90-летию В.А. Лившица*, St. Petersburg: Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and Nestor-Historia, 2013, pp. 469-480.
23. James R. Russell, “Aeneas and Moses,” *Judaica Petropolitana* 12, 2019, pp. 118-156.
24. James R. Russell, א לשון פאר שפֿרײַנצעלע (A *loshn far Shprintzele*, “A language for Shprintzele”), forthcoming in *Jewish Languages*, St. Petersburg, 2020.
25. Harry Turtledove and Martin H. Greenberg, eds., *The Best Alternate History Stories of the 20th Century*, New York: Del Rey, 2001.

НАЧИНАЮЩИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О НОМО LOQUENS

УДК 37 (091)

Барышева Эрика Константиновна
студентка 4 курса факультета мировых языков и культур,
Русская христианская гуманитарная академия
stanislavaerika@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ФИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СОДЕРЖАЩИХ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И ЧАСТЕЙ ТЕЛА)

В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентами-соматизмами и зоонимами русского и финского языков. Интерес к этому языковому явлению у лингвистов остается и по сей день, так как множество фразеологических оборотов в разных странах имеют отличимые друг от друга образы или формы построения, но, по сути, реализуют одинаковые семантические значения. Задачей автора является попытка систематизации проблем соответствия фразеологизмов, содержащих названия животных и частей тела в финском и русском языках в художественном переводе.

Ключевые слова: фразеологическая единица, соматизм, зооним, semantic значение, художественный перевод.

*Barysheva Erika Konstantinovna
Problems of compliance of phraseological units in the finnish and russian
languages in artistic translation (on the example of phraseologists containing the name
of animals and parts of the body)*

The article deals with phraseological units with components-somatisms and zoonyms of the Russian and Finnish languages. Interest in this language phenomenon directly among linguists remains to this day, since many phraseological turns in different countries have distinct images or forms of construction, but in fact they have the same semantic meanings. The author's task is an attempt to systematize the problems of matching phraseological units containing the names of animals and body parts in the Finnish and Russian languages in literary translation.

Key words: phraseological unit, somatism, zoononym, semantic meaning, literary translation.

Практически в любом языке можно наблюдать такое языковое явление как фразеологизм (фразеологический оборот). Каждое такое словосочетание или предложение выполняет функцию отдельной лексемы, то есть имеет собственное значение, которое не выводится из составляющих его элементов. Шарль Балли, швейцарский лингвист, первым ввел понятие *phraseologie*, и дал

следующее определение фразеологическим единицам: «...сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами...» [1, с. 59]. Ученый стал основоположником теории фразеологии, так как он первый описал данное языковое явление в своих двух работах «Общая стилистика и вопросы французского языка» и «Французская стилистика», а именно систематизировал сочетания слов [1, с.10].

Фразеологизмы – это сверхинформативная единица любого языка. В них отражается история народа, особенности культуры и быта изучаемой страны. Ю.М. Лотман пишет о том, что фразеологизм возник в языке из культуры, которая таким образом «осуществляет память о себе» [5, с. 129]. Фразеологизмы в структурно-семантическом и функциональном аспекте детерминируются той или иной лингвокультурой.

Лингвокультурология – это наука, «возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [6, с. 8]. В процессе межкультурной коммуникации можно выявить множество специфических национальных ценностей, которые непосредственно отражают общую картину культурных традиций. Ведущая задача лингвокультурологии – изучение концептов национальной культуры для адекватного и полноценного взаимопонимания. Фразеологизмы, как было указано ранее, одни из самых важных носителей и источников межкультурной информации. В.Н. Телия пишет о том, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание» [7, с. 82]. Поэтому данная наука дает возможность глубже рассмотреть роль фразеологии в концепции возникновения мироощущения изучаемого народа.

Известный русский лингвист В.В. Виноградов внес большой вклад в развитие фразеологии как науки, классифицировав данные неделимые словосочетания на фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания.

К определению и разделению фразеологических единиц у разных исследователей свое отношение. Одни видят все устойчивые словосочетания в категории фразеологизмов, другие выделяют только их ограниченное количество. В связи с такими разносторонними взглядами традиционно выделяют узкий и широкий подход к описанию предмета исследования фразеологии. Например, В.В. Виноградов в свою классификацию фразеологических единиц не включает пословицы, крылатые слова, поговорки. Он считает, что «Пословицы и поговорки имеют структуру предложения и не являются семантическими эквивалентами слов». А по мнению А.В. Кунина, к фразеологическим единицам относятся «...все устойчивые сочетания слов с

осложненной семантикой...» от «...двусоставных образований...» до сложных предложений, т.е. пословиц [4, с. 31].

В отличие от спорного вопроса отнесения пословиц к тому или иному классу в русском языке, в финском пословицы и поговорки несомненно относятся к фразеологии. Первым ранним памятником фразеологизмам считается рукопись известного финского переводчика Микаэла Агриколы “*Rucouskirja Bibliasta*” («Молитвы из Библии»), в которой встречаются пословицы и поговорки на финском языке. Например, *Ei jää kiveä kiven päälle* переводится как «камня на камне не осталось». В Новом Завете Евангелия от Матфея 24:1-2 Иисус оплакивает участь, которую ждет Иерусалим в будущем (в 70 г. н.э. город был разрушен и опустошен римлянами, в этой борьбе погибло несметное количество жителей). В современном финском языке данное выражение означает полное разрушение, уничтожение чего-либо.

В древности люди пытались найти иной способ передачи информации, чем верbalное взаимодействие. В употребление вошли изображения того, что человек хотел сказать, на разного рода предметах. Известно, что одним из первых видов письменности была пиктограмма или «рассказ-рисунок». Иными словами, это изображение предметов, событий или действий при помощи знаковой системы. Например, изображение глаза означало «видеть», а ноги – «ходить» и т.д. В процессе развития письменности знаки стали переходить в слова, но использование частей тела как обозначения какого-либо рода деятельности остается во фразеологизмах и по сей день. Н.М. Шанский в своей работе «Фразеология современного русского языка» как раз и указывает на то, что фразеологическая единица с компонентом-соматизмом является наиболее значимой и высокопродуктивной частью фразеологического состава [9, с. 39].

Следует отметить, что наиболее распространённые фразеологические выражения связаны с соматизмами – названиями наружных частей тела человека. Фразеологии с компонентами голова, глаз, нос, рука, ухо и язык составляет около 70% всех соматических фразеологических единиц [8, с. 3].

В финноугроведении термин «соматизмы» был упомянут у Ф.А. Вакка, в исследовании фразеологизмов эстонского языка с данным компонентом. По его словам, источником соматических фразеологизмов являются живая речь, жаргоны или арго. [2, с. 8]. Также он писал о том, что данная категория – древнейшая часть фразеологии и является наиболее употребляемой в устойчивых выражениях эстонского языка [2, с. 23].

Русский фразеологизм «нечисты на руку» в исполнении финнов будет звучать как *joki on pitkäkyntinen*, т.е. у них длинные ногти, чтобы удобнее было хватать все, что плохо лежит. Русские в момент отчаяния «опускают руки», а финны *laskea kerveensä järveen* опускают руки с топором в озеро. В данном выражении можно найти описание финской натуры.

Еще одним компонентом, который входит в структуру фразеологических единиц – это зоонимы. Под данным термином мы понимаем имя нарицательное, обозначающее животное. В составе фразеологизмов зоонимы используются как метафора для описания человека – его характера, внешних качеств или умственных способностей. Тот же Ш. Балли утверждал: «Извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить то, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности» [4, с. 4].

В сравнении фразеологизмов русского и финского языке с компонентом-зоонимом отражаются культурные традиции изучаемых народов. В России у богатых людей «деньги куры не клюют», а у финских олигархов – *jollakulla on raha* *vaika lehtä söisi* их «коровы не жуют». Это связано с тем, что в Финляндии находится самая известная фабрика по производству молочных продуктов из коровьего молока, да и у финнов чаще всего вы увидите в качестве домашнего скота корову, нежели других животных.

Особую важность имеет в Финляндии медведь, так как для финнов данное животное является священным. Согласно мифологии, он пользовался особым почетным отношением у финно-угорских народов. По одним поверьям, медведь появился из шерсти, сброшенной с небес в воду, по другим – животное родилось рядом с небесным светилом на небе, у Большой медведицы. Потом его опустили на землю в позолоченной колыбели на серебряных ремнях в лес. Медведь – родственник человека, он из одного и того же рода Адама и Евы. Отец и мать животного – Хонгатар (родственно слову сосна). В некоторых заговорах медведя встречают как жениха – застилают постель с золотой периной. Череп медведя вешали на сосну – по сути, на то место, где он и родился, люди верили, что животное возродится вновь. Поэтому в различных пословицах и поговорках отрицательным смыслом медведя не упоминают. Например, эквивалентом пословицы «не стоит делить шкуру медведя» в Финляндии будет *nuolaista ennen kuin tipahtaa* (не глотай прежде, чем капнуло). Про человека, которому «медведь на ухо наступил», финны скажут *Joku laulaa niutin vierestä* (поет рядом с нотой).

Таким образом, различия образности фразеологических единиц в финском и русском языках связаны со спецификой отношения народа к той или иной ситуации, действию или явлению. Это хорошо видно на примере соматизмов во фразеологизмах. А исторически сложившаяся модальность культурных ценностей обоих народов отражается во фразеологизмах с зоонимами.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика / Под ред. Е. Г. Эткинда. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
2. Вакк Ф.А. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Таллин: [б. и.], 1964. 30 с.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избр. тр. М.: Наука, 1986.
4. Куний А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М: Наука, 2005. 488 с.
5. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1. Таллин: Александра, 1992. 478 с.
6. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 207 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
9. Чжан Сюеин. Исследование семантических особенностей фразеологизмов с компонентами-соматизмами // Филология и человек. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-semaniticheskikh-osobennostey-frazeologizmov-s-komponentami-somatizmami> (дата обращения: 20.03.2020).
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.

Словари

11. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995.

Елисеева Евгения Сергеевна
студентка 4 курса факультета мировых языков и культур,
Русская христианская гуманитарная академия
eliseeva.evgeniya.96@mail.ru

RECEIVED PRONUNCIATION: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Данная статья посвящена проблеме изменения британского произносительного стандарта. В статье представлены результаты слухового и акустического анализа речи носителей британского произносительного стандарта, свидетельствующих о модернизации RP.

Ключевые слова: британский произносительный стандарт, произносительная норма, экспериментально-фонетическое исследование, акустический анализ речи.

Eliseeva Evgenia Sergeevna
Received Pronunciation: the Results of Phonetic Analysis

The paper considers the problematic situation of changing within standard British pronunciation (RP) and provides some results of speech analysis of native speakers that prove RP modernization.

Key words: standard RP, RP variation, pronunciation, acoustic analysis of speech, phonetic research

Как и любой произносительный стандарт, RP имеет тенденции со временем изменяться и включать в себя новые особенности. В настоящее время английские лингвисты отмечают, что за последние годы наблюдаются изменения в произношении как согласных, так и гласных звуков.

Что касается гласных звуков, то самым распространенным процессом на данный момент выступает процесс «монофтонгизации» дифтонга [iə], его переход в монофтонг [ɛ:]. В качестве примера можно привести слова *sure*, *poor*, в которых, по данным произносительного словаря Дж. Уэллса, вариант произношения [ɛ:] / [rɛ:] превалирует над стандартным [ʊə]/ [rʊə] [5, с. 547].

Монофтонгизации подвергаются и трифтонги английского языка [1, с. 8]. Например, в словах *our* или *tower* трифтонг [aʊə] звучит как монофтонг [a:]. Другой трифтонг [aɪə] также подвергается монофтонгизации, поэтому и слово *tyre* по такому же принципу звучит как [ta:].

В системе согласных распространяется тенденция к «палatalизации», т.е. смягчению согласных звуков [k], [g], [γ] в финальной позиции после гласных переднего ряда. Например, слово *week* произносится как [wi:k'] и *speak* как [spi:k']. Особенно это заметно в речи молодого поколения [2, с. 85].

Ещё одна тенденция под названием «глottализация» сейчас также широко распространена в RP. Данный процесс обычно связан с заменой согласного звука [p], [t] или [k] на гортанный смычный звук [χ], например, в слове *water* [wɔ:χə], или в слове *getting* [gɛχɪŋ]. Причиной этому может служить влияние Cockney [1, с. 5].

Следующей тенденцией является противоположное глottализации озвончение звука [t] (*T-voicing*) в интервокальной позиции. Данное явление распространено в речи молодых людей и, скорее всего, такое произношение было заимствовано из американского варианта английского языка. Например, слово *better* звучит как [betχ], слово *little* как [lɪtχə], а *British* – [brɪtχɪʃ].

Наконец, изменение произношения в RP происходит и в словах со звуком *yod*, поскольку нередко при сочетании звука [j] с [d] или [t] происходит взаимная ассимиляция. Например, в таких словах, как *Tuesday*, *dune*, произносится аффриката [χf] или [χd] [5]. Кроме того, в некоторых словах вовсе происходит утрата данного звука, как, например, в слове *suit* [5, с. 689].

Возвращаясь к теме статьи, хочется отметить, что для обоснования описанных выше теоретических наблюдений был проведен анализ речи носителей RP. В качестве материала для этого небольшого исследования был взят подкаст *Luke's English Podcast* и, так как он является обучающим, то и воспринимается как модель/идеал при изучении английского языка как иностранного [4].

Анализировалась речь четырех дикторов разного пола и возраста:

Пол		Возраст	
Мужчины	Женщины	60 +	От 35 до 50
Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Диктор 1
Диктор 3	Диктор 4	Диктор 4	Диктор 2

Выводы по результатам экспериментально-фонетического анализа: описанные в первой части статьи изменения в британском произносительном стандарте подтверждаются на практике. А именно:

1.1 Монофтонгизация дифтонга [uə]. В результате слухового и акустического анализа речи было установлено, что диктор 1 и диктор 2 произносят слово *sure* как [ʃɔ:], в то время как у диктора 3 стандартное [ʃuə]. Слуховые наблюдения удалось подтвердить спектральным анализом, т.е. при сравнении показателей формант. На спектрограммах, произнесения слова *sure* у обоих дикторов после палatalного [ʃ] переходный участок к ударному гласному имеет схожий характер. Однако, как хорошо видно на спектрограмме, у диктора 3 (рис. 1) [y]-образный элемент длительнее и характеризуется большей интенсивностью формант (1-4), поскольку является ядром дифтонга, а далее следует полуоткрытый гайд центрального ряда, по формантным

показателям близкий к [ʌ], здесь $F2 = 1313$ Гц при средних показателях звука [ʌ], равных 1259 Гц [4, с. 49]. Напротив, на спектрограмме произнесения слова *sure* диктором 1 (рис. 2) переходный участок от [ʃ] значительно короче, а далее следует огубленный гласный [ɔ:] среднего подъема заднего ряда, причем его интенсивность нарастает. При сравнении показателей формант получается, что у диктора 1 $F2$ для [ɔ:] = 879 Гц, при норме 828 Гц.

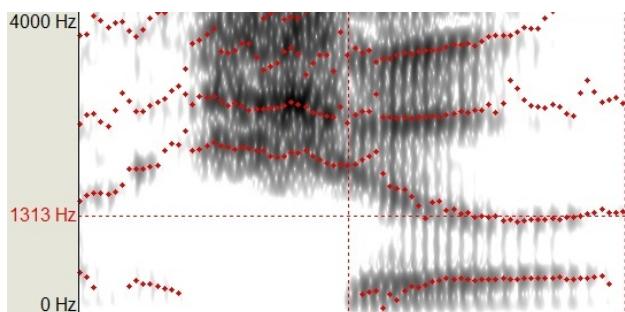

Рис. 1. Произнесение слова *sure*
диктором 3

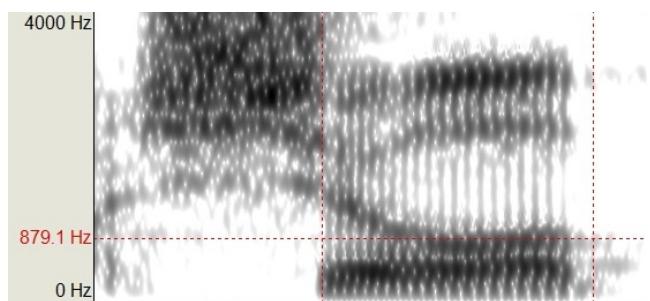

Рис. 2. Произнесение слова *sure*
диктором 1

1.2 Монофтонгизация трифтонга [aʊə]. У диктора 1 и диктора 4 слово *our* с трифтонгом [aʊə] звучит как монофтонг [a:]. Показатели формант, у диктора 4, например, на всем протяжении остаются практически стабильными (рис. 3).

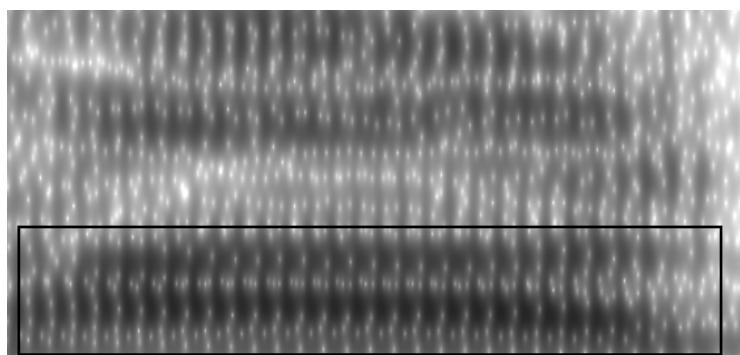

Рис. 3. Произнесение слова «our» диктором 4

2. Палатализация. Данная тенденция присутствует преимущественно в речи более молодого поколения британцев (35-50 лет). Например, диктор 1 произносит [spi:k'], [wi:k'] и [kwik'], у диктора 2 - [θiŋk'].

3. Глоттализация. Процесс глоттализации затрагивает не только отдельные слова, но и словосочетания. У диктора 1 часто происходит замена звука [t] на гортанный смычку в слове [geŋg], а также в словосочетаниях *get*

into the house, at home; at least, start looking, в следующих сочетаниях: *at home, at least, start looking*, в служебных словах: *it is*. Важно отметить, что данный процесс тесно связан с так называемым явлением «связной» речи, предполагающим редукцию и упрощение речи.

4. Озвончение [t] в интервокальной позиции. Данный процесс, напротив, проявляется не так ярко – замечено у диктора 2 в слове *matter* [mætə], у диктора 1 – *better* [betə].

5. Взаимная ассимиляции звука [j] с [t] и [d]. Дикторы 1, 2, 3, 4 произносят слово *during* одинаково – [dʒuərɪŋ]. Дикторы 1, 2 произносят *due* как [dʒi:]. У диктора 1 звук [dʒ] встречается и в словах *educate, June*, в сочетании *did you*, а звук [ʃ] в слове *tube*.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что описанные в литературе изменения находят подтверждение в реальной речи носителей британского произносительного стандарта. В то же время, если взаимную ассимиляцию звука [j] с [t], [d] или полную утрату данного звука можно отнести к универсальным явлениям, остальные изменения (в частности, глottализация, озвончение интервокального [t], палатализация заднеязычных и монофтонгизация дифтонга [ʊə]) все еще носят вариативный характер и, по всей видимости, пока характерны преимущественно для речи поколения британцев моложе 60 лет.

Литература

1. Абрамова И.Е. Британский произносительный стандарт: тенденции развития // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2010. № 29 (210). С. 5-10.
2. Бондарец О.Э Периоды изменений в фонетических системах английского и французского языков // Вестник Таганрогского инс-та им. А.П. Чехова. 2009. С. 86-98.
3. Deterding. D. The Formants of Monophthong Vowels in Standard Southern British English Pronunciation // Journal of the International Phonetic Association. № 27. 1997. P. 47-55.
4. Luke's English Podcast. URL : <https://teacherluke.co.uk/> (дата обращения: 18. 05. 2020).
5. Wells J.C. Longman Pronunciation dictionary, 1990. 963 p.
6. Wells J. What is Estuary English? // English Teaching Professional. 1997. URL : <https://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/> (дата обращения: 18. 05. 2020).

Макаров Даниил Сергеевич

студент 4 курса факультета мировых языков и культур,

Русская христианская гуманитарная академия

Danny.0607@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «БАСКЕТБОЛ»

(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена особенностям перевода баскетбольной терминологии в американском варианте английского языка. В статье рассматривается теоретическая литература по терминологии, сленгу; подобран лексический материал для анализа. Лексические единицы распределены по группам. Результаты анализа позволяют описать некоторые особенности современной американской картины мира.

Ключевые слова: термин, контекст, сленг, метафора, языковая картина мира.

Makarov Daniil Sergeyevich

Translation specifics of basketball vocabulary in American English

The article is devoted to the peculiarities of translating basketball terminology based on the American version of English. It reviews theoretical literature on terminology and slang; the research is based on comprehensive lexical material selected from various sources. Vocabulary units will be distributed and identified in groups. The results of the analysis will allow us to describe some features of the worldview of the language that is ingrained in modern English.

Key words: terminology, context, slang, metaphor, novelty.

Как и в любом другом спорте, в баскетболе есть свои выражения и термины, без знания которых понимать суть игры крайне сложно. Во время просмотра баскетбольного матча большинству людей, не увлекающихся баскетболом, будет нелегко понять комментатора, поскольку в его речи часто можно услышать незнакомые термины и выражения про невероятный кроссовер, несправедливый чардж, ужасный дабл-стэпбэк или отточенный евростеп. Незнание этих выражений может снизить заинтересованность в игре потенциального зрителя, которому для того, чтобы разобраться во всех моментах, придется искать определения в интернете, книгах или же спрашивать у друзей. Помимо этого, незнание баскетбольного вокабуларя может вызвать трудности и у самого спортсмена, т.к. отсутствие определенных знаний в этой сфере может стать причиной несыгранности и общей ограниченности в взаимодействиях с партнерами по команде. Список терминов может быть

наиболее полезен прежде всего для спортсменов, тренеров, официальных лиц, переводчиков, спортивных журналистов и комментаторов.

Знание всех необходимых терминов поможет сконцентрироваться на самой игре, а не на вопросах, касающихся тактик, схем и комбинаций. Так как баскетбол зародился в Соединенных Штатах Америки в конце 19 века, то все специфичные для этой игры слова и выражения изначально появились в английском языке. На данный момент эта терминология хоть и была изучена, однако остались определенные лакуны, вследствие чего в русском языке до сих пор нет перевода всех терминов; именно поэтому часть из них калькируется.

Следует также отметить, что баскетбольный сленг не стоит на месте, и с каждым годом можно услышать все больше новых сленговых выражений, слов и сокращений, появляющихся в данной сфере. Все термины, выражения и фразы располагаются в порядке английского алфавита. Если термин представляет собой словосочетание, то он дается по первой букве первого слова, а не стержневого.

Настоящая статья может быть полезной для широкого круга лиц, пользующихся английским языком при подготовке к работе вcommentаторской деятельности, подготовке к соревнованиям, проведению спортивных мероприятий и т.п.

Актуальность статьи состоит в том, что в ней рассматриваются термины и выражения, не имеющие аналогов в русском языке.

Объектом исследования является пласт современных баскетбольных терминов на базе американского английского языка.

Предметом исследования являются лексико-семантические особенности терминов в настоящее время.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть и изучить особенности лексико-семантической группы «баскетбол».

Цель исследования обусловила постановку его задач: изучить теоретическую литературу по терминологии, сленгу; подобрать лексический материал для анализа, распределить выявленные единицы по группам:

1. Баскетбольные термины
2. Сокращения, аббревиатуры и акронимы
3. Сленговые единицы
4. Метафоры

Только баскетбольных терминов на данный момент насчитывается более четырехсот, не считая сленговых выражений. Терминология используется регулярно во время тренировок, игр на спортивных площадках, во время матчей и различных игр. Данные термины помогают лучше разобраться в концепции игры и понимать различные тактики.

Для начала следует разобраться с тем, что же такое термин.

Термин – основной объект исследования терминоведения, науки, рассматривающей данную лексическую единицу с точки зрения типологии, происхождения, формы, содержания и функционирования, а также изучающую принципы и методы классификации терминов [4, с. 115]. Термины существуют в составе терминологии («терминологического поля», терминологической системы) – совокупности терминов, используемых в той или иной области знания. Ниже приведены некоторые из них:

Airball (дословно «воздушный мяч») – неудачный бросок игрока, при котором мяч не касается кольца, дужки кольца или щита. Чаще всего его совершают за пределами трехочковой зоны на последних секундах атаки, либо когда игрок, не имеющий в своем арсенале снайперских навыков, к примеру, центровой, совершает бросок издалека: *Another poor decision by Iverson as he shoots his 3rd consecutive airball in clutch when it doesn't touch the net.*

На русский язык *airball* переводят как «сквозняк»: *Если ты знаешь, что твоя задача стоять под кольцом и собирать подборы, то, может, наконец перестанешь кидать сквозняки и возьмешься за ум?*

Floater (дословно «поплавок») – тип броска, обычно используемый игроками с небольшим ростом. Он характеризуется тем, что имеет чрезвычайно высокую дугу, чтобы предотвратить блокирование броска более высокими защитниками противоположной команды. Пример: *If a small point guard wants to stay in the league, he has to add a solid 3 point shot, dribbling and a floater in his arsenal.* Специального эквивалента в русском языке для данного термина нет, поэтому используют кальку: «флоатер»: *Довольно полезным способом обыграть игрока около кольца – бросить флоатер.* Синонимами к этому термину являются слова *teardrop* и *runner*.

Jab Step (дословно «удар шаг») – обманное движение: резкий шаг и возвращение в исходную стойку с ведением с целью вывести защитника из равновесия или создать себе дополнительное пространство: *He hit him with that jab step and created just the right amount of space to get that shot to go down.* Русского эквивалента на данный момент нет, поэтому слово калькируется.

Существует также множество сокращений, акронимов и аббревиатур, которые повсеместно используются:

RPG: Rebounds Per Game – подборов в среднем за игру

SPG: Steals Per Game – перехватов в среднем за игру

STL: Steals – перехват

TOT: Total Rebounds – общее количество подборов

TPG: Turnovers Per Game – потерь в среднем за игру

3&D (дословно три и Д) – узкопрофильные игроки, который имеет огромную востребованность в современном баскетболе, это человек, который специализируется на дальних бросках (3) и отлично защищается на периметре (D – *defense*). Сегодня баскетбольная идеология все чаще сводится к

математической аналитике, подтверждающей, что в процентном соотношении больше шансов добыть победу, бросая больше бросков из-за дуги. Однако следует заметить, что такой подход к игре не всегда верен, ведь нужно понимать, что трехочковый бросок в регулярном сезоне и тот же бросок в плей-офф совершенно разные как раз из-за психологического давления. Тем не менее 3&D игроки всегда будут под радаром генеральных менеджеров НБА благодаря своей универсальности. Пример употребления: *They have got one more spot before the deadline so I'm very confident they will be looking for a 3&D guy who could fit in the team right away.* В русском языке ближайшим по смыслу будет словосочетание «универсальный игрок», но чаще всего этот термин просто калькируется «Три энд Ди»: *Нью-Йорк Никс продолжать попытки подписать звездного три-энд-ди винга по окончанию регулярного чемпионата.*

Теперь перейдем к рассмотрению сленговых единиц.

Сленг – это лексический пласт языка, который функционирует в речи различных групп людей, в том числе и в баскетбольных кругах. Употребление различных видов сленга (спортивного, молодежного, театрального, компьютерного, армейского и др.) зависит от социального статуса носителей, ситуации, речевого поведения. Примеры сленговых выражений:

Choke (дословно задохнуться) – используется при описании момента, когда игрок под давлением в заключительных моментах игры совершил досадную потерю, поскользнулся или совершил плохой бросок, при котором мяч даже не коснулся кольца (см. *Brick*). Этот глагол также используют для описания плохого выступления в плей-офф после выдающихся результатов в регулярном чемпионате: *I was trying to convince myself he would not choke in the playoffs once again and yet he keeps coming up small every single year.* Очень часто в русском языке это слово калькируется «чокернуть», «зачокерить»: *Несмотря на 55 очков за 3 четверти, он все же как-то умудрился набрать только 4 очка за четвертую четверть и полностью зачокерил концовку, совершив 2 потери в клатче и смазав 3 важных штрафных броска.*

Choker (дословно «чокер») – игрок, плохо проводящий напряженные концовки матчей. Вывод делается не по одной-двум играм, а по итогам длинного отрезка чемпионата, либо всей карьеры баскетболиста. Крайне обидная характеристика, которой, тем не менее, часто награждают даже признанных звезд. Набирать много очков – одно, набирать очки в самой концовке, в горячке борьбы – совсем другое. К сожалению, это дано не всем. Дословно – это человек, который задыхается в самый ответственный момент, когда результат игры находится в руках у игрока: *Even though he averages a lot of points in the regular season and demolishes all those weak teams, it does not even matter because he always melts under pressure and the guy is merely a choker in the playoffs. All of a sudden he loses his confidence and his legs start to feel like nuddles when it is time to show up.* В русском варианте это слово также калькируется:

«чокер»: Что бы кто ни говорил про Роя Ричардсона, все мы знаем, что приходит время добывать победу для команды на последних минутах, из суперзвезды НБА он превращается в обычного **чокера**.

Flop (дословно «жульничество») когда игрок намеренно падает или спотыкается, чтобы показалось, что на нем были нарушены правила. Это могут делать как обороне, так и в атаке. Бывают случаи, когда игрок делает вид, что совершают бросок, специально находя контакт с оппонентом и зарабатывая штрафные броски: *That was an obvious flop by James Harden and I cannot believe the referees called that a foul!* В русском языке повсеместно используется калька «флоп», «флопить», «зафлопить». Флоппер – человек совершающий «флопы»: *Крис Пол – настоящий флоппер, как ни посмотрю с ним игру, он сам нарывается на контакт во время двухочкового броска.*

Glue guy (клеевой парень) – человек, который помогает всем сплотиться и работать как единое целое; лидер в команде, готовый в нужный момент воодушевить и поддержать своего напарника. Не всегда лучший игрок, однако при этом человек, обладающий лидерскими качествами: *It's crucial to have a glue guy on your team if you all do want to compete for the championship this year.* Точного эквивалента этому выражению в русском языке нет, но по смыслу можно подобрать следующие аналоги: «ментальный лидер», «лидер раздевалки»: *Несмотря на то, что Пи Джей Такер не является лучшим игроком в составе Хьюстона, он все равно является ментальным лидером команды.*

Следующей группой слов для рассмотрения являются **метафоры** для описания той или иной ситуации, не имеющие аналогов в русском языке. Примерами метафор могут служить следующие:

be ice cold – (дословно «быть холодным») у любого профессионального баскетболиста бывают спады. В спорте это обычное явление, и как раз во время спада у игрока может быть плохая игра в статистическом плане. Обычно этот термин используется для описания ситуации, когда какой бы бросок баскетболист ни совершил, ни один из них не достигает цели: *After missing his 9 straight three-pointer it was obvious he was simply ice cold in that game.*

can't hit the ocean – используется для описания ситуации, когда игрок не может забросить мяч в кольцо, либо забивает, но с удручающим процентом: *After a disappointing playoff exit he admitted that was atrocious and just couldn't hit anything in the ocean.* Синонимичным выражением, описывающим эту ситуацию, является *Can't buy a basket*: *After recovering from a devastating injury, Jimmy Butler could not get in rhythm throughout the first two months into the season and therefore simply could not buy a basket*

put somebody in the popcorn machine – (дословно «засунуть в попкорн-машину») – заставить противника потерять равновесие с помощью дриблинга. Своебразная аллюзия на то, как кукурузные зерна хаотично движутся в

емкости при приготовлении попкорна: *Nobody can guard arguably the best offensive force in the history of NBA as Michael Jordan puts Gary Payton in the popcorn machine for 2 and 1.* Синонимом этой фразы является выражение *To put somebody on skates*, имеющее сходное значение.

shoot from the parking lot – совершать бросок с дальнего расстояния (чаще всего за трехочковой линией): *What an incredible shot by James Harden, he shot that from the parking lot and still got it to go.*

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Практически у всех профессиональных баскетбольных терминов есть устоявшиеся эквиваленты в русском языке, что позволяет детально разобраться даже в мельчайших аспектах игры.

2. Сокращения, аббревиатуры по большей части переведены и широко используются в баскетбольных кругах.

3. Сленговые единицы на данный момент не полностью изучены, вследствие чего существенная часть из них калькируется.

4. Метафоры, используемые баскетбольными комментаторами во время матчей, также не являются изученными и наибольшая их часть попросту не имеет эквивалентов. Чаще всего подбирается лишь интуитивный аналоговый перевод на основе контекста.

Литература:

1. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 301 с.
2. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 1956. №6. С.107-114.
3. Баскетбол. Спортивные термины на пяти языках. М., 1984. 214 с.
4. Kiseleva S.V., Trofimova N.A., Mironova M.Yu. The Problems of Conceptualization and Categorization in English Terminology // Дискурс. 2020. №6 (2). С. 115-124.

Макарова Мария Эдуардовна

студентка 4 курса факультета мировых языков и культур,

Русская христианская гуманитарная академия

oks75makar@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИГРОВОГО СЛЕНГА

Данная статья посвящена рассмотрению лексической специфики отечественного сленга геймеров, а также социальному и когнитивному влиянию видеоигр на их любителей. В статье представлена лексика онлайн игр, как универсальная для всей субкультуры геймеров, так и специфическая, используемая в рамках только одного игрового сообщества.

Ключевые слова: игровой сленг, видеоигры, киберспорт, варваризмы, коммуникация, онлайн игры.

Makarova Maria Eduardovna

Lexical features of gaming slang

The paper deals with lexical characteristics of russian gamers' slang as also the social and cognitive impact of video games on gaming enthusiasts. The article represents a segment of vocabulary of online games both as a common lexical unit used by the whole subculture of gamers and specific ones, used by certain gaming community.

Key words: gaming slang, video games, e-sports, foreignism, communication, online games.

В современном мире компьютерные игры заняли ведущую роль не только в области досуга и отдыха, но также в профессиональной деятельности сотен прогеймеров, чья аудитория насчитывает миллионы. Согласно информационному порталу «Чемпионат», за ежегодным турниром по Dota 2 пять лет назад следило 4,6 млн зрителей, а в прошлом году – почти два миллиона [3].

Такой интерес к видеоиграм положил начало формированию киберспорта, который был внесен в реестр официальных видов спорта. Вот уже несколько лет выдающийся прогеймер может получить спортивное звание, а также побороться за Кубок России по киберспорту. Кроме того, в отечественных вузах были открыты факультеты и образовательные программы, которые готовят профессиональных компьютерных спортсменов.

Многим кажется незаслуженным такое повышенное внимание к видеоиграм из-за мифов, в которые верят люди, далекие от игровой культуры. Они полагают, что игры пагубно влияют на психическое и физическое

здоровье, вызывают агрессию и зависимость у игроков, а также развивают асоциальность.

Профессор Женевского университета Дафна Бавельер утверждает, что, напротив, видеоигры улучшают зрение, концентрацию, внимание, пространственное мышление и память [2, с. 79]. Результаты её исследования показали, что люди, увлекающиеся компьютерными играми, способны более эффективно находить детали в общем хаосе, различать тона серого цвета, а также решать задачи на внимательность и многозадачность.

Другое исследование, проведенное учеными из Йоркского университета показало, что нет никакой связи между транслируемой в играх жестокостью и поведением человека в реальной жизни. Почти три тысячи участников играли в реалистичные шутеры и другие жанры с элементами насилия, но это никак не повлияло на их общую модель агрессии. Что касается зависимости, то она не ограничивается играми, люди юзывают зависимости от порой совершенно неожиданных вещей, как, например, жевание льда, отбеливание зубов или наиболее часто встречающаяся зависимость – телевизор. Поэтому следует заметить, что аддикция в любом виде является отклонением от нормы и нуждается в пристальном внимании профессионалов.

Наконец, миф об асоциальности, который не имеет ничего общего с реальностью. Геймеры обмениваются мнениями на онлайн форумах, посвященных любимой игре, пишут собственные гайды, вступают в игровые кланы, принимают участие в фестивалях популярной культуры, таких как *Comic Con*, или приходят туда в качестве зрителей, чтобы пообщаться с другими фанатами. Таким образом, миф об асоциальности как отсутствии мотивации к социальному взаимодействию, является в корне неверным, так как в реальности геймеры, наоборот, склонны к общению. Именно общению и посвящена данная статья.

Коммуникация как в широком, так и в более узком смысле имеет место в игровой культуре. Первый был раскрыт выше, под вторым же подразумеваются сами средства коммуникации, которые обладают рядом особенностей, характерных для подъязыка геймеров. В данной статье рассматриваются следующие лексические особенности игрового сленга: заимствование из английского языка, двусмысленность, использование аббревиатур и акронимов, деление на общие и локальные игровые сленгизмы,

Ни для кого не секрет, что подавляющая часть игрового словарного запаса заимствована из английского языка. Причиной этого служит тот факт, что локализация компьютерных игр – процесс долгий и трудоемкий, следовательно, русскоязычная версия игры выходит гораздо позже англоязычного варианта, а

может и не выйти вовсе. Например, абсолютный лидер в жанре мморпг *World of Warcraft* вышел в Америке в 2004 г., а русская локализация была анонсирована только спустя четыре года. Таким образом, привыкшие к английским сленгизмам отечественные геймеры продолжают использовать их и далее для собственного удобства и экономии времени. К этой группе относятся слова, образованные с помощью транскрипции и транслитерации: *бафф*, *эксп*, *лив*, *сапорт*, *хэштот*, *лут*, *пет*, *раш*, *ганг*. Как видно из примеров, большинство слов состоят из одного или двух слогов, благодаря чему процесс обмена информацией между игроками происходит максимально быстро и эффективно.

Игровой сленг также отличается количеством слов и выражений, имеющих как одно, так и несколько значений. К первой группе можно отнести такие слова как *гайд*, *ачивмент*, *бан*, *дамаг*, *гамовер*, *левел*, *сет*. Для человека, владеющего английским, не составит труда декодировать их, т.к. в игровой сфере они имеют то же значение, что и в литературном языке. С другой стороны, есть и слова, о значении которых невозможно догадаться, не владея данным подъязыком. К ним можно отнести слово *кайт*, которое переводится как «воздушный змей», но на сленге геймеров значит «процесс атаки противника, когда тот не может дать сдачи» [4]. Или, например, *ламер* (от англ. *lame*), начинающий пользователь, претендующий на звание хорошего игрока. Для игрового сленга также характерна метафоризация, к примеру, *лич* (англ. *leech*) – игрок, который вступает в партнерство исключительно для собственной выгоды, при этом не помогая команде [4]. Похожим значением обладает *вагон* – персонаж, который получает опыт за счет объединения с высокоуровневым, паровозом, при этом ничего не делая.

Другая лексическая особенность касается использования аббревиатур и акронимов. Эти два вида сокращений наиболее распространены в онлайн играх, поскольку там чрезвычайно важна скорость обмена информацией. Существует термин *тайпkill*, который обозначает убийство персонажа, отвлеченного от игры набором сообщения в игровом чате. Итак, к этой группе относятся *AFK* (англ. away from keyboard), *DPM* (англ. damage per minute), *GJ* (англ. good job), *NS* (англ. nice shot), *WP* (англ. well played), *RUP* (англ. ready up), *ROLF* (англ. rolling on laughing floor) и другие [4]. Более того, окно чата в видеоиграх занимает минимум пространства на интерфейсе и длинные слова физически проблематично читать, что также влияет на игровую лексику.

И последнее, но не менее важное, деление на глобальные и локальные сленгизмы [1, с. 89]. К первой категории относятся слова международные, которые используются в большинстве играх и знакомы всем геймерам. В этой группе такие лексемы, как *баг*, *ачивка*, *босс*, *имба*, *бот*, *лаг*, *нуб*, *пати*. Однако

существуют и локальные слова и выражения, которые употребляются в рамках только одной игры. Это могут быть локации, присущие только этой игре, класс персонажа, элементы одежды, названия заклинаний. Например, людям, не играющим в вышеупомянутый *WoW*, ничего не говорит название локации *ДЧВ* или Долина Четырех Ветров, символ, создаваемый начертателями *глиф*, заклинание друидов *лапа* или раса нежити *андед* [5]. В то же время фанатам *WoW* будет непонятна специфическая лексика из *Dota 2*: союзные юниты *крипы*, часто умирающий игрок *фидер*, уникальный монстр *Рошан* или персонаж *Queen of Pain – квона* [6].

В заключение следует сказать, что трудно переоценить влияние компьютерных игр на жизнь множества людей разных возрастов и профессий. Ведь игры являются уникальным средством социализации, обучения, развития полезных навыков, а также особым инструментом коммуникации. Именно благодаря ей и социализации с сообществом фанатов от игры можно получить настоящее удовольствие, а сленг – неотъемлемая часть этого общения.

Литература

1. Комаров В.А., Шушарина И.А. Игровой сленг в современном русском языке // Вестник Курганского ГУ, 2019. С. 88-90.
2. Bavelier, D. Meta-analysis of action video game impact on perceptual, attentional, and cognitive skills // Psycological Bulletin. №114(1), 2018. С. 77-110.
3. Чайка В. Все, что нужно знать о чемпионате мира по Dota 2. URL: <https://www.championat.com/cybersport/article-3289395-o-glavnom-kibersportivnom-turnire-goda.html> (дата обращения: 8.04.2020).

Словари:

4. Словарь геймера. URL: <https://gamer-info.com/gamer-dictionary/> (дата обращения: 9.04.2020).
5. Словарь терминов и сленга World of Warcraft. URL: <https://wowslovar.ru/> (дата обращения: 9.04.2020).
6. Словарь терминов и сокращений Dota 2. URL: shorturl.at/aBE39 (дата обращения: 9.04.2020).

УДК 821.111(73)

Мартынова Анна Николаевна
студентка 4 курса факультета мировых языков и культур
Русской христианской гуманитарной Академии
martanna0@gmail.com

МОТИВ ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Статья посвящена мотиву отчуждения в литературе XX века и рассматривает понятие с точки зрения двух разных парадигм. Данная категория, получившая широкое распространение в XX веке в связи с пережитыми человечеством событиями, проявляется в литературе и прослеживается у ряда авторов, причём как европейских (А. Камю, Г. Гессе и другие), так и американских писателей «потерянного поколения» (Э. Хемингуэй, Ф. Фицджеральд). К. Воннегут продолжает традиции авторов первой половины XX века: мотив отчуждения человека находит отражение в романах современного американского писателя.

Ключевые слова: К. Воннегут, отчуждение, литература XX века, экзистенциализм, потерянное поколение.

Martynova Anna Nikolaevna
Man's alienation motif in twentieth-century literature

The article focuses on the man's alienation motif in the twentieth-century literature, which is analysed from the two-paradigm point of view. The category, being widely spread and known in the twentieth century, appears in novels of many European writers and American «Lost Generation» authors as Albert Camus, Hermann Hesse, Ernest Hemingway, F. Scott Fitzgerald. Kurt Vonnegut inherits the tradition from writers of the first half of XX century for man's alienation motif appears in literary works of the contemporary American author.

Key words: Kurt Vonnegut, alienation, twentieth-century literature, existentialism, lost generation.

XX век стал веком колоссальных потрясений и изменений во многих областях человеческой деятельности: культурной, демографической, научной, социально-экономической и многих других [5, с. 51]. Культура XX столетия характеризуется страхом свободы и бегством от неё. Человек свободен в том числе и от своей человечности, что заставляет его жить в тревоге, в страхе утратить смысл жизни и существования. Это заметно отразилось на культуре и литературе XX века, которая пронизана отчуждением человека [6, с. 101].

Под исходным определением термина «отчуждение» понимается состояние захваченности мотивации человека, дистанцирование от мира, разных сфер активности личности, при котором невозможны развитие индивида и его самоактуализация. Отчуждение также сопряжено с ощущением пустоты, бесмысличины существования, с невозможностью выполнения человеком различных функций [7, с. 10]. С таким состоянием связывают, например, понятие экзистенциального вакуума, также известного как синдром

потери смысла жизни, с которым пришлось столкнуться многим вернувшимся с войны людям [7, с. 11].

В разные годы отчуждение анализировалось философами отличных друг от друга школ и направлений, и на данный момент существует две основных парадигмы анализа отчуждения. Одну из них представляет гегелевско-марксистский взгляд на вопрос об отчуждении, вторую – экзистенциалистская трактовка феномена отчуждённости личности [7, с. 11].

Считается, что современное понимание термина было введено в научный оборот Г.В.Ф. Гегелем, а линия анализа феномена была продолжена Л. Фейербахом и К. Марксом в XIX веке и Франкфуртской школой социальной философии, а также работами философов Э. Фромма, К. Хорни и другими в XX столетии [7, с. 11]. Однако для данной статьи наиболее релевантна вторая, экзистенциалистская парадигма исследования и анализа отчуждения личности, так как она находит отклик в литературе и культуре XX века.

Одним из первых вопросов об отчуждённости затронул философ, считающийся предшественником и отцом всей философии экзистенциализма, С. Кьеркегор. Его мысли и труды, направленные на проблемы заброшенности и отчуждённости обезличенного человека, основными чувствами и ощущениями которого стали страх и трепет, привлекли внимание и стали широко известны только в XX веке [6, с. 517]. Название главного труда С. Кьеркегора – «Страх и трепет». Этими же словами можно точно обозначить и мироощущение людей, переживших трагические события первой половины прошлого столетия.

Во многом популярность идей С. Кьеркегора связана с развитием экзистенциализма как наиболее влиятельного философского направления всего XX века, появившегося в промежуток между двумя мировыми войнами и имевшего целью сориентировать охваченных сомнениями людей [5, с. 51]. Экзистенциализм трагичен, что во многом проявляется в обречённости человека существовать в подавляющем, угнетающем, перечёркивающем его обществе [6, с. 581].

Экзистенциалистами хорошо понят психологически важный аспект отчуждения человека. Он заключается в том, что многие люди не имеют чёткого представления о себе и чувствуют себя разделёнными с окружающим их миром, который кажется им чужим. Таким образом, в рамках второй парадигмы термин трактуется как отчуждение деятельного существования личности от тотальности бытия, играющего роль потенции его развития [7, с. 21]. Существует также и чисто психологический подход к определению отчуждения, в котором главным является понятие «смыслоутрата». Сама же трактовка феномена звучит следующим образом: отчуждение – это особая форма смыслоутраты: утраты личностного смысла деятельности, общения [7, с. 100].

Среди учёных, философов, психологов, писавших исключительно академические, научные труды (как, например, Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль и А. Менегетти), появляются имена таких романистов, как Ж.-П. Сартр и А. Камю – двух основных представителей французского экзистенциализма и известных писателей XX столетия [5, с. 51].

Литература XX века сопряжена с историческими событиями, в результате которых утвердилось трагическое мироощущение, а ключевыми понятиями стали война и насилие, кризис и катастрофа. Разум столкнулся с безумием, а технические и научные достижения, явившиеся результатом интенсивного развития, благодаря которому начало века было овеяно оптимизмом и верой в будущее, превратились в главное оружие против человека сначала в Первой, а потом и во Второй мировых войнах. Всё это сказалось не только на мироощущении людей, но и на культуре и литературе [4, с. 114]. Примерами такого влияния стали труды европейцев Г. Гессе, Р. Олдингтона, Э. М. Ремарка – авторов так называемого «потерянного поколения», распространившегося по всему миру и затронувшего США, где основными представителями стали Э. Хемингуэй и Ф. С. Фицджеральд. Фраза, упомянутая Г. Стайн и закреплённая Э. Хемингуэем, оказалась самым точным определением мироощущения переживших войну авторов, принесших в литературу столько боли, тоски, отчаяния и ощущения утраты, что литература «потерянного поколения» сама собой стала ассоциироваться с плачем по погибшим на войне, превратилась в реквием по целому несостоявшемуся поколению [4, с. 118].

В некотором роде литературным наследником упомянутых выше авторов стал К. Воннегут – один из самых известных американских писателей XX века, работы которого, заметно обогатившие жанр антиоенного романа, приходятся на вторую половину столетия. Творчество писателя отличается от работ авторов-современников наличием свойственной К. Воннегуту сатиры, доли чёрного юмора, относительной простоты языка, парцелляции. К. Воннегуту свойственен также мотив отчуждения человека от мира, людей, религии, изображённый многочисленными художественными приёмами.

Отчуждение в произведениях автора возникло по определённым причинам. Для исследования особенно интересны и важны слова самого автора. «Я был американским солдатом, военнопленным, и находился в городе, когда он был сожжён дотла» – пишет К. Воннегут в автобиографическом коллаже «Вербное воскресенье» [1, с. 209]. Можно с уверенностью сказать, что К. Воннегут сам испытал отчуждение в жизни: в коллаже он отмечает, что бомбардировка Дрездена, свидетелем которой юному американцу пришлось стать, повлияла на него намного сильнее, чем самоубийство матери, развод, усыновление детей погибшей сестры, или осознание того, что как усыновлённые, так и его собственные дети в нём уже не нуждаются.

Прежде всего пережитые К. Воннегутом события непосредственно отразились на его творчестве, например, на одном из самых известных романов – «Бойня номер пять, или крестовый поход детей», а также в многочисленных автобиографических статьях, эссе, интервью. Именно вернувшись с войны, он был окончательно убеждён в том, что станет писателем [8]. Его отец, Курт Воннегут-старший, был художником и архитектором, и в годы Великой депрессии едва мог заработать для обеспечения семьи. Он уверял сына, что тому не нужно связывать жизнь с гуманитарными науками и искусством. Двумя основными причинами выбора химии в качестве основного предмета в Корнельском университете послужили, во-первых, убеждения отца, а во-вторых, тот факт, что брат К. Воннегута был на тот момент известным химиком [11].

К. Воннегут не успел окончить Корнельский университет, так как записался добровольцем в армию сразу же после вступления Соединённых Штатов во Вторую мировую войну [11]. Вернувшись на родину в двадцать два года, он совершенно не знал, что делать в жизни, и по совету жены начал писать книги.

Во многих произведениях К. Воннегут так или иначе затрагивал тему войны [8]. Описывая пережитое в плену у немцев, К. Воннегут выражает своё мнение о войне в целом и о будущем человечества: об этом он не только пишет, но и говорит, например, в известном интервью с А. Мирчевым, текст которого опубликован в журнале «Континент» [2, с. 437]. К. Воннегут категорично высказывается о человечестве: писатель говорит, что летопись его ужасна, а сами люди настолько отвратительные животные, что им не стоит и существовать. И только в детях нет животного потенциала, хотя популяризованное зло привлекает и их.

Война, как правило, пропагандируется, например, с помощью средств массовой информации. С одной стороны, как указано выше, это пагубно действует на человека, с другой же, по словам К. Воннегута, если бы он не попал в плен, то, во-первых, был бы убит, а во-вторых, не написал бы один из самых популярных своих романов. Перед тем, как попасть в плен к немцам, К. Воннегут работал батальонным разведчиком: «Это была работа, на которой люди не жили слишком долго. <...> ...разведчиков, как правило, часто убивали или ранили» [2, с. 440]. К тому же, К. Воннегуту было важно пережить плен, чтобы суметь поделиться этим опытом [2, с. 440].

Отношение ко Второй мировой войне у американских писателей неоднократно менялось, например, в 1960-е годы, когда всеобщая победная эйфория стала спадать, и началась публикация воспоминаний фронтовиков и бывших узников лагерей смерти. Эти факты свидетельствовали о войне как более чудовищной и бессмысленной, чем это казалось прежде. Именно это отношение – нереальности, абсурдности войны и необыкновенной

отчуждённости человека – и обнаруживается в американских романах 1960–1970-х годов, в том числе и у К. Воннегута.

Тема отчуждённости человека возникает в романе «Сирены Титана», причём отметить её наличие можно как через анализ художественных приёмов, использованных автором для описания какого-либо персонажа или события, так и через фразеологические единицы. Ярким примером такой единицы с негативной коннотацией является Церковь Бога Всеизразличного (The Church of God the Utterly Indifferent), созданная Уинстоном Найлсом Румфордом, персонажем романа. Бог представляется здесь создателем, забывшим о своих детях, и фразеологизм наводит читателя на мысль о том, что происходящее с человечеством – это лишь цепь совершенно случайных, ни от чего и ни от кого не зависящих событий; человечество отчуждено от своего безразличного создателя [3, с. 348].

Примером выражения мотива отчуждения человека в романе К. Воннегута через использование художественных приёмов может послужить следующий отрывок: *One night in Los Angeles, at any rate, Noel Constant got it into his head to become a speculator. He was thirty-nine at the time, single, physically and morally unattractive, and a business failure* [9, с. 69]. Описание Ноэля Константа, которому удалось создать невероятно успешный бизнес, благодаря использованной К. Воннегутом восходящей градации эпитетов чётко иллюстрирует, какой была жизнь персонажа до основания прибыльной компании. Одинокий человек в возрасте, без семьи, совершенно непривлекательный – ему словно не было места в мире до тех пор, пока судьба не распорядилась превратить неудачника в делах бизнеса в самого богатого бизнесмена в стране.

Проследить использование нисходящей градации, а также таких приёмов, как анафора и сравнение, можно в эпизоде, где происходит встреча Малаки Константа с Уинстоном Румфордом: *Winston Niles Rumfoord was something else again – morally, spatially, socially, sexually, and electrically. Winston Niles Rumfoord's smile and handshake dismantled Constant's high opinion of himself as efficiently as carnival roustabouts might dismantle a Ferris wheel* [9, с. 16]. Сын Ноэля Константа, унаследовавший его состояние, всю сознательную жизнь воспринимал себя как лучшего из лучших. Однако встреча с Румфордом, который был другим и непохожим, а самое главное, превосходил Константа, уничтожила самооценку Малаки с необыкновенной быстротой. Это чувство отрешённости, неосознанное сравнение себя с Румфордом явно не в свою пользу преследуют Константа на протяжении всего разговора с Уинстоном Румфордом: *Constant, who had been shaking hands with Rumfoord during the conversation, thought of his own hand, suddenly, as small and clawlike. Rumfoord's palm was callused, but not horny like the palm of a man doomed to a single trade for*

all of his days. The calluses were perfectly even, made by the thousand happy labors of an active leisure class [9, c. 15].

Точно также К. Воннегут часто использует антитезу, противопоставляя персонажей друг другу, чтобы показать разницу в образе жизни, мысли и восприятия происходящего. Следует отметить, что стилю писателю также свойственны параллелизм, перифраз, полисиндeton, эвфемизм, большое количество примеров использования которых можно найти на страницах его романов.

Таким образом, для выражения и передачи мотива отчуждения человека в романе «Сирены Титана» К. Воннегут пользуется художественными приёмами: восходящей и нисходящей градацией, эпитетами, анафорой, сравнением, а также множеством других, упомянутых выше. Публикация романа «Сирены Титана» принесла К. Воннегуту популярность, а его великолепный стиль, сатира, чёрный юмор, бесподобное воображение сделали его известным мастером современной литературы.

Литература

1. Воннегут К. Вербное воскресенье: автобиографический коллаж. М.: АСТ, 2014. 352 с.
2. Воннегут К. Интервью // Континент. 1987. №51. С. 437-446.
3. Журкова М.С., Хомутникова Е.А. Фразеологизмы с сакральными компонентами «God», «Heaven» как элементы смысловой структуры в произведениях К. Воннегута // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2019. №4. С. 346-350.
4. Лапин И. Л., Здольников В. В. и др. История зарубежной литературы. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. 235 с.
5. Никитич Л.А. Культурология. Теория, философия, история культуры. М.: Юнити-Дана, 2015. 559 с.
6. Торосян В. Г. Культурология. История мировой и отечественной культуры. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 960 с.
7. Шадрин Н.С. Возвращение потерянного мира: Об отчуждении личности и путях его преодоления. Уфа: Omega Science, 2018. 137 с.
8. Strand G. How Jane Vonnegut made Kurt Vonnegut a writer. The New Yorker, December 3, 2015. URL: <https://www.newyorker.com/books/page-turner/how-jane-vonnegut-made-kurt-vonnegut-a-writer> (дата обращения: 26.03.2020).
9. Vonnegut K. The Sirens of Titan. USA: The Dial Press, 2009. 326 с.
10. Vonnegut K. While Mortals Sleep. USA: The Delacorte Press, 2011. 190 с.
11. Vonnegut K. Letters of Note: Slaughterhouse Five. May 29, 1945. URL: <http://www.lettersofnote.com/2009/11/slaughterhouse-five.html> (дата обращения: 26.03.2020)

*Миклина Екатерина Семеновна
студентка I курса магистратуры
гуманитарного факультета,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
katykaty1997@mail.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»

Данная статья посвящена анализу трансформационных изменений концепта «любовь» в языковой картине мира. В статье приводится критический анализ мнений о развитии данного понятия в различных семантических полях в философском и лингвистическом дискурсе. Статья является продолжением теоретических исследований зарубежных и отечественных авторов в области этимологических предпосылок формирования концепта «любовь» и его развития за счет языковых трансформаций.

Ключевые слова: любовь, концепт, эмоции, этимология, трансформация

*Miklina Ekaterina Semenovna
Transformational changes in the concept "love"*

This article is devoted to the analysis of transformational changes in the concept "love" in the Russian-language picture of the world. In particular, a critical synthesis of various opinions on the development of this concept in various semantic fields in philosophical and linguistic discourse is carried out. The article is a continuation of theoretical studies of foreign and domestic authors in the field of etymological prerequisites for the formation of the concept of "love" and its development due to linguistic transformations.

Keywords: love, concept, emotions, etymology, transformation

Современное гуманитарное знание призвано сделать достоянием человечества духовное богатство, возродив традиции и мировой, и национальной культуры. В процессе возрождения важно не только обращение к прошлому как таковому, но и к тому, что через разные причины не входило в состав памяти актуальной культуры, забылось. Ведь содержание памяти на протяжении истории меняется и включает в себя только то из прошлого, что проявляетсяозвучно актуальным потребностям. Воспоминание – это поисковая деятельность, направленная на перестройку состава памяти, национального самосознания. Именно в этом аспекте важно обращение к такому достоянию культуры как любовь – феномена, являющегося, как пишет Н.А. Трофимова, «эйфорическим граничным состоянием сознания <...> между субъективной эмоциональностью и рациональностью коллективного языка» [4, с. 138].

Любовь – это универсальный концепт, в осмыслении которого весьма полезной является этимология слова, раскрывающая его происхождение и обнажающая первоначальное значение. Важна и семантика, которая изучает типичные изменения значений слова, его трансформационные изменения в истории конкретного языка, выявляет семантические законы культурно-исторической обусловленности дальнейшей размытости границ слова в дискурсах разных типов и эпох.

Толкование понятия «любовь» представлено в философской, культурологической литературе, справочных изданиях. Следует заметить, что некоторые современные справочные издания, например, «Философский словарь социальных терминов» под редакцией В.П. Андрушенко [6] не включают категорию «любовь», потому что считают любовь категорией морали. Но мораль – по своей сути явление социальное. Поэтому любовь не теряет своей социальной значимости. Например, семья должна создаваться прежде всего на основе любви. Через это следует воплощать культуру любви, что очень важно для стабилизации семьи как малой ячейки общества, для повышения социальной роли личности, личности как семьянина, как воспитателя молодого поколения.

Это тем более важно, поскольку проблема брачно-семейных отношений находится сегодня в кризисном состоянии. Для современного общества, особенно для молодежи, понятие «любовь», как определяет И.С. Кон [1], более отождествляется с понятием «интимная близость» (см. также [2, 7]). Происходит даже не переосмысление, а полная девальвация этой категории. Все разнообразие проявлений любви сводится только к одному значению, которое в древнегреческом языке определялось словом эрос.

Цель настоящей статьи – исследовать эволюцию понятия «любовь» в научной литературе, что позволит ответить на закономерный вопрос – как это понятие отражает мировоззрение, социальные и этнокультурные традиции современного поколения.

Большое разнообразие значений слова «любовь» зафиксировано в различных словарях, в которых представлена не только народнопесенная и разговорная, но и литературная лексика. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмер, объясняя происхождение слова «любовь», подчеркивает, что оно имеет общеславянские корни, потому что родственные слова существуют во многих славянских языках: старославянском – *любь*, «дорогой, дорогой», верхнелужицком *lubic* – «составлять обет», литовском *liaupse* – «уважение, хвалебная песня», готском *lubains* – «надежда». В древнеиндийском языке *lubhyati* означает «чувствовать непреодолимое желание» [5, с. 544]. Следовательно, под любовью поначалу понимали страстное желание, влечеие.

В «Философском энциклопедическом словаре» [7, с. 328-329] любовь определяется как интимное и глубокое чувство, направленное на другую личность, человеческую или социальную идею. Любовь с необходимостью включает в себя порывы и волю к постоянству, которые оформляются в этическом требовании верности. Любовь возникает как свободное и поэтому «непредвиденное» выражение глубин личности; ее нельзя принудительно ни выразить, ни преодолеть. Важность и сложность явления любви определяется тем, что в нем, как в фокусе, пересекаются противоположности биологического и духовного, личностного и социального, интимного и общезначимого.

Уже в древнегреческом языке существовала разработанная терминология различных типов любви. «Эрос» – это стихийная и страстная самоотдача, восторженная влюбленность, направленная на плотское или духовное, но всегда стремящаяся к своему предмету. «Филия» – это любовь-дружба индивида к индивиду, обусловленная социальными связями и личным выбором. «Сторге» – это любовь-привязанность, особенно в родственных связях, «Агапэ» – жертвенная и снисходительная любовь, которая снизойдет, «к ближнему».

Формы эмоционального состояния меняются в соответствии с изменением исторических эпох. В связи с этим видоизменяется чувство любви, которая несет на себе и печать классовых отношений, и преобразования самой личности как носителя этого чувства, изменение ее ценностных ориентаций.

Ф. Энгельс характеризовал любовь в современной ему форме индивидуально-избирательного чувства как сложный продукт длительной истории. «Современная половая любовь, – писал он, – существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает в любимом существе взаимную любовь; в этом отношении женщина находится наравне с мужчиной, тогда как для античного эроса отнюдь не всегда требовалось ее согласие. Во вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность владения и разлука становятся для обеих сторон большим, если не величайшим несчастьем; они идут на огромный риск, даже ставят на карту свою жизнь, чтобы только принадлежать друг другу <...> Появляется новый нравственный критерий для осуществления и оправдания половой связи; спрашивают не только о том, произошла она по взаимной любви, но и о том: возникла ли она по взаимной любви или нет?» [3, с. 79-80].

Любовь составляет нравственную основу брачных отношений. В браке и семье отношения, обусловленные разницей статей и половой потребностью, проявляются в форме нравственно-психологических отношений. Как социальное явление семья изменяется вслед за развитием экономического базиса общества; в то же время прогресс форм семьи имеет относительную самостоятельность.

Современные теоретики (И.С. Кон, В.А. Кутырева и другие) прогнозируют в недалеком будущем замену семьи на «свободное сожительство». Как

следствие этого процесса мы видим сужение семантического поля значений слова «любовь», употребление которого характеризуется утилитарным подходом. Наиболее показательным здесь является выражение «заниматься любовью», в котором слово «заниматься» придает словосочетанию значение обыденности процесса (как «заниматься стиркой/спортом/гимнастикой» и под.), а не возвышенного состояния души, и уж никак не включает значение «стремление к идеалу». Стихия сексуального соединения не дает переживания бесконечного единства, переживания существуют только во время сексуального контакта, и вне стихий сексуально-телесного партнеры чужды друг другу. Люди с таким типом сознания одиноки, они принципиально неспособны соединиться с другими, о чем свидетельствует экзистенциальный опыт. Таким образом, из всей многогранности определения того, что мы называем любовью, на этом этапе выступает «сочетание», но не в духовном, а в физическом смысле этого слова.

Анализ этимологии слова «любовь» показал, что вербальные средства его выражения отражают мировоззрение, социальные и этнокультурные традиции носителей конкретного языка. Необходимо отметить, что огромный словообразовательный потенциал исходного корня *люб-* последнее время мало используется, а наиболее употребляемым является слово «любовь», хотя оно уже не передает всей широты возможных значений и той глубины содержания, которая была присуща ему в течение многих веков. Для современного поколения существует не востребованность понимания всего богатства концепта любви, а формально-семантическое соотношение его с понятием секса. Одной из задач современного общества является возрождение традиции культуры любви, которая культивировалась в течение многих веков поэтами и философами.

Литература

1. Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 29-41.
2. Кутырев В.А. Сумерки любви (Судьба любви в техническом мире). URL: http://www.philosophy.ru/library/kutyrev/love_dusk.html
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. В 49 т. М.: Политиздат, 1980. Т. 21. 745 с.
4. Трофимова Н.А. Как звучит любовь. Ласкательные вокативы в интимных ситуациях общения // Вопросы изучения современных языков и культур: лингвистика, журналистика, методика преподавания иностранных языков: сб. статей. СПб.: СПбГУСЭ, 2013. С. 138-145.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс. Т. 2., 1986. 654 с.

6. Философский словарь социальных терминов / Под общ. ред. Андрушенко В.П. Харьков: Корвин, 2002. 672 с.
7. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 840 с.
8. Шигимагина Л.А. Лингвистические и семантические аспекты философской категории «любовь» // Вестник Национального технического университета «ХПИ», 2003. № 2. С. 98-105.

УДК 1751

*Потанькина Екатерина Антоновна
студентка 4 курса факультета мировых языков и культур,
Русская христианская гуманистическая академия
potankina.katerina@yandex.ru*

МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ В РОМАНАХ ДЖ. К. РОУЛИНГ О ГАРРИ ПОТТЕРЕ

Статья посвящена лексическим новообразованиям в романах Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Новые слова анализируются с точки зрения способов их образования, таких как суффиксация, префиксация, сложение основ и сокращение. Лексическое значение образованных новых слов рассматривается в рамках теории семантического треугольника И.В. Арнольд, предполагающей наличие связи между предметом реальной действительности, понятием о нем в сознании человека и наличием у слова языковой формы.

Ключевые слова: новообразование, контекст, мотивировка, неологизм, аффиксация.

*Potankina Ekaterina Antonovna
Author's new words of lexico-semantic group "wizard's world"
in the novels about Harry Potter by J.K.Rowling*

The article is based on the analysis of new words formed by the author J.K. Rolwing in her novels about Harry Potter. The new words are analyzed from the point of word formation, such as prefixation, suffixation, compound words, and word shortening. The semantic meaning of the words is based on the theory of the close connection between real objects, their notions in people's minds, and the word form.

Key words: new formation, context, motivation, neologism, affixation.

В современном английском языке продуктивными способами словообразования являются аффиксация, словосложение, конверсия, реверсия, словослияние и сокращение.

Лексическое значение слова является результатом единства формы слова, его связи с называемым денотатом и понятием о нем в нашем сознании. Лексическое значение разложимо на компоненты. Мельчайшая единица значения именуется семой.

Контекст – это сочетание семантически реализуемого слова в тексте с указательным минимумом.

Мотивирова слова – это отражение в его значении признака предмета, называемого словом.

Неологизмы – это новые слова, уже прошедшие стадию закрепления в языке, что объективно выражается их включением в общие толковые словари.

На данной теоретической основе проанализированы примеры новых слов, выписанных из первого романа Дж.К. Роулинг методом сплошной выборки и

фрагментарно из остальных книг серии о Гарри Поттере для иллюстрации выявленных моделей образования новых слов.

Слово *muggle* является примером новообразования простой морфемной структуры. Для простых читателей оно является немотивированным; однако если провести более глубокий анализ, можно выяснить, что Дж.К. Роулинг утверждает, что придумала слово *muggle* на основе английского сленгового слова *mug*, обозначающего человека, которого можно легко обмануть, провести (простофиля). Если читателям известно сленговое слово *mug*, то новообразование *muggle* можно назвать частично мотивированным по типу морфологической мотивировки. Его значение дает сама автор, пользуясь дефиниционным контекстом: “*A Muggle,*” said Hagrid, “*it’s what we call nonmagic folk like them*” (*Book 1, chapter 4*) (– Магл, пояснил Хагрид. – Так мы называем всех неволшебников – маглы). С точки зрения связи с идеями романа характерно, что это слово появляется в самом начале, в первой главе, и вводит важнейшее понятие (представитель неволшебного мира), необходимое для создания образа биполярного мира. Действие происходит в центре Лондона, и в нем принимают участие как волшебники, так и неволшебники. Пример: *He also thought he had even been called a Muggle, whatever that was* (*Book 1, chapter 1*) (Мало того, его называли каким-то маглом. Что бы там ни означало это слово!). Еще один пример:

Then, suddenly, Hagrid let out a howl like a wounded dog.

“*Shhh!*” hissed Professor McGonagall, “*you’ll wake the Muggles!*”

“*S-s-sorry,*” sobbed Hagrid, taking out a large, spotted handkerchief and burying his face in it. “*But I c-c-can’t stand it – Lily an’ James dead an’ poor little Harry off ter live with Muggles –*” (*Book 1, chapter 1*).

(А затем вдруг завыл, как раненая собака.

– Тс-с-с! – прошипела профессор МакГонагалл. – Ты разбудишь маглов!

– П-п-простите, – прорыдал Хагрид, вытаскивая из кармана гигантский носовой платок, покрытый грязными пятнами, и пряча в нем лицо. – Но я п-п-п-просто не могу этого вынести. Лили и Джеймс умерли, а малыш Гарри, бедняжка, теперь будет жить у маглов...).

Слово *deluminator* образовано аффиксальным способом от связанной основы английского языка *lumina-*, обозначающего свет, прибавлением префикса *de-* обозначающего отсутствие какого-то признака или качества (в данном случае это отсутствие света) и суффикса *-or*, указывающего на прибор с помощью которого выполняется действие. Наличие значимых аффиксов делает это слово мотивированным по типу морфологической мотивировки. Точное значение этого слова приводит автор, пользуясь дефиниционным контекстом. Пример: *Deluminator... it looked something like a silver cigarette lighter but it had... the power to suck all light from a place, and restore it, with a simple click.* (*Book 7, Chapter 7*) (Делюминатор ... вещица ... она походила на серебряную зажигалку,

однако могла одним щелчком высасывать из любого помещения весь свет и возвращать его обратно). С точки зрения связи с идеями романа – это пример который используется и в самом начале романа и несколько раз по ходу действия, включая последний роман. Оно подкрепляет идею биполярности, поскольку им пользуются волшебники в реальном мире.

В качестве примера лексического новообразования Дж. К. Роулинг по модели словосложения проиллюстрируем пример *Potterwatch* – «радиопрограмма».

В слове *Potterwatch* можно выделить две основы: *Potter* – имя персонажа и *watch* – «наблюдать, следить». Составляющие слово основы мотивируют значение сложного слова, но это становится очевидным, когда значение уже знакомо. Слово семантизируется элементами речевой ситуации и имплицируемого дефиниционного контекста: *Potterwatch is a program on the radio*. Это новое слово появляется в последней книге романа в очень важных сценах, когда дети уже самостоятельно ищут способы побороть зло. Пример:

– *They said on Potterwatch –*

– *On what? said Harry.*

– *Potterwatch, didn't I tell you that's what it was called? The program I keep trying to get on the radio, the only one that tells the truth about what's going on! Nearly all of the programs are following You-Know-Who's line, all except Potterwatch, I really want you to hear it, but it's tricky tuning in... (Book 7, chapter 22).*

(В «Поттеровском дозоре» сообщали…

– В чем? – спросил Гарри.

– В «Поттеровском дозоре». Я разве не говорил, что передача так называется? Ну, которая по радио, я ее все время пытаюсь поймать. Чуть ли не единственная станция, которая рассказывает правду о том, что делается в мире. Все программы подпевают Сами-Знаете-Кому, только не «Поттеровский дозор». Я так хочу, чтобы вы тоже послушали, но на нее ужасно трудно настроиться…).

В результате анализа примеров сделаны следующие выводы

1. Лексические новообразования Дж.К. Роулинг созданы по моделям аффиксации, словосложения, одновременного использования аффиксов и сложения основ, а также по модели сокращения.

2. Значительная часть новых слов не содержат словообразовательных элементов и потому обнаруживают простую морфемную структуру.

3. Для наименования ряда предметов используются нестандартные назывные словосочетания.

4. Слова простой морфемной структуры чаще всего выступают как немотивированные, а слова аффиксальные и сложные всегда мотивированы одним или более чем одним словообразовательным средством, т.е. обнаруживают морфологическую мотивировку. Такой же тип мотивации можно отметить в процессе установления содержания сокращений и назывных

словосочетаний.

5. Фонетическая и семантическая мотивировка обнаруживаются у очень незначительного количества слов простой морфемной структуры. Большинству читателей они, вероятно, представляются немотивированными.

6. В своих романах Дж.К. Роулинг семантизирует значение новых слов средствами лексического контекста, дефиниционного контекста и речевой ситуации.

7. Лексические новообразования Дж.К. Роулинг усиливают представление основных идей романа и художественную значимость героев произведения.

Были сделаны выводы о том, что авторские новообразования в основном создавались по продуктивным моделям аффиксации и словосложения с использованием нормированных аффиксов и основ, а также путем образования новой основы без использования уже существующих в языке слов и аффиксов. В этом случае получается новое слово простой морфемной структуры. Единичные новые слова созданы по модели сокращения или назывного словосочетания.

Теоретическое и практическое изучение авторских новообразований в художественном тексте позволяет расширить описание используемых автором средств для толкования значения новых слов и их восприятия читателем.

Литература:

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. М.: Либерком, 2010. 216 с.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Либерком, 2010. 448 с.
3. Елисеева В.В. Лексикология современного английского языка. СПб.: СПбГУ, 2015. 232 с.
4. Rowling, J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone, London (1997). Пер. изд: Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и философский камень. М.: РОСМЭН, 2000. 400 с.
5. Rowling, J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets, London (1998). Пер. изд: Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и тайная комната — М.: РОСМЭН, 2001. 473с.
6. Rowling, J.K. Harry Potter and The Prisoner of Azkaban, London (1999). Пер. изд: Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и узник Азкабана. М.: РОСМЭН, 2001. 510 с.
7. Rowling, J.K. Harry Potter and The Goblet of Fire, London (2000). Пер. изд: Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и Кубок Огня. М.: РОСМЭН, 2002. 667 с.
8. Rowling, J.K. Harry Potter and The Order of Phoenix, London (1997). Пер. изд: Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и Орден Феникса. М.: РОСМЭН, 2004. 832с.

9. Rowling, J.K. Harry Potter and The Half-Blood Prince, London (2003). Пер. изд: Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и Принц-полукровка — М.: РОСМЭН, 2005. 685с.
10. Rowling, J.K. Harry Potter and Deathly Hallows, London (1997). Пер. изд: Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и Дары смерти. М.: РОСМЭН, 2007. 640с.

УДК 37 (091)

Фомина Наталья Андреевна

студентка 4 курса факультета мировых языков и культур,
Русская христианская гуманитарная академия

20atsilis13@gmail.com

УПРАВЛЕНИЕ ГЛАГОЛА В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается одна из основных проблем, связанная с изучением глаголов в финском языке, на основе глаголов движения и чувственного восприятия, посвященная особенностям их управления в финском языке, которое называется *rektio*. На фоне интенсивного изучения фонетики/фонологии, морфологии и лексики финского языка, синтаксические связи остаются менее изученной областью, где глагольное управление в финском языке не является объектом специального системного изучения. В статье рассматриваются и анализируются разные примеры управления глаголов в финском языке и выявляются проблемы перевода *rektio*.

Ключевые слова: управление глагола, финский язык, глаголы, особенности управления, проблемы перевода, синтаксические связи, системное обучение.

Fomina Natalya Andreevna
Verb management in the Finnish Language

The paper deals with one of the main problems associated with the study of verbs in the Finnish language, based on the verbs of movement and sensory perception, devoted to the peculiarities of their control in the Finnish language, which is called "rektio". Against the background of intensive study of phonetics / phonology, morphology and vocabulary of the Finnish language, syntactic relations remain a less studied area where verbal control in the Finnish language is not an object of special system study. In the paper various examples of verb management in the Finnish language are examined and analyzed, and the translation problems of "rektio" are identified.

Keywords: verb management, Finnish, verbs, management features, translation problems, syntactic relations, systemic learning.

Глагол – знаменательная часть речи, называющая действие или состояние как процесс, отвечает на вопрос «Что делать?», «Что сделал?», «Что сделает?» и обозначает действие или состояние.

Русскому глаголу присущи грамматические категории вида, залога, времени, наклонения; глаголы изменяются по лицам и числам (а в прошедшем времени – по числам и родам) и относятся к тому или иному типу спряжения.

Глаголы различаются по виду – совершенному и несовершенному. По форме глаголы совершенного и несовершенного вида отличаются друг от друга наличием или отсутствием суффиксов и префиксов: одеть – одевать, разглядеть – разглядывать, прыгнуть – прыгать, сделать – делать, написать – писать. Замена суффикса может сопровождаться чередованием корневого гласного с другим гласным или с нулем: запереть – запирать, собрать – собирать.

Некоторые глаголы имеют разнокоренные (супплетивные) видовые пары: брать – взять, говорить – сказать, ловить – поймать.

А.С. Диденко отмечает, что весьма своеобразна и сложна лексическая и грамматическая сочетаемость глагольных форм совершенного и несовершенного вида с другими словами в предложении. Так, при употреблении форм глагольного вида в пределах одного высказывания нельзя сочетать противоречащие друг другу значения – например, значение начала или продолжения действия со значением завершенности или однократности. Поэтому такие глаголы, как «начать», «продолжать», «быть» (в будущем времени), «стать» и подобные не могут сочетаться с глагольными формами совершенного вида: нельзя сказать: «начал рассказать», «продолжайте написать», «буду сделать», «не стану отказаться».

В финском языке, так же как и в русском, глагол – это изменяющаяся часть речи, которая имеет лицо, число, время, наклонение, залог. Глаголы в финском языке делятся на шесть типов спряжения. Тип глагола можно определять по окончанию неопределенной формы глагола (*infinitiivi*).

Глагольное управление – это вид связи в словосочетании, при котором глагол требует, чтобы зависимое слово стояло в определённой форме (падеже). В финском языке данное явление называют *rektio*. Например, в русском языке глагол «хотеть» требует использования существительного в родительном или винительном падеже: «хотеть исполнения желаний», «хотеть книгу», а глагол «мечтать» – в предложном с предлогом о(б): «мечтать об исполнении желаний». Другими примерами могут послужить глаголы, давшие названия падежам: «родить ребёнка» (родительный), «дать маме» (дательный) и т.д.

В финском языке глаголы также требуют постановки зависимого слова в определённый падеж. Самый частый пример с *pitää* в значении «нравиться». *Minä pidän lumesta* (Мне нравится снег). *Lumi* ставится во внутренне-местный падеж элатив, который чаще всего обозначает «из чего-то» и «откуда-то»: *Hae ruokaa kaupasta!* – Найди еду в магазине! (дословно переводя ну русский – Найди еду из магазина!).

Различают внутренне-местные падежи, обозначающие нахождение в закрытом пространстве, внутри чего-либо или кого-либо и внешне-местные, обозначающие место, на котором можно находиться, на которое можно положить или с которого можно взять что-либо. Для внутренне-местных падежей используется окончание *-ssa* (в), для внешне-местных падежей *-lla* (на): *Minä olen kaupassa* – Я в магазине. *Minä olen torilla* – Я на рынке. Или еще пример: мы говорим *Helsingissä* «в Хельсинки», но *Tampereella* «в Тампере» без легко объяснимой причины. *Me asumme Vantaalla* – Мы живем в Вантаа, но на письме будет *-lla* (на) без легко объяснимой причины.

Например, еще одно предложение: *Löysin avaimen laukusta* – Я нашла мои ключи в сумке. Мы находим ключи «в» сумке, но если посмотреть на структуру

финского предложения, то увидим в слове «в сумке» – *laukusta* – элемент *sta*, который принадлежит к финскому падежу *Elatiivi* и обозначает откуда-то, из чего-то.

Rektio (в переводе с лат. «управление»), означает, что главное слово требует после себя зависимого слова в определенном падеже. Выбор падежа не всегда можно объяснить, поэтому, изучая финский язык, ряд часто употребляемых глаголов с требуемыми для них падежами нужно просто запомнить.

В качестве примера трудности перевода предложений с участием глагольного управления можно привести предложение: *tuöhästyin junasta* – (я опоздал на поезд). Мы видим, что в данном случае был употреблен падеж элатив с окончанием *-sta* (который требует глагол *tuöhästyä* – опаздывать), и это предложение следовало бы переводить как «я опоздал с поезда». Однако глагол *tuöhästyä* требует, как уже сказано, элатива, и следует строго придерживаться данного правила для понимания говорящих на финском языке.

Проблема перевода и употребления *rektio* заключается в том, что для носителей русского языка после глаголов с управлением ставится определенный падеж, который может совсем не совпадать с русским.

Чмыхало Тереза Владимировна
студентка 4 курса факультета мировых языков и культур,
Русская христианская гуманитарная академия
terezach7@gmail.com

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ И РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются распространённые заимствования в финском языке, а также причины их появления и принципы адаптации. На протяжении истории различные народы и культуры постоянно контактируют между собой и в процессе взаимодействия люди перенимают друг у друга не только традиции и культурные реалии, но и лексические единицы. Задача автора – показать основную специфику употребления заимствований в финском языке.

Ключевые слова: финский язык, заимствование, литературный язык, разговорный язык, лексика, сленг

Chmykhalo Tereza Vladimirovna
Loanwords in modern Finnish literary and colloquial languages

This article is about common loanwords in the Finnish language, their appearance and ways of adaptation. During the history different cultures and people of different nations communicate with each other exchanging their traditions, phenomena and also lexicon. The author's goal is to show main ways of using loanwords in finnish language.

Key words: finnish language, loanword, literary language, colloquial language, lexicon, slang

Финский язык обрёл свою письменность и независимость от подавляющих его языков относительно недавно, в 16 веке [1, с. 11]. Периодами страна находилась то под властью Швеции, то в границах Российской империи, поэтому исконной лексики в финском осталось всего 30%. У финнов-крестьян не было возможности ни сохранять, ни развивать свой язык на протяжении многих столетий, при этом строго регламентированной литературной формы не существовало, поэтому лексика в потоке речи постоянно подвергалась различным трансформациям. Однако некоторые исследователи всё же были обеспокоены разрозненностью их родного языка и приложили усилия к созданию литературной (письменной) нормы финского [2, с. 113]. Микаэль Агрикола, Элиас Лённрот, Каарле Алекси Готтлунд и другие деятели искусственно восстанавливали исконно финские слова и создавали новые, используя финские корни и суффиксы, путём калькирования и словосложения,

они вводили эти слова «по крупицам», возобновляя и создавая литературный финский язык. Благодаря им, финский сохранился как самостоятельный язык [4, с. 32, 33, 323, 327-330; 5, с. 173-290].

Несмотря на ценные исконные финские слова, большинство лексики на сегодняшний момент составляют заимствования, диалекты и сленг. Ведь искусственно введенный литературный финский прижиться на уровне долго существовавшего, свободного разговорного не может. Исконные слова больше представлены в литературе, а разговорный язык переполнен и регулярно пополняется различного рода заимствованиями и сленгом. Сейчас заимствования в основном приходят в финский из англо-американской культуры, в связи с технологическими инновациями и распространённостью сети интернет. Даже само слово «интернет» является в финском заимствованием: *netti* – чаще всего употребляют финны, как в разговорном, так и в литературном языке, хотя официально есть заимствование *Internet*. В любом случае, будь то исторические заимствования или новые, они все преобразовываются и обретают фонетически и лексически схожую с финским языком форму. А затем входят в парадигму финского языка и изменяются по его грамматическим правилам. Так, для финских слов нетипичными являются окончания на согласные, поэтому, чаще всего, к окончаниям заимствованных слов добавляются гласные *-i* или *-a*. Что касается согласных, они нередко удваиваются, как например, в слове *ikkuna*, образованном от русского слова «окно». Финны также практикуют замену согласных *b*, *c*, *d*, *f* и *g* на близкие им «глухие» эквиваленты *p*, *s*, *t*; *v* и *k*, поэтому *bank* стало в финском *pankki*. При освоении заимствований ликвидируется также одна согласная, если она стоит рядом с другой, как, например, в слове *koulu*, пришедшего из шведского *skola* – школа. Другой распространённый способ освоения заимствованной лексики это калькирование, иными словами, буквальный перевод частей слова. Примеры:

Atmosphere – *ilmakeha*, где *atmo*, как и *ilm* – воздух, а *sphere* и *keha* – сфера, *folkskola* из шведского перешло в финский с помощью калькирования – *kansakoulu* (*folk*, *kansa* – народ и *skola*, *koulu* – школа).

Существуют также и полукальки, но они относятся к современным заимствованиям, например, *pop-tähti*, где *tähti* – это финское слово «звезда», а *pop* – английская часть слова от *popstar*.

Заимствования в финском появляются и в наши дни, и сейчас они закрепляются в языке более интенсивно, чем раньше. В основном заимствования в настоящее время приходят из английского языка, и связаны они со словами, обозначающими новые технологии, популярные явления западной культуры. Одним из таких неологизмов стал смузи – напиток с консистенцией пюре из свежих фруктов и ягод. Финны пытались ввести свой неологизм, альтернативу американскому *smoothie* – *pehmelö* – образованное от слова *pehmeä* – мягкий, однако финский вариант не прижился и финны всё

равно использовали заимствованный оригинал. Много слов пришло с распространением интернета: глагол *googlata* – искать что-то в поисковом сервисе «Гугл» (как русское сленговое слово «гуглить»).

В заключение следует отметить, что хотя и существуют разные противники заимствований и последователи пуризма в языке, нельзя полностью искоренить их из какого-либо языка. Каждая нация на протяжении истории развивается и контактирует с другими, делится знаниями, культурой, а также приобретает информацию от других народов. Более того, заимствования в финском, как и в других языках, не остаются в первоначальном, чужеродном для данного языка, виде. Они проходят путь фонетического, семантического и грамматического освоения и в итоге становятся похожими на финский и используются, грамматически изменяются финнами, как и их родные слова. Соответственно, заимствования в финском не являются частью неформальной лексики, они официально одобрены и используются наравне с исконными словами.

Литература

1. Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка. М./Л.: АН СССР, 1955. 187 с.
2. Киуру Э.С., Мишин А.И. Фольклорные истоки «Калевалы». Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. 246 с.
3. Песонен П., Риихинен О. Динамичная Финляндия / пер. А. Рупасова. СПб.: Европейский дом, 2007. 383 с.
4. Соломеща. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. 814 с.

УДК 81.25

Штейнберг Максим Александрович

студент 4 курса факультета мировых языков и культур,
Русская христианская гуманитарная академия
maksh90@gmail.com

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМЕДИЙНЫХ СЕРИАЛАХ

Данная статья посвящена передаче стилистического приема игры слов при переводе ситуационной комедии. В работе формулируется определение данного приема, также рассматриваются основные методы перевода игры слов на материале комедийных сериалов, которые являются одними из главных источников игры слов, рассматриваются примеры перевода комедийных диалогов и методы их адаптации.

Ключевые слова: субтитрование, дублирование, полисемия, фразеологизме.

Shteinberg Maksim Aleksandrovich
Methods of puns translation in English-language comedy series

This article is devoted to the transfer of the stylistic method of wordplay in the translation of situation Comedy. The paper defines this technique, also considers the main methods of translating wordplay based on the material of Comedy series, which are one of the main sources of wordplay, considers examples of translating Comedy dialogues and methods of their adaptation.

Key words: subtitles, dubbing, polysemy, phraseology.

Фильмы и сериалы были и остаются главным развлечением в мире. На гребне популярности находится сегодня продукция киноиндустрии и на российском рынке: в последние десятилетия появилось значительное количество новых зарубежных кино- и мультильмов – очевидный факт, обусловливающий актуальность проблемы их перевода на русский язык [3, с. 112]. В наше время безграничной коммуникации сериалы стали тем, что объединяет людей в группы, в том числе людей, говорящих на разных языках. Задача переводчика заключается в передаче смысла и атмосферы, но часто проблемой становится перевод юмора.

В современном мире существует два базовых способа перевода кинопродукции: субтитрование и дублирование. Каждый из способов имеет как свои достоинства, так и недостатки. При создании субтитров необходимо учитывать длину строки; неизбежна также компрессия, ведь текст такого объема невозможно уместить в нижней части экрана. Более того, людям тяжело следить за действием и читать с экрана одновременно. Настоящий, профессиональный дубляж имел множество негативных сторон, но сейчас избавился от большинства из них. Например, больше нет необходимости одному актеру озвучивать своего персонажа без перерыва. При дубляже

фильмов немаловажно «попадать в губы» или, как ещё называют этот процесс, – липсинк (от английского *lip-sync*). В погоне за укладкой текста «в губы» переводчики могут решить изменить перевод фразы на совершенно не совпадающий с изначальным высказыванием, а это может привести к потере смысла фразы или даже сцены фильма. Одним из значительных минусов дубляжа является его большая стоимость и возможный непрофессионализм актёров озвучания, ведь есть шанс, что актёр не сможет сыграть так же ярко и выразительно, как это делает актер в оригинальной версии.

Трудность работы состоит в том, что аудиовизуальный переводчик, чтобы получить качественный перевод, должен иметь технические, лингвистические, культурные, социальные, стратегические и психоэмоциональные навыки.

В своей работе переводчик неизменно обращается к разного рода переводческим трансформациям, которые подразделяются на:

- грамматические (перестановка, замена частей предложения, замена частей речи, членение и объединение предложений)
- лексические (транскрипция, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, логическое развитие или модуляция, целостное преобразование)
- лексико-грамматические (описательный перевод, опущение, добавление, антонимический перевод, компенсация).

А если переводчик встречается с игрой слов, то он прибегает к одному из следующих методов:

- дословный перевод
- компенсация
- калькирование
- опущение
- добавление

Особенностью сериалов комедийного жанра является юмор, представленный чаще всего вербально, то есть с помощью игры слов. Именно благодаря умелому использованию в целях достижения комического эффекта различныхозвучий, полных и частичных омонимов, паронимов и таких языковых феноменов как полисемия и видоизменение устойчивых лексических оборотов, достигается игра слов.

Согласно определению В.З. Санникова, каламбур представляет собой «литературный прием с использованием в одном контексте разных значений одного слова или разных слов или словосочетаний, сходных по звучанию» [1, с. 56].

Значительную трудность при переводе комедии составляет перевод каламбура/игры слов (в дальнейшем будем использовать термин «игра слов»). Перевод игры слов рассматривают, как правило, на трёх уровнях: фонетическом, лексическом и фразеологическом.

1. Фонетический характеризуется превосходством звуковой стороны над смысловой до такой степени, что становится сомнительным отнесение оборота к категории каламбура.

2. Лексический характеризуется преобладанием обыгрывания слов и их частей, антонимии, омонимии и многозначности.

3. Фразеологический уровень – самый популярный из вышеперечисленных, ведь большинство каламбуров основаны именно на фразеологии.

Перевод игры слов, построенной на фразеологизме, выполняется посредством поиска аналогичного фразеологизма на языке перевода либо с помощью калькирования. Последнее возможно только в случае наличия в языке перевода полных эквивалентов, дающих возможность перевести словосочетание дословно, передавая смысл и его отдельные компоненты максимально близко к оригиналу.

Рассмотрим примеры перевода.

1. 4 серия 3 сезона.

Шелдон проводит вычисления перед своим помощником Раджем и ставит цели:

Sheldon: ‘All right, we’re going to be designing an experiment to look for the annihilation spectrum resulting from dark matter collisions in space.’

Raj: ‘Ooh, dark matter. We better bring a flashlight.’

Студия озвучания «Кураж-Бамбей»:

Шелдон: Итак, нам предстоит разработать эксперимент по обнаружению аннигиляционного спектра от столкновения частиц темной материи в космосе.

Радж: Ууу, темная материя – нам бы здесь фонарик не помешал.

В первую очередь, необходимо разъяснить, что темная материя – это термин из астрономии, получивший такое название из-за того, что она (материя) не испускает электромагнитного излучения, вследствие чего невозможно ее прямое наблюдение, то есть ее сложно увидеть [2].

Данная игра слов относится к играм слов, основанным на полисемии: слово *dark* (темный) [4] полисемично, и в диалоге обыгрываются два его значения – лишенный освещения и невидимый [4]. Шутка состоит в том, что, используя фонарик, можно увидеть что-то в темноте, но темную материю невозможно рассмотреть даже с его помощью.

Благодаря тому, что данные значения совпадают в ИЯ и ПЯ, для перевода данной игры слов переводчики выбрали метод калькирования.

2. 12 серия 4 сезона

Главные герои сериала Шелдон, Говард, Леонард и Радж решили создать приложение, но целевая аудитория – не более 100 человек. Говард понимает это и с иронией рассказывает Пенни, что они не просто играют, а заняты серьезным бизнесом, а их труды обязательно оккупятся.

Студия озвучания «Кураж-Бамбей»:
Howard: 'We're going to be hundred-aires.'
Говард: Мы станем сто-эрами.

В основе данной игры слов лежит окказионализм, образованный от слова «миллионер» [4]. В ИЯ и ПЯ данные единицы совпадают, что дало возможность переводчикам без труда передать игру слов методом эквивалентного перевода.

3) 2 серия 4 сезона

В данном диалоге присутствует игра слов, которая была построена на неологизме:

Sheldon: You don't get it, Leonard. I'm going to miss so much the unified field theory, cold fusion, the dogapus.

Leonard: What's a dogapus?

Sheldon: The hybrid dog and octopus. Man's underwater best friend.

Комического эффекта удалось достичь с помощью неологизма, образованного путем комбинации слова *dog* («собака») с одной из частей слова *octopus* («осьминог»).

Данная игра слов не является излишне сложной, что дает возможность воспользоваться методом калькирования, что и сделал переводчик студии озвучания «Кураж-Бамбей»:

Шелдон: Ты не понимаешь, Леонард. Я столько всего пропущу: единую теорию поля, холодный ядерный синтез, песенога.

Леонард: Песенога?

Шелдон: Это гибрид собаки и осьминога. Лучший подводный друг человека.

Адекватный перевод – совсем не то, чего можно с лёгкостью достичь. Только обладая знаниями в различных областях и тонко ощущая атмосферу каждого конкретного момента, можно адаптировать материал для русскоязычного зрителя. Переводчик обладает большим набором инструментов, и самое трудное для него – это решить, какой из них следует использовать в данной ситуации и насколько много «своего» добавить в этот перевод.

Литература

1. Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 56-69.
2. Словари и энциклопедии на Академике // Академик URL: <https://dic.academic.ru>. (Дата обращения: 01.04.2020).

3. Трофимова Н.А., Карказова А.А. Особенности перевода заголовков кино- и мультфильмов // Лингвокультурное измерение текста и дискурса: сб. статей. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 112-119.
4. ABBYY Lingvo Live. URL: <https://www.lingvolve.com/en-us>. (Дата обращения: 02.04.2020).

Эспозито Татьяна Викторовна
магистрант 1 курса факультета мировых языков и культур,
Русская христианская гуманитарная академия
tatianaesposito89@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ С ПОЗИЦИИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматривается лексическая синонимия с позиции Наблюдателя. Понятие личности означает то, что язык принадлежит творческой личности человека, творческое начало которого проявляется в порождении любого оригинального завершенного высказывания, состоящих из известных компонентов. Именно Наблюдатель играет основную роль в выборе того или иного слова, употребление которого определяет его частотность и дальнейшее закрепление в языке. Становление синонимического ряда каких-либо слов обусловлено интерпретацией Наблюдателя.

Ключевые слова: синонимия, синонимический ряд, Наблюдатель, творческая личность, концептуализация, категоризация.

Esposito Tatiana Viktorovna
Lexical synonymy from the position of a creative person

The article considers lexical synonymy from the viewpoint of an Observer. The concept of personality means that language belongs to the creative personality of a man, whose creative principle is manifested in the generation of any original completed utterance consisting of known components. It is the Observer who plays the main role in choosing a particular word, the use of which determines its frequency and further consolidation in the language. The formation of a synonymous series of any words is due to the interpretation of the Observer.

Key words: synonymy, synonymous series, Observer, creative personality, conceptualization, categorization.

Известно, что лексические синонимы являются наиболее хорошо изученными семантическими категориями. Им посвящено огромное количество научных статей, они скрупулезным образом описаны во многих синонимических словарях. Но мы вновь обращаемся к названной теме, введя понятие лексических синонимов с точки зрения творческой деятельности личности, человека – Наблюдателя. Синонимия, являясь конститutивным свойством языка, связана с познанием и обозначением важных для человека областей мироздания. Появление новой лексической единицы для номинации уже обозначенного концепта вызывается потребностями говорящего. Поэтому можно говорить о том, что существование синонимических рядов в естественном языке всегда мотивировано и обусловлено интерпретацией человека как Наблюдателя [6].

Введение в лингвистику понятие личности означает то, что язык непосредственно принадлежит творческой личности человека, творческое начало которого проявляется в порождении некоего оригинального завершенного высказывания, состоящего из каких-либо уже известных элементов. К средствам творческого развития языка можно отнести речевые ошибки, окказионализмы. Но подобные проявления творчества индивида не исчерпывают всех возможностей языковой деятельности. Дело в том, что язык является важнейшим средством познания, и человек осуществляет когнитивные преобразования в процессах отражения сознанием объективной реальности и взаимодействия этого субъективного отражения с миром – объектом его деятельности. Когнитивные преобразования представляют собой богатейший источник языкового творчества. Однако первостепенным является рассмотрение языка как творческой деятельности личности, и рассматривать его следует с точки зрения прагматики, поскольку каждый человек для выражения даже самых простых личностных потребностей, таких, как выражение возмущения либо удовольствия, всегда находит собственные неординарные средства и возможности [4].

Современное языкознание, исследующее язык с позиций антропоцентризма, позволило по-новому поставить задачу соотношения языка и интеллекта человека, в частности, оно установило, что язык и интеллект человека неразрывно связаны и потому представляют собой важнейший источник сведений друг о друге. Антропоцентризм в организации языка и во всех познавательных процессах усматривается также в том, что когниция – центральное понятия когнитивной науки – занимает ведущее место в жизни человека [10]. Когниция чаще всего интерпретируется, с одной стороны, как познавательный процесс – процесс приобретения знаний, с другой – как результат этого процесса – знания. Иными словами, когниция – это процесс осознания и познания действительного мира. А язык является одним из основных инструментов познания этого мира, и одновременно он обеспечивает доступ к системе знаний [5].

В последнее время лингвистика преодолевает застойные явления в способах осмысления действительности, являющейся нам в языке и через язык. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, историей лингвистики как науки и ее прогрессом «двигали не только научные революции, не только «обнаружение новых реальностей», но и изменение взгляда на вещи, на аспекты этих вещей» [9, с. 32]. В центре внимания лингвистов когнитивного направления находятся ментальные процессы человека. «Содержанием сознания является концептуальная система человека, осознаваемая в своей важнейшей части, вербализованной в виде системы знаков» [9, с. 9].

Существует «сила инерции, преодолеть которую оказывается очень нелегко, она довлеет над нашим пониманием устройства мира и нашим

познанием мира и себя» [7]. Однако именно способность живой системы (как человеческий организм) к эволюции, к адаптивным взаимодействиям с внешней средой обеспечивает, в конечном итоге, ее выживание и поддержание своего существования. Когнитивная лингвистика на современном этапе стремится объяснить отношения между человеческим языком и мышлением, что носит взаимно-казуальный характер, пытается показать, как окружающая среда влияет на формирование мыслительных способностей человека и на то, как человек воспринимает мир [10].

В выполнении задач, связанных с поиском общего и закономерного, где на поверхности – отдельное и случайное, когнитивная наука лишь осуществляет более строгими методами то, чем занят любой человек и любое живое существо в процессе адаптации к действительному миру. Для того, чтобы ориентироваться в среде обитания, жизненно необходимо как-то группировать объекты и явления, ибо невозможна какая бы то ни была адекватная стратегия поведения, если она строится заново для каждого индивидного объекта или явления. Память даже примитивная, хранит образы, схемы, фреймы, прототипы, сценарии и т.п., относящиеся прежде всего к классам объектов и ситуаций, и опыт, руководящий деятельностью, тем самым предполагает *концептуализацию* (выделено нами), классификацию и категоризацию действительности [3].

При концептуализации, классификации и категоризации, как в любой ментальной деятельности человека, последний неизменно оказывается «мерой всех вещей». Прагматический эгоцентризм структурирует действительность таким образом, чтобы она оптимально «выстраивалась» в когнитивном поле человека, была максимально «удобной для использования» [3, с. 50].

Как уже отмечалось выше, синонимия как конститутивное свойство языка, несомненно, связана с познанием и обозначением актуальных для человека областей реального мира. В явлении синонимии М.В. Никитин видит доказательство того факта, что словарный состав языка – это не хорошо упорядоченная система, а «конгломерат единиц, которые память свела вместе из разнообразных источников и которые вовлекаются в соотношение и функции системы по мере необходимости» [11, с. 97]. Иными словами, появление новой лексической единицы для номинации уже обозначенного концепта вызывается не внутрилингвистическими факторами, а потребностями говорящего. Поэтому можно предположить, что существование синонимических рядов в естественном языке всегда мотивировано.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении становления и развития некоторых глаголов синонимического ряда, выражающего процессы смешивания разных субстанций. Ведущим фактором этого выбора, по нашему мнению, является намерение говорящего или Наблюдателя использовать именно данные глаголы во всех сферах жизнедеятельности любого человека в

прямом и переносном смыслах. Каждый индивид стремится создать простую и ясную картину мира. На эту картину мира и ее оформление человек переносит центр тяжести своей жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность. Следовательно, любое знание о мире относительно [5].

Эту идею поддерживают современные авторы биологической теории познания У. Матурана и Ф. Варела. Они говорят о том, что это относительное знание опосредовано человеческой природой или структурой человека как живого организма, его внутренней динамикой и характером его взаимодействий с внешним миром. Важной представляется мысль У. Матураны и Ф. Варелы о том, что мир человека есть «с необходимостью» мир, который он создает сам вместе с другими [10, с. 116]. Таким образом, концептуальная картина мира – это образ или глобальная презентация мира, творимого человеком в процессе его взаимодействия с окружающей средой и другими людьми и являющегося для него реальным. Каждый отдельный человек существует лишь постольку, поскольку он осознает себя как сущность в языке. «Только потому, что мы существуем как осознающие себя сущности и существует область физического существования как ниша, ограничивающая когнитивную область в конечном объяснении того, что представляет жизнь человека-наблюдателя как феномена. На самом деле понимание онтологической первичности наблюдения играет решающую роль в понимании феномена познания» [10, с. 115]. Наблюдатель как перцептивный субъект давно и активно привлекается в языкоznании в качестве аналитического инструмента [2, с. 7].

Наше понимание Наблюдателя обусловлено той ролью, которую ему приписывает биокогнитивная теория языка и познания [7, 9]: Наблюдатель – это субъект широкого и универсального статуса – перцептивно-когнитивного. Такой субъект способен охватить восприятие высшего когнитивного порядка, включающего в себя оценочные и аффективные уровни (аспекты) категоризации [2, с. 8]. Каждый отдельный Наблюдатель существует в своем феноменологическом мире, порождаемым областью когнитивных взаимодействий (в том числе и языковых), или консенсуальной областью, представляющей собой наложение или пересечение ниш отдельных наблюдателей. Именно поэтому для всего множества наблюдателей, говорящих на одном языке, их внешний мир является единым для всех миров, то есть тем, что принято называть «объективной» реальностью.

Наше восприятие этого внешнего, «объективного» мира есть результат структурных изменений, вызванных определенными языковыми взаимодействиями. В данном случае можно говорить о процессе с круговой организацией, участники которого связаны сложной динамикой взаимной каузации. Этот процесс, направленный на поддержание равновесного содержания системы организм-среда и есть познание [7, с. 12]. Согласно У.

Матуране, познание не является средством приобретения знания об объективной действительности, оно служит активному организму в его приспособлении к опытному миру [10, с. 26]. Человеческое познание как эффективное действие принадлежит биологической области, но всегда проживается в той или иной культурной традиции – по мере узнавания того, что люди не знают, она порождает самих себя. Познание познания принуждает осознать, что определенность не является доказательством истинности и что мир, который видят каждый из нас, – это мир, который мы создаем вместе с другими [8].

Познание происходит не только при взаимодействии индивида с физическими сущностями ниши. Нервная система человека расширяет его когнитивную область, включая в сферу возможных взаимодействий с собственными внутренними состояниями. Это явление известно науке как абстрактное мышление. Подобное расширение границ когнитивной области также делает возможным нефизические взаимодействия между людьми, в процессе которых они ориентируют один другого на взаимодействия внутри когнитивных областей друг друга [10, с. 103-105].

С точки зрения биологической концепции языка, его фундаментальной функцией является расширение когнитивной области или области взаимодействий человека. Эта область взаимодействий выходит за рамки физического контакта, обеспечивая возможность взаимодействия с чистыми отношениями. Подобные нефизические взаимодействия составляют основу коммуникации или ориентирующего поведения внутри консенсуальной области человека [10].

Для Е.С. Кубряковой неубедительным кажутся попытки представить в качестве нового слова науки теорию восприятия У. Матураны и тем более – построить на ее основе фундамент современной теории языка. Если рассматривать проблемы знания, то им нельзя давать ту или иную оценку, не ответив на центральный для науки вопрос о том, а знаниями о чем являются знания человека, объективированные в языке. Дело в том, что, как считает Е.С. Кубрякова, нас уже не может удовлетворить тот простой ответ на заданный вопрос, который «заключается в словах об отражении мира как пассивной регистрации человеком окружающей его действительности и понимание последней как некой стабильной и заранее данной сущности, которую человеку предстоит, познавая ее, отразить. Будь это так, откуда бы появились данные о разном членении мира в разных языках и о фиксации в языке итогов разной сортировки человеческого опыта, о разной концептуализации и категоризации всего того, с чем сталкивается человек в длящихся тысячелетиями процессах адаптации и приспособления человека к той среде, в которой он был вынужден не только выжить, но и с которой он взаимодействовал для продолжения рода» [9, с. 82-83]. Мы разделяем и взгляды Е.С. Кубряковой на эту проблему.

Таким образом, основной функцией любого вида деятельности, в том числе и языкового, является повышение эффективности адаптации индивида к опытному миру для поддержания его жизнеспособности. С точки зрения Наблюдателя, человек может одновременно существовать в двух или более эпостасях. Это могут быть разные социальные или языковые сущности. В таком случае под влиянием разных условий у индивида формируются сдвоенные (но не двойные) концепты, и «взаимные казуальные связи между схожими репрезентациями приобретают альтернативный характер» [7]. Это высказывание подтверждается тем фактом, что в различных социальных ситуациях в сознании человека активируются разные области концептов, так же как и при взаимодействии с носителями иных языковых систем.

Субъект, оперирующий языковыми репрезентациями, приспосабливаясь к среде, может по-разному описывать одно и то же явление, что обусловлено его опытом, а также различными условиями и возможностями его взаимодействия с действительным миром. Со временем, благодаря влиянию целого ряда факторов постоянно меняющейся окружающей среды, накоплению опыта взаимодействия с ней, концептуальная система человека меняется, актуализируются новые ранее неизвестные участки концептов, объективируемые посредством разнообразных лексических средств развивающихся синонимических рядов. Данный процесс становления, формирования новой лексики каких-либо синонимических рядов также возможен как следствие различных способов адаптации к изменению среды [6].

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу языковых форм предполагает такое их описание, которое учитывает как формирование когнитивных структур, лежащих в основании семантики языковых форм, так и учет причин выбора языковой формы в конкретных коммуникативных целях; именно «на перекрестке когниции и коммуникации» происходит адекватное описание языкового явления [8, с. 28]. В коммуникации выделяются два основных аспекта. Первый аспект – это внутренний аспект взаимодействия когнитивных систем коммуникантов, событие на уровне деятельности сознаний языковых личностей в процессе речевого взаимодействия [1]. Второй аспект – это внешний поведенческий аспект (конкретных наблюдаемых особенностей) порождения и восприятие речи. Таким образом, коммуникативное взаимодействие, с одной стороны, целиком пронизано значением. С другой стороны, оно взыскивает «к восприятию, то есть к Наблюдателю» [2, с. 13].

Глаголы, описывающие ситуацию взаимодействия, смешения разных субстанций в некое новое образование, насчитывают сотни единиц. Данные лексемы обозначают различные аспекты смешения – соединяться, сливаться с чем-либо; перемешивать, размешивать при помощи ложки, мешалки и т.п.; примешивать, смешиваться, соединять в одно что-либо разнородное, скрещивать, миксировать, замешать, замесить, развести, сбить, подмешивать,

разбавить; сойтись; общаться, вращаться (в обществе); перемещая, нарушать порядок расположения чего-либо; принимать одно за другое; приходить в беспорядок; утрачивать способность здраво мыслить, ясно мыслить, трезво оценивать обстановку; утрачивая отчетливость очертаний, сливать в одну массу [12]. Ядерным или прототипическим глаголом, представляющим все поле смешения, является глагол *to mix*. Он объединяет широкий спектр концептуальных аспектов смешения. Соответственно, все глаголы данного синонимического ряда (*to mix, to stir, to blend, to confuse, to mingle, to blur, to fuse, to merge, to agitate, to intertwine, to confuse, to mix up* и т.д.) акцентируют различные аспекты концепта «смешивать». Виды и типы «смешения» имеют различные характеристики – способы производимого действия, качество образовавшейся субстанции/смеси/сочетания любых ингредиентов и т.д. Многие глаголы со значением «смешивать» имеют интерпретативный компонент, который говорит о том, что в концептуализации акта «смешения» содержится оценка. Этот компонент свидетельствует о наличии интерпретатора, который может и не являться субъектом описываемого действия и обычно выступать в роли Наблюдателя как, например, в дефиниции под номером 7, приведенной ниже статьи глагола *to mix*:

to mix – 1. *to combine or blend (ingredients, liquids, objects, etc.) into one mass;* 2. *to become or have the capacity to become combined, joined etc.: some chemicals do not mix;* 3. *to form something by combining two or more constituents: to mix cement;* 4. *to add as an additional part or element (to a mass or compound): to mix flour into a batter;* 5. *to do at the same time; combine: to mix study and pleasure;* 6. *to consume (drink or foods) in close succession;* 7. *to come or cause to come into association socially: Pauline has never mixed well;* 8. *to go together; complement;* 9. *to crossbreed (different strains of plants or breeds of livestock), esp. more or less at random;* 10. *electronics to combine (two or more signals);* 11. *music a) (in sound recording) to balance and adjust (the recorded tracks) on a multitrack tape machine; b) (in live performance) to balance and adjust (the output levels from microphones and pick-ups);* 12. *to merge (to length of film) so that the effect is imperceptible;* 13. *a) to cause mischief or trouble, often for a person named: She tried to mix it for John; b) to fight* [13, p. 1044].

Пример дефиниции №7 показывает, что некий интерпретатор в качестве Наблюдателя оценивает сложившуюся ситуацию имплицитно (без присутствия), по всей видимости, наблюдая за сложившейся ситуацией в течение достаточного количества времени: он считает, что Полина никогда не могла адаптироваться к обществу.

В следующей словарной статье синонима *to blend* также в примерах дефиниций №2 Наблюдатель, эксплицитно не выраженный, интерпретирует и дает оценку модному современному звуку (*stylish contemporary sound*), полученному слиянием джаза и поп-музыки.

to blend – 1. to mix different foods or other substances together: Blend the butter and the sugar together; **blend smth with smth**: bio-fuel blended with standard diesel; **blend smth into smth**: Blend three drops of rosemary oil into a base oil. 1a. to join with another substance to form a mixture: They have blended into a sticky mess; 2. to combine different tastes, qualities etc in a way that is attractive or effective: Their music blends jazz and pop in a stylish contemporary sound. 2a. to be combined with other things in an attractive or effective way: + with The sweetness of the yoghurt blends nicely with the sharpness of the lemons [14, p. 133].

Представляется, что именно коммуникант или Наблюдатель, играет основную роль в выборе того или иного слова, а, следовательно, употребление глагола определяет его частотность и дальнейшее закрепление в языке [4]. Так, эти глаголы еще в древнеанглийском периоде имели чрезвычайно большое число значений. Кроме того, обозначая особые нюансы процесса смешения, каждый из этих глаголов имел свои собственные валентности, закрепившиеся еще в древнеанглийском периоде. Такая частотность глаголов говорит о предпочтении этих форм Наблюдателем. Глаголы *to mix*, *to blend*, *to fuse* обозначают различные оттенки одного и того же понятия – способности смешиваться. Согласно концепции натурализации, слова рассматриваются как сущности, присущие человеческой деятельности: ориентирующее поведение человека в режиме реального времени связывает его вербальное поведение и социальный опыт.

Таким образом, становление синонимического ряда глаголов смешения *to mix*, *to stir*, *to blend*, *to confuse*, *to mingle*, *to blur*, *to fuse*, *to merge* и т.д. обусловлено интерпретацией Наблюдателя. Любая сущность, в том числе языковая, выявляется, концептуализируется и категоризуется в результате взаимодействия организма со средой, если принимать во внимание точку зрения У. Матураны. Следовательно, языковое значение является для Наблюдателя таким же компонентом среды (ниши), как и любая другая сущность, с которой организм может вступать во взаимодействие с целью адаптации к окружающему миру.

Литература

1. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1, М.: Гнозис, 2006. С. 157-172.
2. Верхотурова Т.Л. Метакатегория «Наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*, Вып. 1, М.: Гнозис, 2006. С. 45-66.
3. Касевич В.Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 192 с.

4. Киселева С.В. Соотношение системы языка и речи // Ученые записки. Том 26: Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода: сб. науч. ст. / ред. коллегия: С.М. Климов, М.В. Ежов, Н.А. Трофимова. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2014. С. 23-32.
5. Киселева С.В. К вопросу о форме представления знания о языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XXI: Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 25-26 июня 2015 г. / отв. ред. вып. Л.В. Бабина. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 71-75.
6. Киселева С.В. Экскурс в лингвистическую область синонимии // Филологические этюды: колл. монография / отв. Ред. О.Н. Морозова – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 61-85.
7. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001. 260 с.
8. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.
9. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак. 2013. С. 6-17.
10. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995. С. 95-142.
11. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. 756 с.
12. Никитин М.В. Новый русско-английский учебный словарь. СПб.: Книжный мир, 2005. 560 с.
13. CED – Collins English Dictionary. Completed and unabridged. New Edition. England. 1872 с.
14. MED – Macmillan English Dictionary (for advanced learners). International Students Edition. London, 2002. 1692 p.

P.S. POESIS ACADEMICA

Стефано Мария Капилупи
ПЕСНЬ ПОЭТА

Famiglia
Mamma
ti vede ti sente
(lei dice che t'ascolta)
quindi cede a un'immagine colta,
sorridente t'abbandona
affascinante icona
d'impazienza.
Nonna martella nell'uditore
trito aneddoto ritrito.
Papà raggiunge il massimo
quando recita citando "duro calle"
poi aggiunge faceto "altrui"²⁶
insomma...*due palle*
nella misura in cui.

Семья
Мама
тебя видит и слышит
(говорит, что тебя слушает),
затем поддается воображению,
улыбаясь, покидает тебя,
обаятельная икона
нетерпимости.
Бабушка вбивает в ухо
разжёванный рассказ потёртый.
Папа достигает вершины,
когда играет, цитируя "как трудно"
затем добавляет шутливо "на чужбине"²⁷
в итоге ... заколебал меня
по мере того, как.

---

²⁶ "Tu proverai sì come sa di sale / lo pane altrui, e come duro calle / lo scender e il salir' per l'altrui scale". Dante Alighieri. *Divina Commedia. Paradiso*, XVII, 58-60.

²⁷ «Ты будешь знать, как горестен устам / Чужой ломоть, как трудно на чужбине / Сходить и восходить по ступеням». *Данте Алигьери*. Божественная Комедия. Рай, XVII, 58-60.

Canto del poeta

Il poeta trascende
il patetico e il morboso:
gusta l'essenza
detesta del cibo il fondo:
lascia sempre qualcosa nel piatto.

Песнь поэта

Поэт – он превыше
патетики и болезненности:
дегустирует сущность,
никогда не доедая до дна,
всегда оставит что-то на тарелке.

Giullare di Dio

Ai miei occhi non s'era
ancora levata la luna
pulita e feconda dei vangeli.
Così mi lamentavo: "Non conosco
i remoti chiarori
i primari alfabeti.
Solo osservo un animale
quest'uomo che ringhia, m'incute
timore e io rimango
soggiogato dal suo
nauseante nitore".

Appena la linfa fluiva
e la mente si faceva ardita
in una mensa privata di sapienza,
già traboccando mi curavo del travaso
speravo in levità. Sembrasse anche
genuina esuberanza.

Mi parve trovare un pieno
respiro nelle isole
calme dell'umiltà.

A volte ancora m'annoia
il compagno muto
e sogno soltanto

di bere, bere
alle fonti.

Forse sono stanco
di levigare l'anima
e voglio dormire. Forse
voglio ancora provarmi
in questa preghiera
che osa aggirare il divino.
Ne sentissi anche solo
l'eco chiara
tenterei d'oscurarla
temendo silenzio insuperabile
o fatiche di intricati
cunicoli del Verbo.
Per mascherarLo
Lui stesso ci fornisce i trucchi
nel gioco più generoso.
Io ne godo lo scherno benevolo
spero mi lasci in eterno
giullare.

Шум Бога

Перед глазами моими
еще не всходила
чистая и плодородная
луна Слова.

Я жаловался постоянно: «Не знаю
дальних светил
и первых алфавитов,
а только слежу за животным -
 тот человек, рычащий, во мне он страх пробуждает
и я застываю покорно
в его отвратительном блеске».

Как только лимфа вскипала
и разум казался отважным
себе на пиру своей мудрости,
тут я, уже переполнен, стремился вовне излиться,
рассчитывая на легкость. Пусть видели в этом другие
подлинное изобилие -

я-то желал обрести
всю полноту дыхания,
уйдя в острова смирения.

Порой лишь надоедает
товарищ мой молчаливый,
когда я мечтаю просто
черпать и пить
из истоков.

Может быть, я устал
От шлифовки своей души
и просто хочу спать. Может быть,
хочу испытать себя снова
в этой молитве,
грозя превзойти божественное.

Даже если бы слышал
Его только звонкое эхо,
То я стремился б затмить Его
из страха молчания вечного
и боязни перед тяготами
путаных путей Логоса.
Для маскировки Своей
Он сам выделяет нам трюки
в самой щедрой из игр.

Его безобидным глумлением наслаждаясь,
Хочу, чтобы Он оставил
меня вовеки шутом.

Paese
Paese
che ti guarda in faccia:
chi sei?
Tutti
con la brillantina in piazza:
che vuoi?
Che la mamma
gambe lunghe scendeva al fiume-
si spegne lontano barlume,
voglio l'opaco perché penso:
qui colonia americana

si dà le arie
rombano le utilitarie,
sotto il sole sigaretta in bocca
che vuoi?
Voglio la rocca
il carcere antico...

Paese

Поселок,
глядящий тебе в лицо:
ты кто?
Все
головы на площади в геле:
Что тебе надо?
Мама
скорыми шагами сходит к реке -
это ускользает, как далекий проблеск,
я хочу тени, потому что думаю...
Здесь американская колония
напоказ,
Шумят малолитражки
Под солнцем, сигарета во рту:
Что тебе надо?
Всего только крепость,
древнюю тюрьму...

Luminosa visione

A volte sentiamo
d'essere falene accorte
e ragionevoli che
ancora indulgiano di fronte al fuoco.
Dubitiamo se amare, temere, vorremmo
restare nel tepore che il sole
dà a una distanza giusta,
inventando in fretta altri nomi:
musica, genio, armonia...

Scordiamo
d'essere fortunati animali anfibi
per i quali contatto è il trapasso, non urto:
diventiamo

sconosciute creature.

Светлое виденье

Иногда чувствуем,
Что мы осторожные мотыльки
И разумные, которые
медлят перед огнем.

Сомневаемся, любить ли, бояться ль...
Остаться бы в теплоте, которую солнце
дает на правильном расстоянии.
Изобираем поспешно другие имена:
музыка, гений, гармония...
Забываем,
что мы счастливые амфибии,
которым не страшна встреча с огнем:
становимся
иными созданиями.

Lamento di Giobbe

La mia tela dei rimorsi oggi
è imbrattata, manca di Grazia.

In treno
sulle note di questa
miopia, non vedo
la nobiltà del bosco
non penso al fato
né trovo i segni
della Provvidenza.

Giornata storta
da sputare in un flusso
di coscienza - Dio
lasciamolo stare,
Dio divertito
nel grano.

Жалоба Иова

Мое полотно раскаяний сегодня
запятнано, оно лишено Благодати.

На поезде
за нотами этой
близорукости не вижу
благородства леса,

не думаю о судьбе
и не нахожу знаков
Провидения.
Неудачный день, отправляйся в поток
Сознания! А Бог –
оставим Его...
Бог, забавляющийся
на полях.

Eredità

Ora, padre, sii alba,
clima, erba luminosa
e consiglio.
Ad ogni morte il mondo
è più forte e giovane.

Fino al giorno che un musicista
vedremo in ogni ramo.

Наследство

Теперь, отец, будь восходом,
светлым лугом, советом.
С каждой смертью мир
становится сильнее и моложе.

До того самого дня, когда музыканта
увидим на каждой ветви.

A Marta

Amendo te conosco i nomi
degli alberi più alti

A Marta

Loving you I know the names
of highest trees.

De fide

Davvero meritiamo
L'attenzione dei demoni
О è solo materia la nostra?
Quanta strada ha da fare

Il tempo e quanto ancora dovrò
Mangiare per essere
Degno di morire?
Quanto dura il sospiro
Del parto silenzioso?
E quanto sangue sentiremo
Ancora fischiare
Nelle orecchie
Desiderose di pace?
La fede è un pungolo nella carne
fatto di domande?

De fide

И вправду заслуживаем
внимания демонов
или всего лишь материальны?
Сколько еще впереди
пути и сколько еще придётся мне
съесть, чтобы стал я
достойным смерти?
Сколько времени делятся
молчаливые роды Творенья?
И сколько крови кричащей услышим,
желая мира?
Вера – это жало вопросов,
пронизавших плоть?

Научное издание

НОМО LOQUENS: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОГО МИРА

Выпуск 5

Международная научно-практическая конференция
Санкт-Петербург, 18 апреля 2020 г.

Сборник материалов докладов и сообщений

Директор издательства: *A. A. Галат*

Составители и редакторы выпуска:

H.A. Трофимова, С. В. Киселёва, И. Б. Руберт

Верстка: *H. A. Трофимова*

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812)310-79-29, +7 (981) 699-65-95;
факс: (812)571-30-75
e-mail: rhpublisher@gmail.com
<http://rhga.ru>